

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»

на правах рукописи

Иеродиакон Елисей (Меняйлов)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И БОЛГАРСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВЕЙ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ
В 1944 – 1962 ГГ.

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата богословия

Научный руководитель:
Кандидат исторических наук,
кандидат богословия
священник Димитрий Сафонов

Москва

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. МЕЖЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ БОЛГАРИИ И РОССИИ В 1944-1952 ГГ.....	20
1.1. Общественно-политическая ситуация в Болгарии в 1944-1947 гг. и ее влияние на церковную жизнь	20
1.2. Участие Болгарской Церкви во Всеправославном совещании в Москве и его последствия для церковно-государственных отношений в Болгарии в 1947–1950 гг.	48
1.3. Противостояние Синода и Союза священников как этап истории Болгарской Церкви	74
2. МЕЖЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В 1952–1962 гг.	91
2.1. Визит митрополита Николая (Ярушевича) в Болгарию в контексте внутрицерковной ситуации.....	91
2.2. Роль Русской Православной Церкви в восстановлении патриаршества в Болгарии в 1953 г.	112
2.3. Развитие русско-болгарских межцерковных отношений в контексте положения РПЦ в 1953–1962 гг.....	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	164
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	178
ПРИЛОЖЕНИЯ	179
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	179
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	188

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 2012 года состоялся визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Болгарию. В рамках подготовки визита в Софии проводились различные культурные и образовательные мероприятия, посвященные важным событиям из истории русско-болгарских отношений. В это же время автор находился в Болгарии, где познакомился со священнослужителями и преподавателями Богословского факультета Софийского университета. Общаясь с учеными из академических и широких научных кругов на тему истории межцерковных отношений Болгарии и России в XX веке, автор вдохновился идеей исследовать почти не изученный период 1945–1962 годов, который сыграл огромную роль в становлении и укреплении Болгарской Православной Церкви (БПЦ) в семье Поместных Церквей. *Актуальность* изучения этого периода основывается на ряде важных событий в истории Болгарской Церкви, которые при активном участии Русской Православной Церкви (РПЦ) определили ее новый статус и вывели на более высокий уровень церковно-государственных отношений. В этот период произошло несколько ключевых событий в истории межправославных отношений России и Болгарии, которые, на наш взгляд, стали основанием для сегодняшних прочных и надежных взаимоотношений между Церквями. В настоящее время на фоне происходящих в православном мире церковно-политических процессов отношения между Русской и Болгарской Православными Церквями достигли самого высокого уровня. Последние события общецерковного характера, связанные с канонизацией архиепископа Серафима (Соболева), стали ярким подтверждением того, что братские Церкви прибывают в единомыслии по самым непростым и сложным вопросам.

Актуальность данной работы определяет и рассмотренная в ней тема обучения болгарских студентов в Московской духовной академии (МДА). В исследуемый автором период поток студентов из Болгарии в СССР был довольно интенсивным. Кроме того, священнические хиротонии болгарских студентов Патриарх Алексей старался совершать лично. Во иеромонахи им были

рукоположены такие известные иерархи как: митрополит Западно- и Среднеевропейский Симеон (Костадинов) в 1958 году, митрополит Врачанский Каллиник (Александров) в 1962 году; митрополит Видинский Дометиан (Топузчиев) был рукоположен 18 июля 1962 года на совместном богослужении Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Патриарха Болгарского Кирилла.

Таким образом, сам факт обучения и рукоположения болгарских студентов в МДА в советский период является живым подтверждением того, что русско-болгарские церковные отношения носили не официальный и сухой характер, но были выражением реального братского общения двух Церквей, которое сохраняется и сегодня. Ни одна Поместная Церковь в указанный период не преуспела в развитии межцерковных отношений с Русской Православной Церковью так, как Болгарская. И сегодня немало болгарских студентов обучается в Московской духовной академии, в их числе и представитель Болгарского Патриарха при Патриархе Московском архимандрит Феоктист (Димитров).

Сегодня в болгарской ученой среде очень живо обсуждается тема русского церковного имущества в Болгарии, но изучать этот вопрос историки по неизвестным причинам не берутся. Во время пребывания автора в Болгарии в 2012 году состоялась беседа с профессором Богословского факультета Софийского университета Иваном Желевым. Во время разговора Иван Желев затронул тему русского церковного имущества в Болгарии, которая, по его мнению, имеет сегодня для болгар большую актуальность, но болгарские историки ее не исследуют и обходят стороной.

Говоря о *степени изученности темы*, следует подчеркнуть, что история взаимоотношений Русской и Болгарской Православных Церквей в советский период до сих пор представляет собой целый комплекс неисследованных и малоизученных научных проблем.

В историографии проблемы можно выделить два направления: *отечественное* и *зарубежное*.

В *отечественной историографии* советского периода освещение взаимоотношений Болгарской и Русской Православных Церквей носило сугубо

официальный характер. Прежде всего это было обусловлено антирелигиозной политикой советского государства. С 1943 года, когда И. В. Сталин ослабил давление на Церковь, в Журнале Московской Патриархии (ЖМП) стали появляться статьи на тему внешней деятельности Русской Православной Церкви. Особую значимость имеют послания, а в некоторых номерах и воспоминания о состоявшихся визитах в СССР глав и представителей Болгарской Православной Церкви¹. История межцерковных отношений Русской и Болгарской Православных Церквей частично освещалась современниками, которые, как правило, были и участниками наиболее значимых событий в рамках двусторонних отношений. К наиболее ярким авторам следует отнести митрополита Николая (Ярушевича), который регулярно оставлял заметки о совершаемых поездках за границу. В частности, его статья «В Болгарии»² великолепно передает климат межправославных отношений в условиях антирелигиозной политики социалистических стран. Также писали на эту тему такие церковные деятели, как митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков)³, протоиерей Всеволод Шпиллер⁴, протоиерей Василий Верюжский⁵, архиепископ Михаил (Чуб)⁶.

Ценным материалом для нашего исследования стали «Дневниковые записи» Святейшего Патриарха Алексия (Симанского)⁷. В своем «Дневнике» Патриарх лаконично, но содержательно рассказывает о деталях различных поездок за границу, в частности, передает свои впечатления по поводу посещения Болгарии и встреч с болгарскими архиереями. Следует отметить также «Отчеты»⁸ секретаря Святейшего протоиерея Алексия Остапова о визитах Патриарха Алексия в Поместные Церкви. Протоиерей Алексей в числе прочих подробно

¹ Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1945–1962 гг.

² Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии // ЖМП. 1952. № 6. С. 32–46.

³ Григорий (Чуков), архиеп. Московская церковная делегация в Болгарии // ЖМП. 1945. № 5. С. 19–24.

⁴ Шпиллер Вс., прот. Болгарская Церковь и Московское совещание // ЖМП. 1948. № 11. С. 5–9.

⁵ Верюжский В., прот. Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // ЖМП. 1948. № 7. С. 23–32.

⁶ Чуб М., свящ. Пребывание делегации Русской Православной Церкви в Болгарии // ЖМП. 1953. № 7. С. 16–21.

⁷ Алексей (Симанский), патриарх. Дневниковые записи // Библиотека Московской духовной академии. 1943–1970. Т. 1–5. (Машинопись.)

⁸ Остапов А., прот. Отчет о поездке Святейшего Патриарха Алексия с делегацией Русской Православной Церкви в Болгарию // Библиотека Московской духовной академии. 1957. (Машинопись.)

описывает приуроченный к празднованию годовщины 80-летия освобождения Болгарии от турецкого ига визит Патриарха Алексия в Болгарию в сентябре 1957 года. Значимость этих отчетов заключается в том, что автор очень подробно фиксирует детали происходящего, что значительно расширяет представление исследователя обо всех реалиях визита.

Отец Алексей оставил личные записи, посвященные поездкам Патриарха, под названиями «Радостные встречи»⁹ и «Путешествия патриарха Алексия»¹⁰, в которых также осветил интересные подробности визитов Патриарха Алексия в Болгарию.

Непосредственным изучением истории Болгарской Церкви стали заниматься последние два десятилетия. В числе первых исследований данной проблематики следует выделить работы К. Е. Скурата¹¹ и В. И. Косика. В. И. Косик одним из первых сконцентрировал внимание на изучении русско-болгарских церковных отношений. В статье «Послевоенное церковное строительство в Болгарии и СССР»¹² ученый прослеживает динамику церковно-государственных процессов, происходящих в Болгарии и СССР после Второй мировой войны. Он проводит сравнительный анализ развития церковной жизни в странах народной демократии с усиленным антирелигиозным политическим курсом. В результате автор приходит к выводу, что в СССР Церковь рассматривалась властью как средство для распространения влияния на другие государства, в частности, на Болгарию.

Также его перу принадлежит недавно вышедший труд «Балканы: “Порвалась цепь великая”»¹³, в котором автор рассматривает проблемы, связанные с историей балканских стран и народов, национализмом и национальными движениями на Балканах. Исследуемая им проблематика

⁹ Остапов А., *прот.* Радостные встречи // Библиотека Московской духовной академии. 1962. (Машинопись.)

¹⁰ Остапов А., *прот.* Путешествия Святейшего Патриарха Алексия (к первой годовщине со дня кончины) // Библиотека Московской духовной академии. 1971. (Машинопись.)

¹¹ Скурат К. Е. История Поместных Православных Церквей: в 2 т. М., 1994. Т. 1. 484 с.

¹² Косик В. И. Послевоенное церковное строительство в Болгарии и СССР. URL: <http://www.inslav.ru>.

¹³ Косик В. И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.). М., 2014 : Институт славяноведения РАН. С. 272.

затрагивает и религиозную составляющую, которая сыграла ведущую роль в сохранении национального самосознания народа¹⁴.

Особое внимание в области церковно-государственных отношений в Восточной Европе следует уделить исследованиям отечественного историка Т. В. Волокитиной. Она является соавтором и ответственным редактором фундаментального труда «Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории»¹⁵ в двух томах, в котором подробно излагаются церковно-государственные и политические процессы в странах народной демократии в послевоенные годы. Также под ее руководством вышли в свет два тома документов из российских архивов¹⁶, пролившие свет на процессы общественного развития в странах Восточной Европы в первое послевоенное десятилетие.

Историю Болгарской Православной Церкви в первой половине XX века изучал церковный исследователь М. В. Шкаровский. Ему принадлежит ряд таких фундаментальных трудов как «История русской церковной эмиграции»¹⁷, «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве»¹⁸, «История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века»¹⁹, а также множество публикаций в различных научных изданиях. Исследования Михаила Васильевича помогают составить целостную картину развития церковно-государственных отношений в Болгарии в важнейший, переломный период ее истории.

Ценным материалом по истории Русской Церкви и ее внешней политики в первой половине XX века стал труд коллектива авторов под руководством С. В. Болотова «Русская Православная Церковь и международная политика СССР

¹⁴ Там же, с. 212.

¹⁵ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории: в 2 т. М. : РОССПЭН, 2008. 807 с.

¹⁶ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2 т. / Сост. Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова М. : РОССПЭН, 2009. Т. 1. 1944–1948. 887 с.

¹⁷ Шкаровский М. В. История русской церковной эмиграции. СПб. : Алетейя, 2009. 360 с.

¹⁸ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. 400 с.

¹⁹ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. СПб. : Изд-во СПбПДА, 2014. 360 с.

в 1930-е – 1950-е годы»²⁰. В работе детально описывается «крушение иллюзий советского руководства в отношении использования Московской патриархии для разрешения тех или иных внешнеполитических стратегических задач советского государства»²¹.

Заслуживают внимания работы доцента кафедры истории Русской Православной Церкви ПСТГУ А. А. Кострюкова²². Автор сосредоточил свое исследование вокруг авторитетной фигуры русской эмиграции – архиепископа Серафима (Соболева). Неоднозначные взгляды владыки Серафима по острым церковно-политическим вопросам в эпоху коммунистического режима стали камнем преткновения в вопросе его канонизации. И благодаря материалам и документам, представленным А. А. Кострюковым комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, архиепископ Серафим был причислен к лику святых.

Нельзя не отметить заслуги протоиерея Владислава Цыпина в области исследования церковной истории XX века. В своем труде «История Русской Церкви 1917–1997»²³ автор касается не только внутрицерковных проблем, но и затрагивает тему внешней деятельности Русской Православной Церкви в эпоху холодной войны и железного занавеса. Именно его материалы послужили для многих современных церковных историков основой в научных исследованиях.

Глубоким исследованием церковно-государственных отношений в 40-е – 50-е годы XX века стала кандидатская диссертация краснодарского исследователя Ф. В. Суханова «Церковь и Государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.)»²⁴. Ф. В. Суханов провел большую исследовательскую работу: проанализировал этапы развития церковно-государственных отношений, обозначил слабые и сильные стороны церковно-административного управления,

²⁰ Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011. 315 с.

²¹ Там же, с. 3.

²² Кострюков А. А. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. М., 2011. 264 с.; Кострюков А. А. Пламень огненный. Жизнь и наследие архиепископа Серафима. М., 2015. 336 с.

²³ Цыпин В., *прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. Т. 9. 697 с.

²⁴ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2009. 238 с.

охарактеризовал деятельность государственных структур, контролирующих Церковь.

Также необходимо отметить монографию В. А. Ливцова²⁵, посвященную экуменическому вопросу и отношению к нему всех Поместных Православных Церквей. Диссертационное исследование И. В. Шкуратовой²⁶ затрагивает внешнюю деятельность Русской Православной Церкви периода 1945–1961 гг. В этом исследовании прослеживается история взаимодействия государственных структур и Московской Патриархии в области внешней политики. По мнению И. В. Шкуратовой, точкой соприкосновения советского государства и Церкви в указанный период стали внешние связи последней с другими Православными Церквями, Ватиканом и Всемирным советом Церквей (ВСЦ)²⁷. Интерес автора к данному исследованию вызван именно изучением роли Русской Православной Церкви как фактора налаживания международных отношений в условиях холодной войны и антирелигиозной политики советского государства.

Диссертационное исследование по истории церковно-государственных отношений в СССР и ряд публикаций по этой же проблематике в Болгарии принадлежит доктору исторических наук О. Ю. Васильевой²⁸. В своих статьях автор затрагивает тему внешней деятельности Русской Православной Церкви, ведомство которой по этому направлению долгое время возглавлял митрополит Николай (Ярушевич). Именно Ольга Юрьевна начала исследовать работу Отдела внешних церковных сношений и вышеупомянутого его первого председателя, задачей которого было отстаивание позиций Церкви и страны на международной арене. В контексте изучения деятельности митрополита Николая автор освещает малоизвестные события из истории русско-болгарских церковных отношений,

²⁵ Ливцов В. А. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь в контексте государственной конфессиональной политики России с середины XIX в. по начало XXI в. Орел, 2015. 550 с.

²⁶ Шкуратова И. В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской Православной Церкви: 1945–1961 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 188 с.

²⁷ Там же, с. 21.

²⁸ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. : дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 294 с.; Васильева О. Ю. Митрополит Николай (Ярушевич) в истории русской православной церкви XX века. Часть 1–3. 1949–1961 годы. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/58034.htm>; Васильева О. Ю. «Я хочу сильного православия». URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5253.htm>.

знание которых способствует более компетентному пониманию реалий указанного периода.

В *зарубежной историографии* особое место занимают исследования болгарских авторов. Говоря о болгарской историографии XX века, особенно первой половины этого столетия, следует отметить, что интерес ученых сосредоточивался не столько на изучении истории Болгарской Православной Церкви, сколько на ее роли в «формировании болгарской государственности и сохранении национального самосознания»²⁹. В этом направлении следует отметить работы А. Гиргинова³⁰, Г. Пашева³¹, К. Динкова³², в которых авторы рассматривают взаимоотношение Церкви и государства на фоне создания новой системы государственного строя.

Из церковных писателей следует отметить Патриарха Болгарского Кирилла и протопресвитера Стефана Цанкова. Последний на протяжении многих лет был профессором Богословского факультета Софийского университета св. Климента Охридского³³. Перу предстоятеля Болгарской Церкви принадлежит целый пласт исторических трудов, охватывающих период второй половины XIX века. К наиболее обширному исследованию в области церковной истории следует отнести его работу «Екзарх Антим»³⁴, в которой автор изучает и анализирует деятельность первого болгарского экзарха после отделения Болгарской Церкви от Константинопольского патриархата.

Обширное историческое исследование Патриарх Кирилл посвятил русскому дипломату Н. П. Игнатьеву, который в период отделения Болгарской Церкви от Константинопольского Патриархата был российским послом в Стамбуле. Именно Н. П. Игнатьев встал на сторону болгар в греко-болгарских церковных разногласиях по поводу образования автономии. По мнению исследователя,

²⁹ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии... С. 10.

³⁰ Гиргинов А. Държавното устройство на България. София, 1921. 174 с.

³¹ Пашев Г. Отношението между Българска църква и държавна власт // Сборник в чест на Пловдивския митрополит Максим по случай 60 години от рождението му и 30 години от приемане духовно звание. София, 1931. С. 99–107.

³² Динков К. История на Българската православна църква. София, 1954. 196 с.

³³ Цанков С., *пропр.* Българската православна църква от Освобождението до настояще време. София, 1939. 234 с.

³⁴ Кирил, Патриарх Български. Екзарх Антим (1816–1888). София, 1956. 162 с.

подписание султаном Абдул-Азизом фирмана об учреждении автономного Болгарского экзархата в 1870 году было заслугой русского дипломата³⁵.

В 1970-е годы в Московской духовной академии проходили защиты квалификационных работ болгарских студентов Ц. И. Чонкова³⁶ и И. Р. Димова³⁷ на тему истории русско-болгарских церковных отношений.

С начала 1990-х годов значительно увеличилось количество исследований болгарских ученых по этой теме. В числе первых разработок данной проблематики следует выделить работы С. А. Краева³⁸ (вышла в свет в Москве), Л. Огнякова³⁹, а также софийской исследовательницы Д. Калканджиевой⁴⁰, опубликовавшей две монографии о церковно-государственных отношениях в Болгарии после прихода к власти коммунистов в сентябре 1944 года. В работе «Болгарская православная церковь и государство. 1944–1953» Д. Калканджиева анализирует церковно-государственные отношения в контексте коммунистической антирелигиозной политики, а также прослеживает трансформацию отношений между Болгарской Православной Церковью и государством после Второй мировой войны. Будучи представителем патриотичной болгарской ученой среды, Калканджиева сглаживает острые углы, связанные с деятельностью экзарха Стефана. Она представляет его как искреннего защитника независимости Церкви от государства, который пострадал от внутрицерковных интриг архиереев и оппозиционной деятельности Священнического союза, при этом опуская его политическую ангажированность, направленную на преследование сугубо личных интересов. В ее работе подробно рассмотрены методы давления на Церковь со стороны властей, а также последовательное ущемление юридических прав в церковно-административном

³⁵ Кирил, Патриарх Български. Граф Н. П. Игнатиев и българския църковен въпрос. Изследване и документи. София, 1956. 153 с.

³⁶ Чонков Ц. И. Русско-болгарские церковные взаимоотношения с 1872 по 1953 годы. Загорск : МДА, 1974. 165 с.

³⁷ Димов И. Р. Болгаро-Русские Церковные взаимоотношения в XX веке. Загорск : МДА, 1976. 265 с.

³⁸ Краев С. А. Государственно-церковные отношения в современной Болгарии в контексте общечеловеческих ценностей. М., 1991. 224 с.

³⁹ Огняков Л. Държавно-политическа система на България. 1944-1948. София, 1993. 246 с.; Огняков Л. Отношенията между Светия Синод на Българската православна църква и българското правителство (1949–1953) // Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003.

⁴⁰ Калканджиева Д. Българската православна църква и държавата. 1944–1953. София, 1997. 384 с.; Калканджиева Д. Българската православна църква и «народната демокрация» (1944–1953)». Силистра, 2002. 128 с.

управлении. В частности, она разбирает характер санкций, направленных на ослабление позиции Церкви в обществе и касающихся духовно-просветительской деятельности, благотворительности, регистрации браков, церковного имущества, ограничение финансовых возможностей и других сторон полноценной церковной жизни.

Начиная с 2000-х годов, стали выходить сборники с публикациями статей, посвященных ключевым фигурам и событиям из истории Церкви и государства в Болгарии. Так, под редакцией С. Шивачева⁴¹ был выпущен сборник статей, посвященных жизни и деятельности Болгарского Патриарха Кирилла. В это же время в Московской духовной академии болгарским священнослужителем была защищена кандидатская диссертация «Вопросы христианской нравственности в гомилетическом наследии Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла»⁴², в которой автор исследовал проповеди первосвятителя через призму его богословских воззрений.

В 2005 году вышло второе издание книги с критикой личности Патриарха Кирилла, принадлежащее перу его современника, оппозиционного священника Янки Димова⁴³. Автор последовательно описывает события из жизни болгарского Патриарха и преднамеренно очерняет знаменательные моменты его церковной деятельности. Так, например, говоря о его национальной принадлежности, он с иронией подчеркивает албанское происхождение Кирилла, повлиявшее на его дальнейшую мировоззренческую позицию, выражавшуюся в особой любви к Албанской Православной Церкви, но никак не к Болгарской. Много ложной информации представлено по поводу полученного будущим Патриархом образования, восхождения по церковной карьерной лестнице, при этом Кирилл называется псевдомонахом, нарушившим обеты. Чтобы в полной мере передать характер биографических записей Я. Димова, приведем несколько строк из высказываний в адрес Патриарха Кирилла: «Патриарх Кирилл является

⁴¹ Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождение и 30 години от кончина / Под ред. С. Шивачева. Пловдив, 2001. 144 с.

⁴² Борис (Добрев), архим. Вопросы христианской нравственности в гомилетическом наследии Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла : дисс. ... канд. богословия. Сергиев Посад : МДА, 2000. 164 с.

⁴³ Димов Я., свещ. Кирил патриарх Български. София, 2005. 317 с.

криминальным и политическим преступником, лжецом и обманщиком, спекулянтом и недипломированным богословом. Патриарх Кирилл иностранец, албанец, женатый, псевдомонах, атеист, недействительный епископ и митрополит, квазиархиерей»⁴⁴.

Изложение биографии Патриарха в таком негативном ключе характеризует биографа как человека, не только утратившего христианские принципы, но и не утруждающего себя соблюдением элементарной вежливости и научного тона. Автору диссертации удалось взять интервью у митрополита Видинского Дометиана (Топузлиева), который в эпоху Патриарха Кирилла был генеральным секретарем Священного Синода и знал того лично. По его словам, не только Патриарх Кирилл подвергался нападкам, но и весь епископат Болгарской Церкви вынужден был терпеть оскорбления со стороны Я. Димова: «Некоторые говорят, что у него было не в порядке с головой»⁴⁵. Это характеризует Я. Димова как проблемного человека, который находился во враждебных отношениях даже с членами своей семьи. Митрополит отмечал, что с приходом демократии появилась свобода слова, которая позволила многим политически заинтересованным лицам высказываться против Церкви. В угоду светской власти Я. Димов старался очернить Болгарскую Церковь в лице Патриарха Кирилла. Также митрополит Дометиан отмечает, что этот священник за махинации с церковным имуществом (за нелегальную продажу свечей) сидел в тюрьме.

В последние годы проблематикой нашей работы стали интересоваться и болгарские студенты. Так, в 2013 году была написана курсовая работа А. Петкова⁴⁶ по предмету «Права человека: религиозные и правовые аспекты» в Новом болгарском университете. Вышла работа И. Куцарова, в которой автор затронул историю церковно-государственных отношений в период с 1944 по 1953 годы⁴⁷. В 2015 году в Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени св.

⁴⁴ Там же, с. 143.

⁴⁵ Интервью митрополита Болгарской Православной Церкви Видинского Дометиана (Топузлиева) (11.11.1932 — 18.09.2017). Москва. Соборный Храм Христа Спасителя. 24 мая 2014 г.

⁴⁶ Петков А. Резюме на книгата на Даниела Калканджиева «Българската Православна Църква и държавата. 1944–1953». Курсова работа. София, 2013. 48 с.

⁴⁷ Куцаров И. Църквата и Българската държава в периода 1944–1953. София, 2015. 68 с.

Кирилла и Мефодия состоялась защита магистерской диссертации болгарского священнослужителя архимандрита Исаака (Бояджийского)⁴⁸.

Таким образом, анализируя отечественную и болгарскую историографию, следует отметить, что тема церковно-государственных отношений СССР и Болгарии отчасти изучалась. Однако и белых пятен по-прежнему много. Как правило, научный интерес советских и современных историков сосредоточивался на периоде греко-болгарской схизмы (1872–1944 гг.), а затем русско-болгарских церковных отношений до восстановления патриаршества (1944–1953 гг.). Эпоха церковно-государственных отношений в Болгарии в период после восстановления патриаршества практически не изучалась из-за отсутствия опубликованных материалов по данной проблематике. Автору удалось расширить источниковую базу и ввести в научный оборот неисследованные болгарские документы из Государственного архива г. Софии. Таким образом, исследование болгарских документов и материалов по данной проблематике позволило расширить хронологические рамки работы и изучить в период межцерковных взаимоотношений Русской и Болгарской Православных Церквей в период после восстановления патриаршества.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение взаимоотношений Болгарской и Русской Православных Церквей в контексте государственной вероисповедной политики в 1944–1962 гг.

Цель исследования определила и его **задачи**: 1) изучить и проанализировать межцерковные отношения РПЦ и БПЦ в послевоенное время 1944–1947 гг.; 2) определить влияние Всеправославного совещания (1948 г.) на церковно-государственные отношения в Болгарии; 3) проследить эволюцию русско-болгарских церковных взаимоотношений в контексте повышения статуса Болгарской Церкви (1948–1953 гг.); 4) изучить роль Русской Православной Церкви в восстановлении патриаршества в Болгарии; 5) определить роль и место церковной оппозиции в контексте восстановления патриаршества в Болгарии; 6)

⁴⁸ Исаак (Бояджийский), архим. Патриаршество Болгарской Православной Церкви: дисс. ... магистра богословия. М. : ОАЦД, 2015. 121 с.

охарактеризовать влияние взаимных русско-болгарских визитов на признание восстановления патриаршества другими Поместными Церквями.

Хронологические рамки работы – с 1944 по 1962 г. Этот период – один из самых ярких и значимых для Болгарской Церкви. Он позволяет наиболее обширно раскрыть картину межправославных отношений СССР и Болгарии в условиях холодной войны. Автор работы выбрал этот период в соответствии с предметом исследования.

Начальная дата рассмотренного в диссертации периода – 1944 год – обусловлена приходом к власти антифашистской партии Отечественного фронта, которая пересмотрела отношения между государством и Церковью. Именно в условиях новой церковной политики болгарского государства появилась возможность поднять вопрос о повышении статуса Церкви.

Завершающей датой исследования стал рубеж 1961–1962 гг., который характеризуется насыщенными межправославными и межхристианскими событиями. К таким событиям можно отнести, во-первых, признание Константинопольским Патриархом Афинагором восстановление патриаршества в Болгарии, во-вторых, вступление Русской и Болгарской Православных Церквей во Всемирный совет Церквей, в-третьих, условно выработанную концепцию отношения Русской и Болгарской Церквей к созываемому II Ватиканскому собору.

Источниковой базой исследования стали документы и материалы, имеющиеся в распоряжении болгарского архива и ряд российских архивов, а также вошедшие в сборники документов и материалов.

Основной источниковой базы для данного диссертационного исследования стали документы и материалы из Центрального государственного архива Болгарии (Централен държавен архив – ЦДА) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

В 2014 году автором была предпринята поездка в Софию, где он исследовал архивные документы в ЦДА, относящиеся к истории русско-болгарских церковных отношений в XX веке. В софийском архиве были подробно

исследованы четыре фонда. Фонд 165 «Комитет при Министерството на външните работи по въпросите на Българската православна църква и на религиозните култове» состоит из 10 описей, содержащиеся в них документы относятся к внешней и внутренней деятельности Церкви. В их число входят: переписка болгарских иерархов с русским священноначалием; материалы, касающиеся русского церковного имущества в Болгарии; журналы и протоколы заседаний Синода; автобиографии административных сотрудников Болгарского Синода. Особую важность для нас представляет секретная переписка Болгарского Патриарха Кирилла с митрополитом Николаем (Ярушевичем), затрагивающая проблему признания Константинопольским Патриархом Афинагором восстановления патриаршества в Болгарии. Также в этом фонде находятся докладные записки руководителей Дирекции вероисповедания о существовавших проблемах между Церковью и государством. Изучение секретных докладов позволило автору дать обоснованную оценку работе ряда директоров вероисповедания, которые зачастую в угоду своим корыстным целям намеренно блокировали развитие церковно-государственных отношений.

Фонд 1318к «Български патриарх Кирил» состоит из одной описи, насчитывающей 6098 единиц хранения. Эта коллекция документов хранится в микрофильмах, сильные повреждения некоторых дел усложнили работу с документами. Все документы этого фонда непосредственно касаются личности Болгарского Патриарха Кирилла. В частности, из фонда можно извлечь дипломы о высшем образовании, схему семейного древа, различные справки, свидетельствующие о его происхождении. Особое место в фонде занимает переписка Патриарха Кирилла с протоиереем Всеволодом Шпиллером, находившимся тогда уже в Москве, и старшим консультантом Отдела внешних церковных сношений Александром Львовичем Казем-Беком. Благодаря сохранившимся записям, автору диссертации удалось выявить несколько интересных фактов о деятельности Болгарского Патриарха Кирилла и его влиянии на важнейшие события в истории русско-болгарских церковных отношений.

Фонд 1857к «Димов, Янко Лазов» состоит из одной описи. В фонде хранятся различные письма, статьи и документы, касающиеся оппозиционной деятельности этого болгарского священника. Также здесь содержатся обращения Димова в Синод по различным церковно-общественным вопросам, в которых активно критикуется работа епископата Болгарской Церкви.

Фонд 791к «Свети Синод на Българската православна църква» по большей части состоит из материалов, относящихся к внутренней работе Синода. Характерной особенностью является то, что в фонде хранятся несколько редакций устава Болгарской Церкви (1950 г.), благодаря которым можно проследить этапы формирования официального документа.

В Государственном архиве Российской Федерации автор работал с Фондом 6991 «Совет по делам религии при Совете Министров СССР» (с 1965 года – по делам религий). Материалы из этого фонда отражают деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви, затрагивающую не только внутреннюю жизнь Церкви в СССР, но и ее взаимоотношения с Поместными Церквями в других странах. Документы этого фонда позволяют создать целостную картину и представление о международной деятельности СССР и Русской Православной Церкви. Особое место в фонде занимают документы, касающиеся русско-болгарских церковных отношений. Из этой области следует выделить письма всех глав и председателей Синода Болгарской Церкви, докладные записки председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова и его заместителей, отчеты и записи бесед советских и болгарских дипломатических представителей, а также беседы на церковно-политические темы священнослужителей, находящихся в эмиграции или вернувшихся обратно. К сожалению, материалы по Болгарской Православной Церкви содержат в себе информацию только до 1954–1955 гг.

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) автором были изучены документы из Фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС», касающиеся внешней деятельности Русской Церкви в более поздний период. Документы фонда дают представление о взаимоотношениях РПЦ с западными религиозными организациями, о заграничных поездках Патриарха Алексия и митрополита

Николая (Ярушевича), о деятельности Всемирного совета Церквей и о вступлении в него Русской Православной Церкви, об отношении Патриарха Алексия к подготовке II Ватиканского собора, а также важная информация об отставках Г. Г. Карпова и митрополита Николая (Ярушевича). Помимо этого, материалы фонда позволяют изучить активную экуменическую деятельность Константинопольского Патриарха Афинагора, который, находясь под особым контролем англо-американских сил, пожертвовал своими амбициями и признал восстановление патриаршества в Болгарии с условием, что Русская Церковь вступит во ВСЦ.

К *источникам личного происхождения* можно отнести интервью Видинского митрополита Дометиана (Топузлиева), рассказавшего автору о церковно-общественной деятельности Болгарского Патриарха Кирилла.

Научная новизна исследования определяется тем, что на базе широкого круга отечественных и болгарских источников, включающих ранее неисследованные документы из фондов ЦДА, был проведен анализ церковно-государственных отношений в СССР и Болгарии. В софийском архиве были изучены неопубликованные документы, проливающие свет на острые межправославные проблемы в контексте русско-болгарских отношений. Ярким примером тому служат материалы, свидетельствующие о прямых взаимоотношениях между Русской и Болгарской Православными Церквями в эпоху холодной войны. Особую информационную ценность имеют документы, отражающие проблему признания Константинопольским патриархатом восстановления патриаршества в Болгарии. Часть таких документов автором была переведена на русский язык и включена в приложение к диссертации.

Диссертация вводит в научный оборот целый ряд новых документов, которые в дальнейшем могут быть полезны в изучении проблем в данной области. Впервые появляется возможность представить целостную картину болгарских источников, которые являются большим подспорьем в изучении церковно-государственных отношений в Болгарии.

Объектом исследования являются взаимоотношения Русской и Болгарской Православных Церквей в условиях коммунистического режима в странах народной демократии в 1944–1962 гг. **Предметом** исследования являются церковно-государственные отношения в СССР и Болгарии в контексте межправославной проблематики послевоенного периода.

Методологическую основу диссертации определяет принцип объективности, который заключается в учете всех точек зрения по данной проблематике. Применялся принцип комплексности исторического исследования с опорой на зарубежные и отечественные материалы, позволяющие провести сравнительный анализ информационной составляющей российских и болгарских документов.

Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что оно на основе архивных документов восполняет серьезные пробелы в изучении русско-болгарских церковных отношений. Материалы, источниковая база и выводы диссертации могут быть применены в изучении аналогичных проблем в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Практическая значимость определяется возможностью использования основных положений работы, теоретического и фактического материала в лекционных курсах по истории Поместных Православных Церквей в духовных учебных заведениях. Также данное исследование может быть использовано при изучении истории болгарского государства в культурном срезе на рубеже 50–60-х годов XX столетия. Более того, полученные результаты способствуют лучшему пониманию русско-болгарских церковных отношений на современном этапе, что помогает определить тенденции во взаимоотношениях на поприще церковной дипломатии.

Материалы исследования **апробированы** в научных публикациях.

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, двух приложений.

1. МЕЖЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ БОЛГАРИИ И РОССИИ В 1944-1953 ГГ.

1.1. Общественно-политическая ситуация в Болгарии в 1944-1947 гг. и ее влияние на церковную жизнь

История Болгарской Православной Церкви уходит своими корнями во вторую половину IX века. После принятия христианства болгарским князем Борисом в 865 году Болгарская Церковь оформилась как автономная архиепископия под юрисдикцией Константинопольского патриархата. В 919 году третий сын Бориса царь Симеон Великий без согласования с Вселенским Патриархом преобразовал архиепископию в патриархат. Константинопольский престол не признавал это самоуправство в течение последующих восьми лет, и только после смерти Симеона в 927 году его преемник царь Петр смог уладить конфликт, заключив мирный договор с Византией. В 1018 году византийский император Василий II Болгаробоец завоевал Болгарию и упразднил автокефалию, вновь создав архиепископию с административным центром в Охриде. В 1187 году, после антигреческого восстания братьев Петра и Асена, образовалось Второе Болгарское царство, а в 1235 году был восстановлен Болгарский (или Тырновский) патриархат, признанный как Вселенским Патриархом, так и другими Поместными Церквями. В 1393 году, вместе с завоеванием Османской империей, завершилась история Второго Болгарского царства, и с этого момента Болгарская Православная Церковь на многие столетия была подчинена юрисдикции Константинопольского патриархата. Последний же Тырновский Патриарх свт. Евфимий был отправлен в изгнание, где и скончался в 1404 году. Административное управление Болгарской Церковью вплоть до 1767 года осуществляла Охридская архиепископия.

Историк М. В. Шкаровский в своем новоизданном труде «История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века» приводит важные факты, свидетельствующие о русско-болгарском сотрудничестве со времени начала распространения христианства в Болгарии. Так, описывая период укрепления Православия среди болгар в X–XI

веках, он прослеживает тесную связь между Болгарской и Русской Церквями. Факты сотрудничества засвидетельствованы в русских списках «XI–XII веков христианских произведений болгарских ранне- и средневековых школ (Остромирово Евангелие, Учительное Евангелие Константина Преславского, Изборник Святослава, Слово священномученика Ипполита, епископа Римского)»⁴⁹.

Говоря о более позднем периоде, когда Османская империя уже укрепила свою власть на болгарских территориях, М. В. Шкаровский приводит очень любопытное свидетельство, обрисовывающее характер русско-болгарских отношений: «С XVI века Российское государство регулярно посещали болгарские иерархи, настоятели монастырей и другие представители духовенства. Одним из них был Тырновский митрополит Дионисий (Рали), доставивший в Москву решение Константинопольского собора 1590 г. об учреждении в России патриаршества»⁵⁰. Таким образом, все вышеприведенные факты свидетельствуют о глубоких корнях русско-болгарских отношений и тесных культурно-религиозных связях с древнейших времен.

Происходившие во второй половине XVIII века в Болгарии процессы можно охарактеризовать как национальный подъем, выраженный в идее борьбы за восстановление независимости болгарского государства и Церкви. Идея реставрационного движения в Болгарии достигла своей кульминации во второй половине XIX века. В результате греко-болгарского противостояния 27 февраля 1870 года турецкий султан Абдул-Азиза подписал фирман, по которому Болгарская Церковь была восстановлена «в форме автономного экзархата, устав которого был принят в 1871 г. на I Церковном народном соборе в Константинополе»⁵¹. В ответ на эти события Константинопольский собор 1872 года определил прекратить евхаристическое общение с Болгарской Церковью и объявил болгарское священноначалие схизматиками.

⁴⁹ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 14.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 15.

Российский Святейший Синод к разразившемуся греко-болгарскому конфликту отнесся неоднозначно. С одной стороны, русские иерархи прекратили евхаристическое общение с болгарами, как и другие Поместные Церкви, с другой – Синод Российской Православной Церкви не признавал схизму 1872 года, и российско-болгарское духовенство нередко совместно совершало молебны. Такое положение Болгарской Церкви сохранялось на протяжении многих десятилетий. Переломный момент в затянувшемся греко-болгарском конфликте наступил в 1944 году, когда советские войска в ходе освобождения Европы от фашистских захватчиков заняли территорию Болгарии. 9 сентября 1944 года произошла смена политического режима в стране, к власти пришла коалиция левых антимонархических и антифашистских партий, оформившихся в единый Отечественный фронт.

Руководство Болгарской Православной Церкви с большим энтузиазмом восприняло смену политического режима, программа которого предполагала борьбу с международным и внутренним фашизмом, а также тесное сотрудничество с СССР. Главная роль в процессе налаживания новых церковно-государственных отношений предоставлялась Софийскому митрополиту Стефану (Шокову), избранному наместником-председателем Синода уже 16 октября 1944 года и сменившему на этом посту Видинского митрополита Неофита.

На следующий день после избрания митрополит Стефан выступил с посланием к русскому народу, отмечая, прежде всего, военную силу и блестящие победы нашей армии: «Русская армия вступила в пределы Болгарии, чтобы еще одним освободительным подвигом увековечить себя; удивленный мир переживает знаменательнейший момент своей истории, стоя перед началом новой эры, новой жизни; уверенный не только в военной мощи, но и возвышенности стремлений и послевоенных планов союзных держав-победительниц, он спокойно, со светлой надеждой смотрит на будущее»⁵².

Но основным лейтмотивом обращения митрополита была идея объединения на послевоенном пространстве славянства и Православия, причем главную роль в

⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

этом консолидирующем процессе владыка отводил Москве. Также характерен его пассаж относительно неучастия Болгарии в антифашистской коалиции во время Второй мировой войны. Преклоняясь перед заслугами России, болгарский архиерей с надеждой уповал на возрождение дружественных отношений: «Хочется верить и в то, что проявивший свое величие в легендарных подвигах и удививших весь мир победах русский народ во главе со своими вождями и правителями проявит величие и во всегда украшавших русское сердце великодушии и всепрощении по отношению к своим соотечественникам, в прошлом волей или неволей согрешившим перед своей Родиной, а ныне горящим любовью к ней и желанием отдать ей все свои силы»⁵³.

Аналогичное обращение было направлено митрополитом Стефаном и членами Синода болгарскому народу. В нем болгарские архиереи подчеркивали сложную судьбу славянских народов, которые на протяжении всего времени своего существования были преследуемы немцами. «Они (немцы. – *Иерд. Е.*) преследовали все славянское еще со старых времен, когда начало очертываться (так в тексте. – *Иерд. Е.*) соседство между славянами и немцами. Все мы, болгары, помним, да и все другие славяне знают, как немцы преследовали всеславянских первоучителей и просветителей – Солунских братьев свв. Кирилла и Мефодия и их учеников. Преследовали их за то, что они были славяне, за то, что они создали славянскую письменность и славянские книги и их распространяли между славянскими народами, потому что они первые провозгласили право славянских народов, да и всех остальных народов Европы, говорить и молиться, читать и писать на своем родном языке...»⁵⁴. Представляя все славянские народы как сполна пострадавшие от немецких захватчиков, послание призывало болгарский народ объединить усилия в борьбе с фашизмом: «В этот решительный момент имеем один священный долг – принять в нашей стране открытым славянским сердцем и душой победоносные освободительные войска братской Советской России, подкрепить нашими силами народную власть Отечественного фронта и

⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

наши храбрые народные войска всеми доблестными бойцами – добровольцами фронта!»⁵⁵.

Особые чувства признательности к воинам-освободителям митрополит Стефан выразил в письме к главнокомандующему 3-го Украинского фронта маршалу Ф. И. Толбухину. В письме говорилось об особой миссии Советского Союза в эпоху нашествия немецко-фашистских захватчиков, освободившего Болгарию уже не в первый раз от «вечных врагов всех славянских народов»⁵⁶. В благодарность за освобождение от лица всей Болгарской Церкви митрополит Стефан передал маршалу один миллион левов на нужды раненых и больных советских воинов.

Таким образом, с приходом к власти Отечественного фронта, Болгарская Православная Церковь в лице митрополита Стефана демонстрировала свою лояльность к советскому режиму и новой власти в Болгарии. Позиция Болгарской Церкви была во многом обусловлена желанием митрополита преодолеть при посредничестве Русской Церкви болгарскую схизму и восстановить патриаршество. Следует отметить, что и новая власть отвечала взаимностью митрополиту Стефану и его генеральной политической линии.

Историк М. И. Бълхова выделяет несколько важных деяний митрополита Стефана, поднявших его авторитет в глазах нового правительства. Руководство Отечественного фронта учло многие заслуги архиерея: активные связи с экуменическим движением, прочные контакты с западноевропейскими дипломатами еще со времен Первой мировой войны, борьбу за спасение болгарских евреев. Но наиболее значимым в глазах правительства было отрицательное отношение иерарха к внешней политике болгарского правительства до 9 сентября 1944 года. Именно поэтому, отмечает исследовательница, его авторитет «оказался крайне полезен новому государству,

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

и правительство стало искусно использовать фигуру Стефана в решении своих задач»⁵⁷.

В ноябре 1944 года митрополит Стефан направил местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию послание, в котором просил русского иерарха взять инициативу в разрешении вопроса о снятии схизмы и избрании болгарского Патриарха. Там же болгарский владыка выразил пожелание, чтобы как можно скорее «состоялось избрание Московского и всея Руси патриарха, который своим благословением дал бы нам возможность в ближайшем будущем приступить к избранию главы нашей Церкви»⁵⁸. Митрополит также отметил, что если избрание русского Патриарха по каким-либо причинам затянется, то желательно предусмотреть возможность, чтобы патриарший местоблюститель имел полномочия «дать свое благословение на избрание нашего патриарха и затем приветствовать избранного»⁵⁹.

Митрополит Стефан спешил провести намеченные им церковные реформы в общем русле с внутривосточными событиями в Болгарии. Используя новый политический курс болгарских властей на сотрудничество с СССР, митрополит Стефан сразу попросил Русскую Церковь дать свое согласие на восстановление патриаршества, невзирая на неразрешенный вопрос о схизме. В контексте сложившейся внутривосточной и международной обстановки митрополит Стефан действовал по принципу «куй железо, пока горячо». Но митрополит Алексей понимал, что решение болгарского вопроса без участия Константинопольского патриархата невозможно. Поэтому он предложил митрополиту Стефану действовать пошагово и последовательно. И первый шаг к разрешению греко-болгарского конфликта, по мнению владыки Алексия, должна была сделать сама Болгарская Церковь: «Это тем легче сделать в настоящее время, когда, как это известно нам, Вселенская патриархия весьма благосклонно относится к Болгарской Церкви, и только, можно сказать, ждет от нее первого

⁵⁷ Бълхова М. И. Болгарская Православная Церковь (1945–1953): Роль Экзарха Стефана в возрождении Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 196.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

шага для того, чтобы восстановить взаимный возжеленный мир»⁶⁰. Митрополит Стефан согласился на такие действия, но приступил к их реализации уже позднее, после получения статуса экзарха.

18 декабря 1944 года на Синоде Болгарской Православной Церкви было принято решение просить правительство Болгарии «разрешить выборы предстоятеля Церкви с титулом экзарх Болгарский»⁶¹. Правительство одобрило обращение болгарских архиереев. На Соборе 21 января 1945 года было представлено три кандидата: митрополиты Софийский Стефан, Видинский Неофит и Русенский Михаил. Подавляющим большинством голосов экзархом был избран Софийский митрополит Стефан. В этот же день было направлено послание митрополиту Алексию с извещением его о выборе нового экзарха Болгарской Церкви.

Расширенное послание новоизбранный экзарх Стефан направил и к Константинопольскому Патриарху Вениамину, в котором постфактум сообщал деяния болгарского Собора. Тон послания и его стилистика свидетельствовали о смирении Болгарской Церкви перед Вселенским патриархатом в вопросе греко-болгарских отношений. В частности, в послании говорилось: «Наша Церковь всегда искренно желала, да прекратится это мучительное разделение и да создадутся сердечные благодатные связи и правильные канонические сношения с Великой Цареградской Церковью и со всеми православными Церквями»⁶². Отталкиваясь от общего тона послания, экзарх Стефан тем не менее просил удовлетворить три пункта, бывшие «яблоком раздора» в вопросе разрешения схизмы. Во-первых, дать согласие на восстановление общения и выстроить правильные канонические отношения между всеми Автокефальными Православными Церквями. Во-вторых, признать автокефалию Болгарской Церкви и причислить ее к остальным Поместным Православным Церквям. В-третьих, аннулировать постановление Константинопольского собора 1872 года, согласно которому Болгарская Церковь была объявлена раскольнической.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

⁶¹ *Шкаровский М. В.* История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 140.

⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.

Также в послании сообщалось о решении Болгарского Синода о постоянном местопребывании экзарха Болгарской Церкви не в Стамбуле, как это было на протяжении многих десятилетий, а в Софии. В завершение послания экзарх выразил надежду на то, что «при этих условиях и при том обстоятельстве, что местопребыванием Болгарского экзархата и Св. Синода стала столица болгарской державы София, нет уже никаких церковных препятствий к тому, чтобы устранить существовавшее до сих печальное разделение между Св. Вселенскою патриархией и Православной Болгарской Церковью и восстановить благодатный мир и каноническое общение между ними»⁶³.

Послание Константинопольскому Патриарху Вениамину митрополит Стефан отправил вместе с двумя митрополитами – Неврокопским Борисом и Тырновским Софронием. Болгарские архиереи были уполномочены вести переговоры и подписывать документы о восстановлении братских отношений. Более того, глава Болгарской Церкви возложил на них обязанность положить «начало богослужебному общению между двумя сестрами-Церквами»⁶⁴. Таким образом, болгарский экзарх постарался приложить максимально усилий для того, чтобы сократить риск еще одной возможной неудачи в налаживании отношений с Константинопольским престолом. По предположениям Стефана, именно широкие полномочия делегатов должны были позволить избежать долгосрочных и невыгодных переговоров.

Следует отметить и заслуги Московской Патриархии в урегулировании греко-болгарского церковного конфликта. Именно митрополит Алексей выступил в роли посредника в этом процессе, поддержав намерения Болгарской Церкви и контролируя ход событий. Рассуждая о роли патриаршего местоблюстителя в урегулировании сложившейся ситуации, М. В. Шкаровский отмечает, что «первоначальная инициатива в контактах с Константинополем относительно проблемы схизмы все-таки исходила от митрополита Алексия»⁶⁵. Вследствие участия русского владыки греко-болгарский церковный диалог развивался с такой

⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

⁶⁵ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 142.

стремительностью и успехом, что в кратчайшие сроки вывел Болгарскую Церковь на новый уровень церковных отношений с другими Поместными Церквями. Безусловно, важно и то, что в разрешении греко-болгарского конфликта было заинтересовано советское правительство, которое, по утверждению историка Т. В. Волокитиной, стремилось «к созданию в лице Московской патриархии православного ядра, способного впоследствии объединить вокруг себя другие поместные Церкви»⁶⁶.

Еще одним мощным стимулом урегулирования церковного конфликта стал международный фактор. Участники антигитлеровского блока были заинтересованы, чтобы канонические границы Болгарской Православной Церкви совпадали с территориальными границами государства. В таком случае Болгарская Церковь переставала претендовать на часть Турции и Греции, относившихся к зоне влияния США и Великобритании, что «снижало риск возникновения в будущем международных осложнений из-за территориальных претензий Болгарии»⁶⁷. С этой точкой зрения согласуется и мнение Ф. В. Суханова, убежденного в том, что сферы влияния Болгарской Православной Церкви распространялись на весь ее диоцез, в который входили не только территории Болгарии, но и Греции и Турции. Следовательно, по словам ученого, «как эти страны вместе с Константинополем могли влиять на Болгарию через приходы БПЦ на своей территории, так и болгарское правительство и БПЦ вместе с Москвой могли влиять через эти же приходы на соседние страны»⁶⁸. По условиям снятия схизмы диоцез Болгарской Церкви сокращался до государственных территорий Болгарии, что автоматически сокращало «возможность правительства Болгарии претендовать на территории соседних стран, где проживает болгарское население»⁶⁹.

9 февраля 1945 года в Стамбуле начались переговоры между болгарской делегацией и Константинопольским патриархатом. Патриарх Вениамин принял

⁶⁶ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 174.

⁶⁷ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 177.

⁶⁸ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 48.

⁶⁹ Там же.

деяния болгарского Собора, но выдвинул и свои условия, только после исполнения которых, Константинопольский патриархат мог бы ратифицировать самостоятельное повышение статуса и снять схизму с Болгарской Церкви. Константинополь требовал: во-первых, принести официальные извинения со стороны Синода БПЦ перед Вселенской патриархией за самовольный раскол; во-вторых, удалить экзарха Болгарской Церкви из Константинополя и перевести болгарское духовенство в Константинополе под юрисдикцию Константинопольской патриархии; в-третьих, ограничить юрисдикцию БПЦ границами Болгарского государства.

Аналогичный документ после его обсуждения был подписан в Москве несколькими днями ранее от лица четырех патриархатов: Патриархами Александрийским Христофором и Антиохийским Александром III, представителем Константинопольского Патриарха митрополитом Фиатирским Германом и представителем Иерусалимского Патриарха архиепископом Севастийским Афинагором⁷⁰. Поводом для собрания представителей этих Поместных Церквей послужил проходивший в начале февраля 1945 года поместный Собор Русской Православной Церкви, на котором митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей был избран Патриархом Московским и всея Руси. Следует отметить, что представитель Болгарской Церкви не был приглашен на торжества именно в связи с еще нерешенной проблемой схизмы.

В результате двухнедельных переговоров в Стамбуле и при посредничестве Патриарха Алексия сторонам удалось достигнуть консенсуса. 19 февраля 1945 года был подписан Протокол о ликвидации схизмы, а 22 февраля был издан томос, содержащий следующие постановления Синода Константинопольской Церкви: отменить осуждение 1872 года Болгарской Церкви и болгарского народа; восстановить благодатное общение и канонические связи между Константинопольской и Болгарской Церквами; провозгласить автокефалию Болгарской Церкви и причислить ее к другим Автокефальным Православным

⁷⁰ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 142.

Церквам. Копия этого томоса была направлена экзарху Болгарской Церкви митрополиту Софийскому Стефану⁷¹.

Так завершился многолетний церковно-политический конфликт между греками и болгарами, в результате которого каноническая территория Церкви стала совпадать с государственными границами Болгарии, а юрисдикция экзархата перестала распространяться на заграничные епархии. С устранением схизмы и повышением статуса Болгарской Церкви экзарх Стефан поставил для себя следующую важную цель – восстановить патриаршество в Болгарии.

В начале апреля 1945 года в Софию отправилась делегация Русской Церкви во главе с архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым). Официально делегация направлялась для поздравления митрополита Стефана с избранием экзархом и благополучным разрешением вопроса схизмы. Неофициальная часть визита, по мнению Ф. В. Суханова, состояла в изучении настроения среди духовенства БПЦ, в особенности ее руководства, и в укреплении русофильских настроений среди них⁷².

После сентябрьского переворота 1944 года болгарское духовенство было парализовано произошедшими в стране событиями. Как иерархи, так и рядовое духовенство пребывали в ожидании, «не зная, какую позицию в отношении церкви займет правительство Отечественного фронта»⁷³. В условиях внутривластной нестабильности в церковных кругах из среды либерального духовенства оформился Священнический союз, главными идеями которого стало упрощение существующих канонов и выработка «очень левого устава»⁷⁴. Создание такой организации пошатнуло дисциплину духовенства. Поэтому перед русской делегацией стояла задача консолидации болгарского духовенства вокруг священноначалия и Синода согласно каноническим принципам и церковной традиции. В докладе о пребывании делегации Московской Патриархии в Болгарии архиепископ Григорий писал: «Разъяснение о положении Церкви Русской и особенно Положение об управлении РПЦ, привезенное делегацией,

⁷¹ Калканджиева Д. Българската православна църква и държавата. 1944–1953. С. 48.

⁷² Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 70.

⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 87.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 87.

отрезвило комитет священников, дало опору Синоду в направлении жизни Болгарской Церкви на твердых канонических началах и указало правительству пример установления нормальных отношений между Церковью и государством»⁷⁵.

Еще одной важной задачей делегации была пропаганда среди болгар представлений о свободе вероисповедания и религиозной терпимости в Советском Союзе. Выступая на митинге в г. Ловече, глава русской делегации отметил: «Русский и болгарский народы связаны общей кровью и верой. Они едины в борьбе с фашизмом, в которой принимает участие и Церковь. Фашистская пропаганда в Болгарии вводила в заблуждение болгарский народ, говоря, что в России религия преследуется. Религиозная совесть русского народа свободна. У нас самостоятельное и свободное церковное управление, базирующееся на правилах канона. У нас много мужских и женских монастырей, существуют низшие, средние и высшие духовные училища. У нас свобода религиозной печати и слова»⁷⁶.

Архиепископ Григорий во время визита много времени уделял личным беседам и встречам. Особым вниманием владыки пользовались старейшие и уважаемые митрополиты, к мнению которых прислушивалось большинство иерархов и духовенства. Беседуя с ними, глава русской делегации старался переломить существовавший тогда у части духовенства прозападный настрой и насадить прорусские взгляды. Во время общения с Варненским митрополитом Иосифом владыка Григорий просил его оберегать русские интересы, «в случае, если бы оказались некоторые поползновения в другом направлении со стороны его сочленов»⁷⁷.

Важный приватный разговор состоялся между владыкой Григорием и экзархом Стефаном. Болгарский митрополит посвятил своего собеседника не только во внутрицерковные дела, но и рассказал о положении дел в межцерковной сфере. Стефан известил архиепископа Григория, что после снятия

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 87.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 66.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 89.

схизмы с Болгарской Церкви Константинопольский патриархат из-за происков греческого правительства оказался в затруднительном финансовом положении. Греческий церковно-государственный конфликт возник на почве политических амбиций афинского правительства, которое в категоричной форме было против снятия схизмы с Болгарской Православной Церкви. В контексте укрепления греко-болгарских церковных отношений экзарх Стефан просил протянуть руку помощи со стороны Русской Церкви, выделив из ее бюджета 20 тысяч турецких лир. Аргументируя свое ходатайство, митрополит Стефан отмечал, что «если бы это было принято и сделано быстро и в полном секрете, то можно было бы предупредить во Вселенской [патриархии. – *Иерд. Е.*] подобного же шага со стороны Англии, которая, если узнает, сможет воспользоваться этим обстоятельством для укрепления своего влияния там»⁷⁸.

Визит в Софию совпал с проведением весенней сессии Синода, в которой по приглашению болгарской стороны приняли участие все члены русской делегации. Важно подчеркнуть, что на заседании было зачитано послание Патриарха Алексия, в котором речь шла об антихристианских настроениях Ватикана и негативных влияниях фашистской идеологии: «Единение и мир в настоящее время особенно необходимы для борьбы с возрастающими притязаниями католичества в лице Ватикана, который хочет господствовать над народами и навязать им свои взгляды, якобы представляющие собой основы евангельских заповедей, а в действительности исходящие из принципов фашизма, враждебных христианской морали, зовущих человечество вспять и стоивших Европе многих невинных жертв и крови»⁷⁹. Через несколько дней после заседания Синода митрополит Григорий принял участие в хиротонии архимандрита Парфения (Стаматова) во епископа Левкийского. Новопоставленный владыка был искренним приверженцем традиций Русской Православной Церкви.

Таким образом, первый после преодоления схизмы официальный визит представителей Русской Церкви в Болгарию стал отправной точкой в совершенно

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 91 об.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 59.

новых русско-болгарских церковных отношениях, развивавшихся теперь в конструктивном ключе, в согласии и полном единомыслии по принципиальным вопросам. В письме к Патриарху Алексию митрополит Стефан писал: «Пребывание делегации в Софии и ее поездка по Болгарии дали повод и возможность нашему православному народу ярко выявить свою любовь к матушке-России и свою веру в несокрушимую мощь Русской Церкви и русского народа. Врагами России, как и нашего народа, было приложено много усилий, при которых были использованы все недостойные средства – интриги, ложь, клевета, чтобы отвратить от России сердце нашего народа. Но народ наш продолжал любить свою Освободительницу и верить в нее. Пребывание делегации оживило эту веру и эту любовь»⁸⁰.

В конце июня 1945 года в Москву прибыла с ответным визитом делегация Болгарской Церкви во главе с экзархом Стефаном. Целью поездки было приобретение навыков построения «модели государственно-церковных отношений в Болгарии»⁸¹ по русскому образцу. Но были и другие, более прагматичные цели, достижение которых было неременным условием улучшения внутренней жизни БПЦ.

На приеме у председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова митрополит Стефан затронул финансовую сторону деятельности болгарского экзархата, ситуация в которой оставляла желать лучшего. Он просил предоставить займы «сумму в 40–50 миллионов болгарских лев, при этом объяснил, что деньги ему нужны для строительства экзаршего дома и ремонта кафедрального собора»⁸². Чиновник ответил, что этот вопрос ему необходимо согласовать с советским правительством. Также экзарх попросил Г. Г. Карпова предоставить церковные книги, парчу и воск.

Обращаясь к Патриарху Алексию и архиепископу Григорию, участвовавшим во встрече, экзарх обозначил еще ряд проблем, которые возможно было решить только при поддержке Московской Патриархии. Он попросил

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 98.

⁸¹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 182.

⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 133.

выделить для Болгарской Церкви православную литературу и богослужебные книги, дефицит которых сильно сказывался на церковно-просветительской деятельности болгарского духовенства. Предстоятель Русской Церкви не отказал в помощи: «В текущем году патриархия не будет иметь такой возможности выделить из своего фонда книги, но учтет просьбу на 1946 год»⁸³.

Вопрос просветительской деятельности рассматривался и в другой плоскости. Митрополит Стефан просил предоставить возможность обучать болгарское духовенство «в пределах 10–15 человек в год»⁸⁴ в Богословском институте (Московская духовная академия еще не функционировала). Г. Г. Карпов был не против, а Патриарх Алексей подтвердил, что места в наличии имеются и будут зарезервированы.

Обсуждался и вопрос взаимоотношений Поместных Православных Церквей с экуменическим движением, влияние которого на международной арене становилось все значительнее. Целью митрополита Стефана, симпатизирующего экуменизму, было выяснить позицию Московской Патриархии по указанному вопросу. Убеждая Патриарха Алексея «включиться в это движение», болгарский иерарх с гордостью заявил, что он был участником почти всех конгрессов, поэтому призывает принять участие в предстоящем конгрессе и Русскую Церковь⁸⁵. Г. Г. Карпов никак не отреагировал на этот вопрос, сославшись на его внутрицерковный характер, а Патриарх Алексей ответил неопределенно – по этому вопросу внутри РПЦ еще не была выработана четкая позиция: «Этот вопрос встал перед нами только в текущем году, впервые после поездки митрополита Николая в Лондон и визита в патриархию настоятеля Кентерберийского собора Х. Джонсона. Материалов конгресса патриархия не имеет. Вопрос нами изучается, и должное изучение может быть только по получении соответствующих материалов»⁸⁶.

Некоторые вопросы, обсуждавшиеся во время визита архиепископа Григория (Чукова) в Болгарию, прозвучали и на московской встрече. В частности,

⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 133.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 134.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 134.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 135.

митрополит Стефан просил своих собеседников оказать финансовую помощь Вселенскому Патриарху, аргументируя необходимость подобного шага возможностью укрепления «русского влияния в Константинополе и вообще в Турции»⁸⁷. При этом местопребыванием Вселенского патриаршего престола Стефан предполагал все же Стамбул, а не Москву, хотя и признавал вероятность, что вследствие большого авторитета РПЦ «Константинополь будет русским, вместе с проливами»⁸⁸. Эту мысль он не раз повторял Г. Г. Карпову на протяжении всего визита, подчеркивая, что при такой расстановке сил «патриарх может быть не грек, а русский»⁸⁹.

За трехнедельный период пребывания болгарской делегации в СССР митрополит Стефан очень много говорил о своих русофильских взглядах, однако его речи были наполнены политическим содержанием. Владыка беспокоился о восстановлении теплых дипломатических отношений между Болгарией и СССР, отсутствие которых могло препятствовать участию его страны на Берлинской конференции. В качестве аргумента для сближения с СССР он обозначал хоть и небольшие, но реальные заслуги болгарского народа в борьбе с немцами.

При каждом удобном случае софийский митрополит заострял внимание на необходимости восстановления патриаршества в Болгарии. Патриарший титул был мечтой Стефана, однако экзарх осознавал нереальность ее воплощения в ближайшее время. Его неуверенность в скором восстановлении патриаршества была основана на внутривластной нестабильности в стране и охлаждении отношений с Константинопольским Патриархом. Единственной надеждой на благополучное разрешение этого вопроса оставалась Москва. Г. Г. Карпову владыка говорил: «Изберет ли меня Синод патриархом, будет ли указ Вселенского патриарха, назначит ли меня болгарское правительство, все равно интронизацию меня в патриархии оставляю за патриархом Алексием»⁹⁰.

В Москве экзарх Стефан встретился с Г. М. Димитровым, идеологом болгарского коммунистического движения, который был заинтересован в

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 136.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 136.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 136.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 138.

поддержке Отечественного фронта со стороны БПЦ на предстоящих ноябрьских выборах в Народное собрание. В беседе иерарх заверил своего собеседника, что нынешнее церковное устройство будет преобразовано в народную церковь по принципу преобразования государства на широких началах народовластия, но с условием, что представленный на утверждение правительства устав о Болгарской патриархии будет возвращен в виде залога⁹¹. Это означало, что при условии утверждения правительством представленного устава, Болгарская Церковь получала кредит доверия и должна была сотрудничать с государством на условиях выгодных, как правило, только Отечественному фронту. Ф. В. Суханов на основании дальнейшего развития событий делает вывод, что «во время бесед с Г. Димитровым была достигнута определенная устная договоренность между Церковью и государством. Церковь в лице экзарха Стефана обязалась поддерживать новую власть, а государство в лице Г. Димитрова обещало предоставить относительно свободное развитие Церкви»⁹².

Вернувшись в Болгарию, митрополит Стефан доложил синодальным архиереям о результатах трехнедельного визита в СССР. Со слов экзарха, в Советском Союзе «действует свобода религии и веротерпимость»⁹³, которые позволяют существовать Церкви сильной и независимой от государства. Рассказывая о беседе с Г. Димитровым, экзарх подчеркнул, что последний «высказывался против секуляризации монастырской и церковной собственности, если она разумно и правильно используется»⁹⁴. Особенно докладчик заострил внимание архиереев на финансовой помощи, которую Московская Патриархия по договоренности с советским правительством должна была оказать Болгарской Церкви. Русская Церковь позднее действительно оказала эту помощь, хотя и не в полном размере. Сумма в размере 30 миллионов левов (1,5 миллиона рублей) была предоставлена от лица Московской Патриархии правительством СССР. В одном из официальных писем отмечалось: «Предоставление займа может быть

⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 196.

⁹² Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 73.

⁹³ Там же, с. 74.

⁹⁴ Бълхова М. И. Болгарская Православная Церковь (1945-1953): Роль Экзарха Стефана в возрождении Церкви. С. 198.

проведено только от лица Церкви, а не от правительства, и, принимая во внимание, что предоставление такого займа Болгарской Православной Церкви даст возможность Московской патриархии в значительной степени укрепить свое влияние на нее, Совет вошел в правительство Союза с ходатайством об удовлетворении просьбы митрополита Стефана»⁹⁵. Экзарх уверял митрополитов, что состоявшийся визит еще сыграет важную роль в вопросе сближения Русской и Болгарской Православных Церквей. В рамках укрепления русско-болгарских отношений, по словам митрополита, был поднят и вопрос о создании болгарского подворья в Москве, которое должно было послужить «живым звеном в отношениях наших Церквей»⁹⁶. Таким образом, визит болгарской делегации в СССР расценивался экзархом как весьма успешный и плодотворный, а те совместные проекты, которые были намечены в Москве Патриархом Алексием, Г. Г. Карповым и митрополитом Стефаном, пусть и не в полной мере, но стали постепенно реализовываться.

В контексте укрепления межправославных отношений с Вселенским патриархатом в конце октября 1945 года софийский митрополит совершил визит в Стамбул. Официальной целью визита было выражение должной благодарности престарелому Константинопольскому Патриарху Вениамину за разрешение семидесятилетнего конфликта между Софией и Стамбулом. На переговорах с греками экзарх Стефан позиционировал себя приверженцем генеральной линии Московской Патриархии и советского политического курса. В беседах с греческими иерархами он восхвалял Русскую Православную Церковь, обращая внимание на ее заслуги перед всем славянским миром. Патриарх Вениамин довольно тепло отнесся к словам экзарха, сообщив, что он очень скорбит по поводу своего отсутствия на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, на котором был избран Патриарх Алексий. Экзарх Стефан писал: «Его Святейшество (Патриарх Вениамин. – *Иерд. Е.*) с живым интересом выслушал восторженные мои отзывы о возрождающейся Русской Церкви и поспешил

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 77.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 219.

уверить меня, что он испытывал великую скорбь, будучи лишен возможности, по своему болезненному состоянию, принять участие в Московском Поместном Соборе»⁹⁷.

В Константинопольской патриархии при престарелом Патриархе Вениамине царил атмосфера сепаратистских взглядов: часть греческих архиереев вместе с турецким правительством придерживались европейской политики, а другая партия, в которую входил и сам глава Церкви, ориентировалась «на близость и сотрудничество с Русской Церковью»⁹⁸. Поэтому турецкое правительство было уверено, что члены болгарской делегации во время пребывания в Москве получили инструкции по визиту на турецкую территорию. По словам самого митрополита Стефана, турецкое правительство боялось, чтобы «Вселенская патриархия не подпала под русское влияние, которое, по их мнению, неминуемо привело бы к русскому господству. Бедственное положение патриархии еще более внушает такой страх, и вследствие этого она находится под постоянным наблюдением»⁹⁹. Русское влияние в Константинопольской патриархии на тот момент действительно было значительным. Прорусски настроенные синодальные архиереи и административные сотрудники говорили на русском языке, тем самым рискуя навлечь на себя гонения, и были под особым надзором турецкого правительства.

Русофобская атмосфера в Турции сложилась из-за геополитических споров Москвы и Анкары относительно Черноморских проливов. Советский Союз предлагал совместно с турецкой стороной контролировать эти водные артерии, а для более качественного наблюдения за проливами поставить там советскую военно-морскую базу. Как известно, турецкое правительство под влиянием англичан и американцев не согласилось на такое сотрудничество. Поэтому любое упоминание о СССР вызывало подозрительность и агрессию с турецкой стороны.

Митрополит Стефан, сообщая Патриарху Алексию о результатах визита в Турцию, подчеркивал, что он подробно беседовал с Патриархом Вениамином и

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 219 об.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 220.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 220.

некоторыми чиновниками о русско-турецком кризисе. Перед собеседниками экзарх выступал апологетом советской политической линии по указанной проблеме. Позиция болгарского предстоятеля характеризовалась русофильством и приверженностью идеологии Московской Патриархии. В ходе визита владыка Стефан составил следующее мнение о сложившейся ситуации: «Турцию в том случае будет ожидать доброе будущее, если она всецело вступит в атмосферу искреннего и откровенного приятельства с Россией, притом исключительно путем непосредственных сношений и соглашений»¹⁰⁰.

Вышеизложенные факты свидетельствуют, что визит болгарского экзарха в Стамбул имел прежде всего политический подтекст. Сам митрополит видел свою миссию в отстаивании интересов Русской Православной Церкви и советского правительства перед греческими архиереями и турецкими властями. Он прекрасно понимал, что только влияние Московского Патриарха и советского государства способно решить положительно вопрос о восстановлении патриаршества в Болгарии. Владыка отчитывался перед Патриархом Алексием: «В Цареграде я констатировал не только в патриархии, но и в разных иных сферах огромный интерес к жизни и деятельности св. Православной Русской Церкви вообще и в частности к личности Вашего Святейшества. Мои утверждения, что в России есть свобода совести, есть веротерпимость, что там Церковь не преследуется, а, напротив, облегчается ее служение, выслушивались с живым вниманием, и в редких случаях задавались мне вопросы, требовавшие дополнений и пояснений»¹⁰¹. В целом же, визит болгарской делегации в Турцию с точки зрения эффективности в решении проблемных вопросов можно оценить как малосущественный – смерть Патриарха Вениамина в феврале 1946 года помешала переломить антирусские взгляды во Вселенской патриархии.

Большое значение в укреплении русско-болгарских церковных отношений имел визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия в Болгарию. Приезд предстоятеля Русской Церкви был приурочен к празднованию 1000-летия

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 221.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 221.

преставления прп. Иоанна Рыльского. 20 мая 1946 года делегация Московской Патриархии прибыла в Софию. В состав делегации вошли ее глава – Патриарх Алексей, митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий и другие духовные лица¹⁰².

Программа визита состояла из двух блоков – официального и неофициального. К официальной части относились такие мероприятия как совместные богослужения, посещение монастырей и епархий, публичные выступления и осмотр достопримечательностей¹⁰³. В контексте сближения Болгарской и Русской Православных Церквей Патриарх Алексей на протяжении всего визита говорил об укреплении взаимной дружбы. Особым образом выделял он болгарское правительство, которому желал «полного успеха в осуществлении всех его начинаний, имеющих в виду счастье и благосостояние болгарского народа, а Православной Болгарской Церкви в лице ее деятелей — полного содействия всем этим добрым начинаниям»¹⁰⁴. Русский первоиерарх, таким образом, старался подчеркнуть сочувствие и симпатию Русской Церкви к новому правительству Отечественного фронта и тем способствовать формированию лояльной позиции государства по отношению к Церкви.

Центральным местом проведения торжеств стал Рыльский монастырь, в который собрались не только представители церковных кругов, но и государственные деятели и чиновники самого высокого уровня. По справедливому замечанию Т. В. Волокитиной, эти торжества «вышли за рамки интереса лишь православного сообщества»¹⁰⁵, поэтому кульминацией мероприятия стало выступление генерального секретаря Коммунистического интернационала Г. М. Димитрова¹⁰⁶, вернувшегося к тому времени в Софию из Москвы и ставшего в ноябре 1946 года председателем Совета министров Болгарии.

¹⁰² Григорий (Чуков), митр. Поездка Святейшего Патриарха Алексия в Болгарию // ЖМП. 1946. № 6. С. 3.

¹⁰³ Остапов А., прот. Путешествия Святейшего Патриарха Алексия... С. 7.

¹⁰⁴ Григорий (Чуков), митр. Поездка Святейшего Патриарха Алексия в Болгарию. С. 18.

¹⁰⁵ Волокитина Т. В. Оппозиция или конформизм? Болгарская православная церковь и коммунистический режим (1940-е – 1980-е гг.) // Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М.; СПб., 2014. С. 108.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 280.

В своей речи Г. М. Димитров восхвалял Болгарскую Православную Церковь как способствующую сохранению национального чувства народа и предотвратившую во многом его уничтожение. При этом выступающий позиционировал себя атеистом и ратовал за отделение Церкви от государства, но в церковно-политическом вопросе разделял мнение, что Церковь должна быть народной и республиканской. Обращаясь к болгарской церковной истории, Димитров отмечал, что «Церковь сыграла исключительно большую патриотическую роль в нашей истории, и в настоящий момент, когда решаются судьбы болгарского народа на десятилетия, чтобы не сказать на столетия, она призвана в новых условиях остаться верной традициям и заветам Ивана Рылского, отца Паисия, Неофита Рылского и многих других замечательных церковных деятелей»¹⁰⁷.

По мнению Т. В. Волокитиной, Г. М. Димитров использовал национальный авторитет св. Иоанна Рылского сугубо в политических целях. Исследовательница утверждает: «Отшельнический подвиг св. Иоанна стараниями пропагандистов представал в виде индивидуальной формы классовой борьбы в утверждавшемся феодальном обществе, а уход святого от мирской жизни характеризовался как протест против жестокой эксплуатации болгарских крестьян духовенством. Даже разбойники, подвергшие Иоанна истязаниям, в идеологической интерпретации оказывались подданными местного феодала, а Рылская обитель, основанная учениками и последователями святого, — цитаделью многовековой болгаро-русской дружбы»¹⁰⁸.

Г. М. Димитров действительно рассчитывал на поддержку Церкви, но прежде предполагал трансформацию ее взглядов. Он считал необходимым для Церкви отойти от ее прошлого идеологического курса, перестав почитать за богослужением царскую династию Кобургов. Церковные же иерархи должны были, по мнению Димитрова, взяться за дело построения демократии «как честные народные труженики, добросовестные церковные служители, для

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

¹⁰⁸ Волокитина Т. В. Оппозиция или конформизм? Болгарская православная церковь и коммунистический режим (1940-е – 1980-е гг.). С. 109.

которых между словом и делом нет противоречий»¹⁰⁹. В своем слове чиновник восхвалял историческую линию политики Русской Церкви, которая смогла пережить трагические последствия революции и выступить в объединяющей роли во время Великой Отечественной войны. Обращаясь к духовенству, он призвал поучиться русскому опыту: «Следуйте примеру великой Русской Церкви, и тогда осуществится единство между Болгарской Церковью и болгарским народом, объединенным в Отечественном фронте, тогда Церковь сможет объединить духовные силы наших верующих соотечественников на благо нашей Родины»¹¹⁰.

Речь главы болгарских коммунистов Г. М. Димитрова носила установочный характер. Таким способом новое правительство в публичном пространстве объявило о своем видении церковно-государственного взаимодействия, указав роль софийского экзархата в этом сотрудничестве. Было ясно, что новая власть ограничит деятельность Церкви, а особенно участие в социально-правовых и культурно-просветительских сферах, входивших до недавнего времени в ее компетенцию. Более того, тезисы доклада частично легли в основу проекта новой Конституции, положения которой предполагали отделение Церкви от государства со всеми вытекающими последствиями.

Во время пребывания в Софии русской делегации митрополит Стефан обсудил с Патриархом Алексием ряд вопросов, касающихся двусторонних церковных отношений Болгарии и России. Экзарх предложил московскому гостю поддержать идею восстановления русской семинарии на Шипке, в которой «могли бы получать богословское образование юноши не только болгарские, но и всех других славянских стран»¹¹¹. Основные проблемы заключались в ограниченных финансовых возможностях болгарской стороны и отсутствии качественных кадров на должности преподавателей. На тот момент Русская Церковь также находилась в сложном материальном положении, поэтому речь могла идти только о небольшой финансовой помощи, которую Московская Патриархия оказывала от случая к случаю.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 9.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 10.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 11.

С активизацией международной деятельности Болгарской Церкви православная молодежь все больше увлекалась западным образованием, которое, по словам экзарха, заражало их протестантским духом и насаждало враждебную по отношению к Советской России европейскую идеологию¹¹². Не желая терять интеллектуальную элиту, митрополит Стефан предлагал возродить существовавший ранее порядок обучения болгарских семинаристов в русских духовных академиях с полным их содержанием принимающей стороной. Также экзарх внес предложение организовать обмен священниками между братскими Церквями с целью способствовать «укреплению однообразного богослужебного чина»¹¹³. Развивая эту мысль, софийский митрополит предполагал устроить в Москве издательство богослужебных книг на славянском языке, которые были бы востребованы не только в СССР и Болгарии, но и других славянских странах. Укреплению и единению религиозной жизни двух народов содействовало бы и паломничество верующих из России в Болгарию.

Невозможно было обойти вниманием вопрос о деятельности экуменического движения, усилившего свою активность на послевоенном пространстве, и особенно в Восточной Европе. Болгарская экзархия была заинтересована в участии в этом движении и его деятельности. Повышенный интерес Болгарской Церкви к экуменическому движению был обусловлен, прежде всего, охлаждением церковно-государственных отношений внутри страны. Правительство готовило проект Конституции, согласно которому Церковь отделялась от государства, а значит, финансирование церковных структур из государственного бюджета прекращалось. Следовательно, Церкви нужно было искать другие источники стабильного дохода для содержания церковного административного аппарата. И экуменическое движение могло стать таким источником. Поэтому, осознавая свое зависимое положение от РПЦ, экзарх с такой настойчивостью добивался от Патриарха Алексия четкой официальной позиции Московской Патриархии по экуменическому вопросу. Чувствуя, что

¹¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 11.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 11.

реакция Русской Церкви и советского правительства, скорее всего, будет негативной, болгарский митрополит предлагал если уж не включаться полностью в работу экуменического совета, то хотя бы назначить в него постоянного наблюдателя по образцу Католической церкви. Свое предложение иерарх формулировал так: «Желательно иметь в совете наблюдателя, каковым желательно иметь духовное лицо, богословски хорошо образованное, знающее языки (франц. и англ.)»¹¹⁴.

Обсуждение этого вопроса привело к решению, что «Болгарская Церковь не будет одна, без согласования с Московской Патриархией, принимать участие в экуменическом движении»¹¹⁵. В действительности же эта договоренность была нарушена болгарской стороной. Уже в начале 1947 года болгарским Синодом (без участия в нем заболевшего экзарха Стефана) было принято решение «участвовать в подготовительных конференциях и Всемирном съезде этого движения 1947–1948 гг.»¹¹⁶. Более того, был создан экуменический комитет из состава постоянных членов Синода, почетным председателем которого стал сам митрополит Стефан. Экзарху тяжело было расставаться с многолетними наработками в экуменической сфере, поэтому, отказавшись открыто участвовать в экуменических организациях, он все же поддерживал неофициальные связи с экуменистами через настоятеля одного из центральных храмов Софии протопресвитера Стефана Цанкова¹¹⁷. Как правило, последний выполнял поручения Стефана, связанные с изысканием финансовых средств на нужды экзархии. Зачастую руководство экуменического движения оказывало и типографскую помощь, предоставляя возможность издавать Библию и другую церковную литературу для нужд БПЦ.

Давая оценку результатам визита делегации Московской Патриархии в Болгарию, следует отметить значительное усиление межцерковных связей двух стран. Проекты совместных программ, предлагавшиеся экзархом Стефаном в

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 11.

¹¹⁵ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 154.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 275–278.

личных беседах с Патриархом Алексием, были отчасти воплощены, отчасти же не получили поддержки у правительств с обеих сторон. Новая власть в Болгарии после выборов в Народное собрание и избрания республиканской формы правления решила поставить Церковь себе на службу, поэтому церковно-государственные отношения в Болгарии резко охладели, а церковные русско-болгарские отношения, наоборот, стали интенсивнее и теплее. Таким образом, по справедливому замечанию М. И. Бълховой, «сценарий Советского Союза, хотя и с некоторым опозданием, стал осуществляться на болгарской почве»¹¹⁸.

К 1947 году осложнилась ситуация внутри самого административного аппарата Болгарской Церкви. Активная оппозиционная деятельность среди архиереев началась в тот период, когда экзарх находился на долгосрочном лечении и не мог полноценно контролировать рабочий процесс. Реакционно настроенные митрополиты – Варненский Иосиф, Врачанский Паисий и Пловдивский Кирилл – были недовольны внешней церковной политикой Стефана, которая ориентировалась не на Запад, а на Москву. В первую очередь их не устраивала договоренность экзарха с Московской Патриархией в отношении экуменического движения, которое теряло свой авторитет в глазах советской стороны и воспринималось как реакционно-политический элемент. К тому же усилившееся давление на Церковь со стороны Отечественного фронта побудило оппозиционное священноначалие выступать с заявлениями о начале новых гонений. В этой ситуации митрополиты воспринимали экзарха Стефана как пособника правительства, который «находится в плену у властей “по русскому образцу”»¹¹⁹. Пользуясь удобным случаем, они решили стратегически выгодно расставить кадровые силы «во главе административных должностей Синода и в церковной прессе»¹²⁰. Таким способом они предполагали оторвать Болгарскую Православную Церковь от влияния Московской Патриархии и добиться замены митрополита Стефана более подходящей кандидатурой¹²¹.

¹¹⁸ Бълхова М. И. Болгарская Православная Церковь (1945–1953): Роль Экзарха Стефана в возрождении Церкви. С. 198.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 85.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 275–278.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 78.

В архивных документах сохранились свидетельства о том, что митрополит Стефан сам якобы пособничал оппозиции и тайно поддерживал ее деятельность. Заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшев, докладывая своему руководству о положении дел в Болгарской Церкви, писал: «Имеются требующие проверки сведения, что митрополит Стефан имеет прямое отношение к оппозиционным группам в Болгарии и намерен открыто выступить в защиту их»¹²². Заведующий Консульским отделом миссии СССР в Болгарии Г. П. Шнюков подтверждает эту информацию: «Ближайшим советником экзарха является русский белый эмигрант, быв[ший] духовник царя Николая II протопресвитер Шавельский, известный своей ненавистью ко всему советскому, а сам Стефан поддерживает также постоянную связь с болгарской оппозицией и по существу является ее сторонником»¹²³. Действительно, митрополит Стефан под влиянием международных политических событий и неуверенности в сохранении достойных церковно-государственных отношений «начал колебаться и проявлять неустойчивость в провозглашенной им политике сотрудничества с Русской Православной Церковью»¹²⁴. Экзарх перестраховывался и не решался окончательно «сжигать мосты» с западным миром, готовым в любой момент оказать финансовую помощь. Однако следует заметить, что эти его связи никак не влияли на русско-болгарские церковные отношения. Сам владыка очень часто в беседах с русскими иерархами и в письмах Г. Г. Карпову повторял, что его «ориентация на Восток, на великий и могучий Советский Союз, на Русскую Церковь, на патриарха Алексия – неизменны и непоколебимы»¹²⁵.

В контексте перестройки государственной системы управления в Болгарии церковный вопрос, как мы видим, занимал особое место и имел важнейшее значение для всей страны. Новая власть Отечественного фронта пыталась выстраивать взаимодействие с Церковью по образцу советских церковно-государственных отношений. Для создания единой церковно-государственной политической линии болгарские власти зачастую отправляли своих

¹²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 78.

¹²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 219–229.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 86.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 134. Л. 15–23.

представителей в СССР с целью заимствования советского опыта в этой сфере. Так, в ноябре 1947 года в Москве состоялось ознакомление членов болгарской партийной делегации с деятельностью Совета по делам Русской Православной Церкви. На приеме у Г. Г. Карпова члены болгарской делегации дали оценку сформировавшимся в стране церковно-государственным отношениям и внутрицерковной ситуации в целом. По словам болгарских представителей, новое правительство Отечественного фронта использует определенные рычаги, которые постепенно ограничивают деятельность Церкви. Из армии были удалены священники, удовлетворявшие религиозные потребности военнослужащих, в школах и гимназиях перестали преподавать Закон Божий, в печати активизировалась атеистическая пропаганда, запретили церковную благотворительность, а Болгарский экзархат в ближайшее время должен был лишиться своих земельных наделов и основной части финансовых средств¹²⁶.

Говоря о перспективах Болгарской Церкви, гости из Софии сообщили, что «правительство категорически против образования патриархата, считая, что образование патриаршества укрепит религиозные позиции в стране»¹²⁷. Они не скрывали своего негативного отношения к личности митрополита Стефана, который, по их мнению, заслуживал самой отрицательной характеристики. Болгары даже подняли вопрос отставки экзарха, предложив потенциальных кандидатов на его пост. Наиболее подходящей кандидатурой они видели Пловдивского митрополита Кирилла, который мог бы возглавить Церковь в тандеме с государственной властью.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о стремлении правительства Отечественного фронта, несмотря на его поддержку со стороны экзарха Стефана, полностью подчинить Церковь государству, лишив ее самостоятельного управления во всех сферах жизнедеятельности.

К концу 1947 года ситуация в церковной жизни в Болгарии серьезно осложнилась. Отрицательная динамика событий предвещала Болгарской Церкви

¹²⁶ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 157.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 10. Л. 51.

самые печальные последствия. Для укрепления положения Болгарской Церкви необходимо было вмешательство извне. Таким потенциальным регулятором могло стать Всеправославное совещание глав Поместных Православных Церквей, запланированное на ближайшее время в Москве. Именно его решения и постановления, по мнению руководства Болгарской Церкви, должны были снять напряжение в церковно-административной сфере.

1.2. Участие Болгарской Церкви во Всеправославном совещании в Москве и его последствия для церковно-государственных отношений в Болгарии в 1947–1950 гг.

Положение Болгарской Церкви после окончания Второй мировой войны оставалось непростым. Необходимо было строить отношения с новой коммунистической властью – правительством Отечественного фронта – неоднозначно относившимся к Церкви. Накопились и внутренние проблемы – административные, финансовые. На фоне обострения международных отношений между странами Запада и социалистическим лагерем Болгарской Церкви предстояло определить свою внешнеполитическую линию.

На решение всех этих задач накладывали отпечаток и непростые взаимоотношения епископата и священства. В этой ситуации важнейшую роль сыграл болгарский экзарх митрополит Стефан – личность амбициозная, чья политика во многом определила дальнейшую судьбу болгарского Православия.

Правительство Отечественного фронта проводило свою политику с оглядкой на руководство СССР, утверждавшее в этот период свое влияние в Восточной Европе в целом и в Болгарии в частности. Было очевидно, что при таком влиянии советского правительства на ситуацию в Болгарии Болгарская Церковь не могла не ориентироваться на Церковь Русскую – самую значительную и авторитетную Церковь в православном мире.

В послевоенные годы Русская Православная Церковь и советское правительство общими усилиями направили свою деятельность на укрепление международного авторитета Московской Патриархии и СССР. В результате так

называемого сформировавшегося сотрудничества Церковь получила выход на международную арену, что сделало возможным осуществление идеи по созданию системы православного единства в противодействие давлению со стороны Ватикана и усилившегося экуменического движения. «Патриархия, приобретая вес и влияние в международных кругах, не только исполняла тем самым естественную для Церкви миссионерскую функцию, но и в определенной степени стремилась обезопасить себя от новых гонений со стороны безбожного режима»¹²⁸.

Еще в апреле 1945 года, когда Патриарх Алексей был на аудиенции у И. В. Сталина, последний дал понять, что возлагает большие надежды на деятельность Русской Церкви в «укреплении международных позиций Советского Союза и налаживании зарубежных контактов»¹²⁹. Хотя предполагаемый потенциал Церкви в полной мере не реализовался, Московский Патриархат впоследствии смог объединить вокруг себя блок Православных Церквей в Восточной Европе и быть признанным «большинством автокефальных православных Церквей в качестве лидера вселенского православия»¹³⁰. Такого положения Русская Православная Церковь достигла среди большинства Поместных Церквей в результате проведения в Москве в июле 1948 года совещания глав Православных Церквей. На этом совещании были подняты вопросы и проблемы, особо острые для мирового Православия, и выработаны резолюции по ним.

Среди обсуждаемых проблем были и вопросы, связанные непосредственно с жизнью Болгарской Церкви и ее взаимоотношениями с РПЦ. Рассматривая ход подготовки Всеправославного совещания и участие в нем болгарской делегации, невозможно не обратить внимание на значение этого крупного международного форума в новейшей истории болгарского Православия.

На фоне заметного потепления в отношениях Русской Православной Церкви и советского правительства подготовка совещания шла непросто. 8 апреля 1947 года Патриарх Алексей разослал главам всех Поместных Православных Церквей

¹²⁸ Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. С. 194.

¹²⁹ Волокитина Т. В. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 94.

¹³⁰ Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. С. 194.

приглашение на Всеправославное совещание, которое должно было состояться в Москве в сентябре того же года. Основные вопросы, прописанные в повестке мероприятия, касались отношения Православных Церквей к католицизму, участию в экуменическом движении, новому календарю, об отношении к «карловацкому» расколу в Русской Церкви и англиканской иерархии. На принятие участия в этом совещании дали свое согласие Патриархи Антиохийский Александр, Сербский Гавриил, Румынский Никодим, Грузинский Каллистрат, а также глава Болгарской Церкви митрополит Софийский Стефан и глава Албанской Церкви архиепископ Христофор. Однако из-за давления представителей различных организаций, прежде всего американских, Константинопольская, Александрийская, Греческая и Кипрская Церкви решили отказаться от участия во Всеправославном совещании. Такая реакция греческих церквей объясняется тем, что «Константинополь стал одним из форпостов Западного мира, в то время как Московская патриархия и Церкви в странах соцлагеря оказались по другую сторону баррикад»¹³¹. В связи с разделением поместных Церквей на два противоположных политических направления, а следовательно, на две сферы влияния на мировое Православие, и рядом других политических причин, в августе 1947 года Патриарх Алексий направил главам автокефальных Церквей извещение следующего содержания: «Предложенное на осень текущего года совещание по церковным вопросам по соображениям более тщательной подготовки докладов к совещанию откладывается ориентировочно на лето будущего 1948 года»¹³².

Таким образом, в результате антисоветского курса американских и западных политических сил, которые с помощью экономического фактора старались усилить конфронтацию между Московской Патриархией и Восточными Патриархами, фактически сформировался блок Православных Церквей стран народной демократии, солидаризирующихся с идеей созыва Всеправославного совещания в Москве. Внутри этого блока наиболее активное участие в

¹³¹ Кострюков А. А. Предпосылки участия архиепископа Серафима (Соболева) во Всеправославном Совещании 1948 года // Вестник ПСТГУ. 2010. Вып. 2. С. 53.

¹³² Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 98.

объединении и поддержке Московской Патриархии продемонстрировала Болгарская Православная Церковь во главе с ее экзархом митрополитом Стефаном.

Взаимоотношения Болгарской и Русской Православных Церквей стали укрепляться после визита Патриарха Алексия в Болгарию в мае 1946 года. Этот визит был приурочен празднованию 1000-летия со дня кончины св. Иоанна Рыльского. Выступая в Рыльском монастыре, болгарский лидер Георгий Димитров в присутствии Патриарха Алексия и других высоких гостей в своем докладе наметил курс и сформировал задачи для Болгарской Церкви. Он предложил священноначалию «учиться на великом русском опыте, следовать примеру Русской Церкви и таким образом обеспечить единство БПЦ и болгарского народа»¹³³. По замечанию протоиерея А. Остапова, «большое внимание к патриарху проявили в те дни Георгий Димитров и маршал Толбухин»¹³⁴. Укрепление выбранного Болгарской Церковью курса на сближение с Московской Патриархией наметилось благодаря строительству «государственно-церковных отношений в Болгарии по советскому сценарию»¹³⁵.

Внутреннее положение Болгарской Церкви в этот период было неоднозначным. Одновременно со сближением с Москвой к 1947 году Болгарская Православная Церковь все активнее участвовала в экуменическом движении, которое с большой силой распространялось со стороны западных государств на страны Восточной Европы. К этому Болгарскую Церковь подталкивали и экономические трудности, поскольку экуменические организации обещали, в том числе, и финансовую помощь.

В Болгарии вопрос участия в экуменическом движении особо остро встал в церковно-государственных отношениях. Новое правительство Отечественного фронта во главе с Георгием Димитровым, окончательно укрепившееся 22 ноября 1946 года, требовало со стороны Синода и его председателя экзарха Стефана полного подчинения и согласования своих действий с правительством, что никак

¹³³ Там же, с. 224.

¹³⁴ Остапов А., *прот.* Путешествия Святейшего Патриарха Алексия... С. 6.

¹³⁵ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 224.

не согласовывалось с участием в экуменическом движении. Сам же митрополит Стефан более двадцати лет был активным участником этого движения, из-за чего управляемая им Болгарская Церковь была ориентирована на «дружбу» с представителями христианского западного мира. Г. Г. Карпов, информируя заместителя министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, писал: «Связь Болгарской Православной Церкви с “экуменическим движением” существовала и ранее, причем митрополит Стефан являлся членом некоторых его руководящих комитетов»¹³⁶. Однако, несмотря на приверженность этому движению, глава Болгарской Церкви отказался от открытого участия в экуменических организациях и только неофициально поддерживал их работу через настоятеля храма-памятника св. Александра Невского в Софии протопресвитера Стефана Цанкова¹³⁷, который был «пионером экуменического движения»¹³⁸. К выбору такой линии поведения экзарха подтолкнули несколько причин.

С одной стороны, участвуя в работе экуменических совещаний, конференций и различных встреч, Болгарская Церковь сохраняла некоторую свободу от тотального влияния правительства Отечественного фронта. Поддерживая связь с представителями западных конфессий, Болгарская Церковь также ориентировалась на их финансовую и материальную помощь. Получение субсидий от Запада для Болгарской Церкви априори означало согласие на свободную работу экуменических представителей в стране. Настоятель русского подворья в Болгарии архимандрит Мефодий писал Патриарху Алексию: «Главная приманка связываться с экуменистами – это предложение сих последних помочь нашей Церкви деньгами и печатно (типографской) бумагой для издания библий и других религиозных книг»¹³⁹.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 86.

¹³⁷ Протопресвитер Стефан Станчев Цанков родился 17 июля 1881 г. в Болгарии. Один из основателей экуменического движения, видный болгарский богослов, историк церковного права, доктор наук и профессор кафедры церковного права богословского факультета Софийского университета св. Климента Охридского. Более 30 лет являлся академиком Болгарской Академии наук. В течение 35 лет был настоятелем храма-памятника св. Александра Невского в Софии. В 1961 году отчислен на покой. С 1960 года и до своей кончины в 1965 году – консультант Св. Синода Болгарской Православной Церкви по юридическим вопросам.

¹³⁸ Боровой В., протопресв. И он был верен до смерти. URL: <http://www.mepar.ru/library/books/4/3/14/>

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 81 об.

С другой стороны, линия на сближение с экуменистами не согласовывалась с личными амбициями владыки Стефана, желавшего стать Патриархом. Получить патриарший титул без согласия на то Московской Патриархии было невозможно, и экзарх это прекрасно понимал.

Пока митрополит Стефан не решался сделать окончательный выбор, Болгарская Церковь оказалась в двойственном положении между Востоком и Западом, и эта ситуация способствовала активной деятельности различных конфессий на территории Болгарии. Более того, католики и протестанты более дружелюбно стали относиться друг к другу, чего раньше не наблюдалось. Тот же архимандрит отмечает, что «редакторы католических газет высказываются в протестантских газетах, что им очень нравится движение о соединении Церквей, поднятое протестантами»¹⁴⁰. Результатом работы западных конфессий на этом этапе стало объединение всех протестантских фракций в единый Евангельский союз.

Влияние западного христианства в стране достигло апогея. Архивные документы свидетельствуют о том, что даже в «официальном издании Синода – «Церковном вестнике» – часто стали печататься статьи за подписями протестантских пасторов. А титулярный профессор по догматическому богословию и критике инославных исповеданий и сект на православном богословском факультете читал публичные лекции в протестантских храмах в Софии»¹⁴¹. Более того, образованное духовенство в столице настолько прониклось духом протестантизма, что стало принимать участие в собраниях протестантов и выступать со своими воззваниями о соединении Церквей. В свою очередь, пасторы, число которых значительно выросло, сформировавшись в «политические группировки», перемещались по городам и свободно пропагандировали свои идеи.

По замечанию протоиерея Всеволода Шпиллера, этим политическим группировкам «удалось создать в известных кругах настроения ожидания

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 81 об.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 81.

усиления здесь после подписания мира¹⁴² и после ухода отсюда советских войск политического англо-американского влияния»¹⁴³.

Большинство членов Синода БПЦ поддерживали ориентацию на Запад. Основными двигателями этих идей со стороны епископата были, по словам В. Шпиллера, митрополиты Врачанский Паисий и Пловдивский Кирилл. Подтверждением этому служат документы, свидетельствующие, что от этих архиереев поступали предложения Стефану о создании при Синоде «специального совета экуменического представительства под председательством экзарха»¹⁴⁴. Против создания такого совета выступал Неврокопский митрополит Борис. Он просил снять этот вопрос с обсуждения на Синоде и вынести его на повестку дня архиерейского собора, понимая, что тогда сторонники экуменизма лишатся большинства. Несмотря на заявление митрополита Бориса в апреле 1947 года был создан Экуменический совет. Почетным председателем стал митрополит Стефан, а текущую работу выполняли заместитель – митрополит Паисий, секретарь – протопресвитер Стефан Цанков, архимандрит Иосиф и несколько светских лиц. По информации 2-го секретаря Отдела Балканских стран МИД СССР М. Коровина, «Стефан замещает вакантные руководящие должности в церковной иерархии наиболее реакционными и скомпрометировавшими себя связями с немцами церковниками»¹⁴⁵. Прежде всего Коровин выделяет епископов Пимена, Флавиана и Никодима, протопресвитеров Стефана Цанкова и Георгия Шавельского¹⁴⁶, подчеркивая, что последний был духовником царя Николая II и

¹⁴² Речь идет о подписании 10 февраля 1947 года Парижского мирного договора, по которому Болгария вернула себе права суверенного государства в международных отношениях и стала членом ООН.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 89.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 92.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 217.

¹⁴⁶ Родился 18 января 1871 г. в с. Дубокрай Витебской области в семье диакона. После окончания Витебской духовной семинарии стал священником. В 1902 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1902 по 1911 г. был настоятелем Суворовской Кончанской церкви в Санкт-Петербурге, и в этот период часто встречался с протоиереем Иоанном Кронштадтским. Во время Русско-японской войны был полковым священником, дивизионным благочинным и, под конец, главным священником Манчжурской армии. С 1906 по 1910 г. – законоучитель в Смольном институте Санкт-Петербурга. В 1910 г. стал профессором богословия Санкт-Петербургского историко-филологического института. В 1911 г. назначен протопресвитером военного и морского духовенства Российской империи. С 1917 по 1919 г. окормлял военное духовенство в Добровольческой армии А. И. Деникина. В апреле 1920 г. из Феодосии эмигрировал в Болгарию. В этом же году стал профессором богословского факультета Софийского университета. В эмиграции поддерживал экуменическое движение, развивал идею введения григорианского календаря. В 1927 г. перешел из Русской Православной Церкви Заграницей в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви. Скончался 2 октября 1951 г. в Софии.

«известен своей ненавистью ко всему советскому»¹⁴⁷. Все эти лица находились в одном лагере со Стефаном или, по крайней мере, открыто не вели против него работу.

Существовал также и оппозиционный экзарху круг архиереев. В нем выделялись митрополиты Варненский Иосиф, Русенский Михаил, Пловдивский Кирилл¹⁴⁸ и Тырновский Софроний. Они Стефану не доверяли, считали, что «митрополит находится в плену у властей “по русскому образцу”»¹⁴⁹. Поверенный в делах СССР в Болгарии Климент Левычкин в докладе заместителю министра иностранных дел А. Я. Вышинскому назвал эту группу архиереев правой «оппозицией», которая «пока что не решится открыто выступить против Стефана»¹⁵⁰. По мнению Стефана Цанкова, «многие владыки недовольны политикой экзарха, лавирующего между Отечественным фронтом и реакцией, между Советским союзом и англо-американцами, что экзарх стремится продолжать обманывать коммунистов, которые уже разгадали его двуличную деятельность»¹⁵¹.

Сложная ситуация, в которой оказался митрополит Стефан, усугубилась в марте 1947 года, когда Синод получил от Вселенского Патриарха Максима письмо. В нем содержался запрос о «позиции Болгарской Церкви в отношении “экуменического движения”, в частности, об ее участии во всемирном съезде, намечаемом на 1948 год, и подготовительных конференциях 1947 года»¹⁵². Более того, Константинопольский Патриарх настойчиво рекомендовал принять участие во всех этих международных мероприятиях.

27 марта 1947 года состоялся Синод без участия экзарха Стефана¹⁵³. На нем были приняты положительные решения по всем указанным во «вселенском» письме вопросам. Также архиереи составили ответное письмо Патриарху

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 217.

¹⁴⁸ Хотя прот. Всеволод Шпиллер и относит митрополита Кирилла к сторонникам экуменизма, другие источники не подтверждают его точку зрения, и этот архиерей может быть полноправно отнесен к оппозиции экзарху Стефану.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 276.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 87.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 86.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 277.

¹⁵³ Стефан продолжал лечиться от затянувшейся болезни заражения крови, начавшейся еще в 1946 году.

Максиму, в котором просили у вселенского первоиерарха содействия в организации посещения Болгарии членами Высшего совета экуменического движения и официального приглашения для Болгарской Церкви на участие в конференциях.

Так, без видимого участия митрополита Стефана было официально подтверждено членство Болгарской Церкви в экуменическом движении. На самом деле, будучи болен, митрополит Стефан оставался в курсе происходящего в Синоде и принимаемых там решений. В докладной записке И. В. Сталину Г. Г. Карпов отмечал: «Молчаливое согласие Стефана с действиями оппозиционной части архиереев может быть объяснено лишь тем, что он под влиянием международных политических событий начал колебаться и проявлять неустойчивость в провозглашенной им политике сотрудничества с Русской Православной Церковью»¹⁵⁴.

Одновременно митрополит Стефан как предстоятель Болгарской Церкви старался поддерживать политику Русской Церкви, несмотря на негативное отношение к ней большинства архиереев. Такую позицию экзарха обусловило, конечно же, желание получить патриаршество от Русской Православной Церкви. Идея восстановления патриаршества возникла еще в 1942 году после присоединения немецкими оккупантами к Болгарии Эгейской Фракии и Македонии¹⁵⁵. И вот уже на протяжении шести лет эта идея для Стефана оставалась главной целью, осуществить которую должны были, по его мнению, советское правительство и Русская Церковь.

Весной 1948 года, уже повторно, от имени Патриарха Московского Алексия были разосланы приглашения всем Поместным Церквам на Всеправославное совещание, которое должно было состояться в июле того же года в Москве. В связи с этим болгарское руководство подготавливало Стефана к пронизанному прорусскими идеями выступлению на совещании. Но когда в Совете по делам РПЦ появилась информация о двойной политике митрополита Стефана, советское

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 278.

¹⁵⁵ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 175.

руководство довело свои соображения о деятельности экзарха до сведения председателя Совета министров Болгарии Георгия Димитрова. Последний в разговоре с поверенным в делах СССР в Болгарии Климентом Левычкиным заявил, что он укажет Стефану на нежелательность его выступления на совещании против Московской Патриархии и в защиту экуменического движения. Также Димитров пообещал акцентировать внимание на том, что «возведение его в патриархи будет решаться в зависимости от поведения на московском совещании и той позиции, которую Церковь будет занимать в жизни новой Болгарии»¹⁵⁶.

22 мая 1948 года состоялась беседа председателя Совета министров Болгарии Георгия Димитрова и заместителя председателя Совета министров, министра иностранных дел Болгарии Василия Коларова с экзархом Стефаном по поводу предстоящей поездки и составе делегации на Московское совещание. В результате была достигнута договоренность о поддержании болгарской делегацией курса, выбранного Московской Патриархией. Определили и состав делегации: из него были исключены протопресвитеры Георгий Шавельский и Стефан Цанков, то есть лица, враждебно настроенные по отношению к Русской Церкви и Советскому Союзу. На такое решение митрополит Стефан поначалу не соглашался, потому что состав делегации был ранее утвержден Синодом, но когда Димитров пообещал помочь восстановить патриаршество и сделать Стефана Патриархом, последний пошел на компромисс. Такое заманчивое предложение со стороны государственной власти заставило также митрополита Стефана пересмотреть свои взгляды на экуменическое движение. Он дал слово, что на совещании будет «поддержка антиэкуменической позиции Русской Церкви и уклонение Болгарской Церкви от принятия приглашения на конгрессы экуменистов в Лондоне и Амстердаме»¹⁵⁷. Одновременно экзарх выразил намерение разослать письма в центры экуменического движения (Лондон, Амстердам, Роттердам, Женеву и др.) с заявлением, что «Болгарская Церковь не

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 111.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 115.

может поддерживать связь с экуменизмом как движением, не отвечающим ее интересам»¹⁵⁸. После этой встречи митрополит Стефан говорил, что «его беседа с Димитровым может считаться датой нового этапа в его жизни»¹⁵⁹.

1 июня 1948 года состоялось заседание Синода Болгарской Православной Церкви, на котором митрополит Стефан информировал его членов о результатах беседы с премьер-министром Георгием Димитровым и министром иностранных дел Болгарии Василием Коларовым. Экзарх сообщил, что правительство рекомендовало прекратить отношения Болгарской Церкви с экуменическим движением. Члены Синода неожиданно отреагировали положительно на такое требование властей. В частности, Неврокопский митрополит Борис в своем выступлении высказал мысль, что этот вопрос давно нужно было решить однозначно – «порвать с экуменизмом и осудить его»¹⁶⁰. Предложение Бориса поддержали все митрополиты, находившиеся на заседании. По результатам заседания Синод принял решение о разрыве всех отношений Болгарской Церкви с экуменическим движением, а также окончательно утвердил церковную делегацию на Московское совещание. Делегацию составили: глава делегации – экзарх Стефан, митрополит Софийский, Пловдивский митрополит Кирилл, Сливенский митрополит Никодим, настоятель русского подворья в Софии архимандрит Мефодий, протоиерей Всеволод Шпиллер и священник Климент Димитров. Неврокопский митрополит Борис по состоянию здоровья отказался войти в состав делегации. Немного позже, в середине июня, в состав делегации был дополнительно включен келейник митрополита Стефана Василий Шоков.

Казалось бы, Синод утвердил курс Болгарской Церкви в отношении экуменического движения и работы делегации на Московском совещании. Сбоев в «единомыслии» церковной делегации после принятых на Синоде решений никто не ждал. Но спустя несколько дней после заседания Синода митрополита Стефана посетили удаленные члены делегации – протопресвитеры Стефан Цанков и Георгий Шавельский. Они убеждали экзарха уклониться от поездки в Москву

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 115.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 113.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 117.

под видом болезни. Шавельский доказывал несостоятельность расчетов экзарха в получении патриаршества. По его мнению, «Московская патриархия ему не доверяет, а поездка в Москву подорвет его авторитет и среди экуменистов»¹⁶¹. Цанков же, убеждая митрополита, сообщал, что англо-американцы сильно недовольны решением Синода и составом болгарской делегации на Московское совещание. В связи с этим экуменический совет с целью сорвать поездку Стефана в Москву отпустил Болгарской Церкви 6 000 долларов (2 400 000 левов). Стефан, в свою очередь, сообщил им, что рассчитывает получить от Московского Патриарха 250 000 долларов (100 000 000 левов) на нужды Церкви. И все же Стефан колебался в принятом на Синоде решении касательно позиции Болгарской Церкви по отношению к экуменическому движению. В скором времени он заявил архиереям, что по состоянию своего здоровья не сможет вылететь самолетом в Москву и вынужден будет ехать поездом в сопровождении врача. Владыка умышленно тянул время, чтобы «создать возможность для отхода от договорённостей с Г. Димитровым и В. Коларовым»¹⁶². При этом Стефан понимал, что вести двойную игру долго не получится, когда-то нужно будет определиться, с кем ему быть – с экуменистами или с русским Патриархом. Привлекательность сана Патриарха победила, и владыка, оценив внутривосполитическую напряженность в Болгарской Церкви, решил придерживаться своего обещания Г. Димитрову.

Экзарх написал письмо Патриарху Алексию с просьбой прислать за болгарской делегацией самолет для бесплатного проезда до Москвы. По предложению Московского Патриарха самолет, предназначенный для делегаций Антиохийской и Румынской Церквей, должен был приземлиться в Софии, забрать болгарскую делегацию и доставить всех вместе в Москву. Такая логистика главу болгарской делегации устроила.

8 июля 1948 года молебном в кафедральном Богоявленском Елоховском соборе открылись юбилейные торжества по случаю 500-летия автокефалии

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 125.

¹⁶² Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 165.

Русской Православной Церкви. В 17 часов этого же дня в храме Воскресения Словущего в Сокольниках началось первое заседание глав и представителей Автокефальных Православных Церквей¹⁶³.

Начало Всеправославного совещания принесло новые неожиданности. Еще до начала заседаний митрополит Стефан поделился с митрополитом Николаем (Ярушевичем) своим намерением «выступить на предстоящем совещании в пользу экуменического движения»¹⁶⁴. Колеблющаяся позиция экзарха заставила правительство СССР сообщить о его намерении руководству Отечественного фронта. В связи с этим Василий Коларов прислал две телеграммы на имя Стефана: в первой он сообщил Софийскому митрополиту, что вопрос о патриаршестве пока не следует поднимать на совещании, а во второй рекомендовал принимать участие в совещании согласно линии Московской Патриархии. Так болгарское правительство снова напомнило Стефану о его роли в работе Всеправославного совещания. И экзарх быстро воспринял доводы правительства: «Раскайвшись перед патриархом Алексием в своем первоначальном намерении активно защищать участие православных Церквей в экуменическом движении, Стефан заверил в своем твердом намерении поддерживать Московскую патриархию по всем вопросам повестки дня»¹⁶⁵.

На заседании 10 июля Стефан сдержал свое слово. Он действительно изменил свою позицию по отношению к экуменическому движению и выступил с докладом, в котором от своего имени и от имени Болгарской Церкви осудил это движение: «Болгарская Православная Церковь да воздержится от дальнейшего участия в экуменическом движении до тех пор, пока не будет создано твердое и ясное убеждение, что оно чуждо политическим инициативам и свободно от всяких внешних влияний»¹⁶⁶. Более того, он отметил, что Синод Болгарской Церкви принял решение не посылать делегатов на предстоящую конференцию экуменического движения в Амстердаме.

¹⁶³ Русская Православная Церковь и советское руководство в результате происходящих на международной арене процессов пришли к выводу, что проводить Всеправославное совещание целесообразнее под приемлемым для всех предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 48.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 177.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 49.

Сделав такое заявление, Стефан посчитал, что выполнил свое обещание Г. Димитрову и Патриарху Алексию, и направил свои усилия на подписание главами Церквей, участвовавших в работе совещания, декларации о необходимости установления патриаршества в Болгарской Церкви. О действиях Стефана в Москве периодически докладывалось руководству Отечественного фронта, и такая политика Стефана болгарским властям не понравилась. Через Болгарское посольство в Москве экзарху указали, что «вопрос о патриаршестве поднимать преждевременно, так как этот вопрос не подготовлен как в Синоде, так и в правительстве»¹⁶⁷.

Во время пребывания в Москве на совещании у митрополита Стефана была возможность приватно общаться со всеми главами и представителями Поместных Церквей. Как видно из документов, в этих беседах экзарх вел себя лукаво. Например, общаясь с митрополитом Германом, представителем Константинопольского Патриарха, болгарский митрополит заявил: «Мы здесь в полном плену здешнего правительства, как и там, в Болгарии. Смотрите, здешнее правительство надавило на наше, и Коларов прислал телеграмму, что еще рано думать о моем патриаршестве»¹⁶⁸. В беседах с московским духовенством митрополит высказывал недовольство ограничениями, которые он встречает в Болгарии. Больше всего он возмущался политикой директора вероисповеданий МИД Болгарии Д. Илиева, который бестактно вел себя по отношению к Синоду и всему болгарскому духовенству. А в беседе с митрополитом Николаем экзарх жаловался: «Меня иногда упрекают в двойственности, будто я оглядываюсь на Запад. Нет! Но поскольку моя страна хочет хороших отношений и с англо-американцами, я не могу закрыть двери для тех представителей этого мира, которые хотят меня навестить или пишут мне дружеские письма»¹⁶⁹. Такое заявление Стефана Г. Г. Карпов охарактеризовал как «двурушничество и желание сохранить себе лазейки к екуменистам»¹⁷⁰.

¹⁶⁷ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 225. Л. 5.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 178.

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 179.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 179.

В беседе с Патриархом Алексием о возведении Болгарской Церкви в патриаршее достоинство Стефан услышал не совсем выгодную для себя точку зрения. Позиция предстоятеля Русской Церкви была однозначна: этот вопрос нужно решать болгарскому Синоду и болгарскому правительству самостоятельно. А относительно того, кому следует возглавить интронизацию болгарского Патриарха, Святейший Алексей предложил свою кандидатуру, если есть на то желание Стефана.

Позиция Патриарха Алексия для Стефана была неприемлема. Он выполнил все условия правительства, но видимый результат не был достигнут. И чтобы вернуться в Болгарию с хорошими новостями, ему пришлось пойти на обман. Членам делегации, в частности, митрополитам Кириллу и Никодиму, он сообщил, что якобы «патриарх и советское правительство требуют, чтобы он, Стефан, был избран патриархом и что патриарх Алексей сожалеет, что московское совещание не приняло решения всех глав Церквей о патриаршестве в Болгарии»¹⁷¹. Зная «дипломатичность» экзарха, члены делегации не приняли эту информацию всерьез, ведь вопрос о патриаршестве Стефана вообще не поднимался на совещании, но все же обратились к Патриарху Алексию за разъяснением сложившейся ситуации вокруг «патриаршества Стефана», на что и получили соответствующий ответ.

Осознавая безысходность положения, Стефан на приеме в Совете по делам Русской Православной Церкви пожаловался Г. Г. Карпову на сложные взаимоотношения Церкви и государства в Болгарии: «В Болгарии нет правильных взаимоотношений между Церковью и государством. Церковь лишена какой-либо самостоятельности и полностью подчинена Департаменту по делам вероисповеданий»¹⁷². Прежде всего, он выразил осуждение политики Д. Илиева, подтверждая свои слова конкретными примерами неправильных его действий. В связи с этим экзарх настойчиво просил Совет сделать все возможное для установления в Болгарии того же порядка во взаимоотношениях между Церковью

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 183.

¹⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 57.

и государством, какой существует в Советском Союзе. В завершение беседы Стефан обратился с просьбой к Г. Г. Карпову помочь Болгарской Церкви получить 150 тонн воска для изготовления свечей.

Негативное высказывание Стефана в адрес правительства Отечественного фронта объяснялось, конечно же, его обидой на болгарское руководство. Все усилия, предпринятые им по восстановлению патриаршества в Болгарии, не имели успеха, хотя условия, поставленные болгарским руководством, были выполнены. Поездка на Всеправославное совещание в Москву лично для Стефана не принесла никаких результатов.

Если же говорить о результатах совещания для Болгарской Церкви в целом, то они были весьма серьезны. В первую очередь, Болгарская Церковь поменяла свой внешнеполитический курс. До поездки в Москву Стефан и Синод ориентировались на Запад и сохраняли тесную связь с экуменическим движением. По возвращении же делегации Болгарской Церкви в Софию эти отношения были приостановлены, что можно считать несомненным успехом политики Русской Православной Церкви и руководства двух стран – СССР и Болгарии. Положительным итогом совещания для Болгарской Церкви также можно считать открытие в Москве храма-подворья на Таганке, которое стало представительством главы Болгарской Церкви при Патриархе Московском. Впоследствии Г. Г. Карпов, говоря о значении церковного болгарского представительства в Москве, отмечал: «Открытием этого подворья имелось ввиду закрепить связи между Русской и Болгарской православными церквями, а главное оторвать б. экзарха Стефана от экуменистов. Цель эта была в известной мере достигнута, Стефан, как видно из материалов совещания 1948 г., был его активным участником»¹⁷³.

По возвращении в Софию митрополит Стефан столкнулся с негативным настроением членов Синода по отношению к нему и проводимой им политике. Еще во время пребывания экзарха в Москве началась полемика между архиереями БПЦ и комитетом Национального совета по вопросу неучастия священников в

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 8.

работе Отечественного фронта и в органах народной власти, а также по некоторым другим вопросам, касающимся умаления значения Церкви в жизни страны. Синод Болгарской Церкви определил для себя бескомпромиссную позицию по этим вопросам и принял решение заявить комитету «о неприемлемости для Церкви некоторых пунктов декларации, в частности об участии священников в политических и общественных организациях»¹⁷⁴.

9 июля 1948 года малому составу (постоянные члены) Синода Болгарской Церкви удалось встретиться с директором вероисповеданий Д. Илиевым, который в числе текущих вопросов поднял тему восстановления патриаршества в Болгарии. Ф. В. Суханов так описывает происходившее на встрече: «Все присутствовавшие митрополиты в один голос говорили о своем нежелании интронизации экзарха Стефана в патриархи и необходимости ограничения прав экзарха»¹⁷⁵. Из этого видно, что позиция Синода подрывала авторитет главы Болгарской Церкви, к которому правительство Отечественного фронта и так относилось с недоверием.

Некоторыми членами болгарской делегации, участвовавшей в Московском совещании, была составлена докладная записка, которая усугубила положение экзарха. По мнению Суханова, «фактически это был донос на экзарха Стефана, он был представлен митрополитами как один из наиболее опасных врагов демократической Болгарии и ее народа»¹⁷⁶. Сложившаяся ситуация вынудила экзарха встретиться с министром иностранных дел В. Коларовым. На этой встрече 30 августа 1948 года экзарх поднял несколько вопросов, которые касались как церковной деятельности, так и его личной жизни. В первую очередь, глава Церкви попросил себе заграничный отпуск для лечения. Также он поинтересовался рассмотрением правительством вопроса восстановления патриаршества в Болгарии, на что Коларов дал понять, что поднятые экзархом проблемы «он связывает с несколькими другими вопросами»¹⁷⁷. Министр, по сути, выдвинул несколько условий. Во-первых, Синод должен был пересмотреть свою позицию в

¹⁷⁴ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг). С. 192.

¹⁷⁵ Там же, с. 193.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 8.

отношении декларации Национального комитета о положении Церкви в государстве после ее отделения и о функциях церковной власти. Здесь Коларов имел в виду вышеупомянутое письмо малого состава Синода, в котором архиереи категорично высказались в отношении «участия священников в политических и общественных организациях и о религиозном воспитании детей»¹⁷⁸. Во-вторых, Синоду необходимо было пересмотреть отданные ранее распоряжения по митрополиям и разрешить священникам участвовать в организациях Отечественного фронта. В-третьих, правительство желало, чтобы ему были переданы здания семинарии в Софии, а студенты были бы переведены в провинцию. Экзарх пообещал министру, что созывает заседание Синода, а также выразил надежду, что архиереи примут нужные правительству решения.

Условия правительства были в действительности невыполнимы. Таким образом, Стефан был поставлен между двух огней: с одной стороны – постоянные члены Синода, с другой – правительство Отечественного фронта, которое решило устранить экзарха руками болгарского епископата.

1 сентября состоялось заседание малого состава Синода, на котором экзарх доложил о требованиях правительства, выражая вместе с тем свое огорчение, что «Коларов с ним был очень сух и груб»¹⁷⁹. 2 сентября этот же состав Синода, за исключением Врачанского митрополита Паисия, нанес визит В. Коларову, и между ними состоялся напряженный разговор. Члены Синода подтвердили свою позицию о невозможности изменить своему решению по вопросу декларации Национального комитета. Относительно передачи здания семинарии в ведомство правительства они были в полном неведении и сообщили, что экзарх Синоду об этом ничего не докладывал: «Если же экзарх дал какое-либо обещание правительству, то это Синод ни к чему не обязывает»¹⁸⁰. Такое поведение митрополитов поставило экзарха в еще более затруднительное положение. Стало очевидно, что митрополит Стефан больше не имеет никакого влияния на епископат. Более того, малый состав Синода заявил, что поднятые вопросы и

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 8.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 8.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 9.

возникшие недоразумения могут быть разрешены только на заседании полного состава Синода, поэтому на встрече компромиссное решение не было достигнуто.

4 сентября собралась чрезвычайная сессия полного состава Синода. На заседании архиереи высказали мнение, что они не готовы идти на уступки государственным властям и не хотят пересматривать ранее высказанную позицию по поводу декларации Национального комитета, а также не собираются идти на компромисс с передачей здания семинарии. Но они понимали, что конфликтовать с властями – значит проиграть дело. Поэтому члены Синода предложили искать другие пути и площадки для переговоров с государством. Стефан, сочувствуя позиции членов Синода, все же дал понять, что не хочет принимать участия в решении этого вопроса, так как «он очень спешит за границу на лечение, а обсуждаемые вопросы требуют обстоятельного решения»¹⁸¹.

Уклончивая позиция Стефана объясняется его попытками лавирования между Синодом и правительством. С одной стороны, он хотел показать свою лояльность к принимаемым государством мерам, с другой, не намерен был идти против архиереев и продвигать идеи правительства, возлагая на себя всю ответственность за принятые решения. В связи с двойственной и нерешительной позицией экзарха было назначено еще одно заседание Синода на 6 сентября.

Это заседание Синода для Стефана оказалось роковым. Экзарх, рассчитывая снизить напряжение среди епископата, начал повестку дня с незначительных текущих вопросов церковной жизни Болгарской Церкви за границей. В качестве первоочередных вопросов заседания Стефан предложил доклад представителя Болгарской Церкви в Стамбуле архимандрита Горазда о его приходских проблемах и перемещение епископа Величского Андрея (Петкова) из США в Турцию. Митрополит Паисий выступил с резкой критикой несоответствующей повестки дня и обвинил председателя Синода в превышении полномочий. В результате инцидента экзарх в резкой форме заставил Врачанского митрополита Паисия удалиться с заседания.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 9.

В сложившейся ситуации митрополиты полностью поддержали удалившегося архиерея. Поведение участников Синода для Стефана стало неожиданностью. Экзарх в ответ заявил, что «отказывается быть председателем Синода и предстоятелем Болгарской Церкви и что “подает свою отставку”, о чем сейчас же известит правительство»¹⁸². После сделанного заявления Стефан покинул синодальную палату. Полномочия председателя-местоблюстителя взял на себя Доростольский митрополит Михаил, старейший на тот момент архиерей Болгарской Церкви. Случившийся инцидент митрополиты поспешили закрепить протоколом, в котором зафиксировали и заявление экзарха об отставке. Этот документ Синод направил директору вероисповеданий Д. Илиеву, который также одобрил отставку митрополита Стефана.

На следующий день после случившегося Стефан встретился с министром иностранных дел В. Коларовым. В беседе с экзархом министр высказал свое видение ситуации. Из его слов было понятно, что Церкви необходимо выходить на новый уровень в своей внутренней политике. По мнению министра, назрела «необходимость созыва церковно-народного собора, который изберет Высший церковный совет из священников и прихожан, придаст его экзарху, и последний будет управлять Церковью без Синода»¹⁸³. Причем Коларов заверил Стефана, что в отставку его никто не отправит, но от управления Синодом отстранят. Такая политика двойных стандартов, проводимая в отношении Церкви, стала следствием желания государства ослабить влияние иерархов и подчинить их светской власти. Но и экзарх, и Синод понимали, что «созыв собора правительством и коренные перемены в управлении Церковью могут вызвать среди верующего народа в существующей политической обстановке различные волнения и разделения»¹⁸⁴. Сложившаяся ситуация была выгодна и необходима для государства.

8 сентября вновь состоялось заседание Синода полным составом. На нем был принят документ об отставке митрополита Стефана с поста экзарха

¹⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 10.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 11.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 13.

Болгарской Церкви и отстранении от руководства Софийской митрополией. Также решением Синода бывшему экзарху Стефану была назначена персональная пенсия – 25 000 левов в месяц, а местом пребывания – село Карловские Бани Пловдивской области, без права передвижения по Болгарии. Временно председателем Синода и управляющим Софийской митрополией был избран митрополит Михаил. 10 сентября 1948 года политбюро Рабочей партии коммунистов одобрило все решения Синода.

В связи с таким поворотом событий митрополит Стефан решил искать поддержку среди своих собратьев-предстоятелей. В частности, он обратился за помощью к Патриарху Алексию, который, по его мнению, «как предстоятель самой великой православной Церкви и покровитель славянских православных Церквей» должен был «вступить в свои священные права расследователя этого дела и верховного арбитра по спору нашему со Св. Синодом Болгарской Церкви»¹⁸⁵. Московский Патриарх понимал, что в сложившихся обстоятельствах защитить митрополита он не сможет, так как и Синод Болгарской Церкви, и руководство страны, и правительство СССР тверды в своих решениях. Поэтому он отправил лишь соболезнование митрополиту Стефану, которое, естественно, не подразумевало никаких обещаний и надежды на помощь.

Поддерживать же отношения с Болгарской Церковью Патриарху Алексию было необходимо, поэтому он написал письмо на имя наместника-председателя Синода Доростолького митрополита Михаила с сожалением об уходе от церковных дел митрополита Стефана и с пожеланием «помощи Божией и плодотворной работы во благо святой Церкви и православного верующего народа братской Болгарии»¹⁸⁶. Как видно из вышесказанного, Русская Православная Церковь в этом инциденте заняла позицию наблюдателя, поскольку не желала конфронтации с советским правительством, заинтересованным в отставке Стефана с поста предстоятеля Болгарской Церкви.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 71.

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 72.

Так завершился еще один этап в жизни Болгарской Церкви. Его итогом стало осознание Церковью и государством необходимости строить взаимоотношения на новой площадке, которая будет способствовать развитию церковно-государственного диалога по всем соприкасающимся вопросам. Эти новые церковно-государственные взаимоотношения предполагали кадровые перестановки не только в Болгарской Церкви, но и в государстве.

Инициатором перехода на новый уровень церковно-государственных отношений в Болгарии выступал Советский Союз. Г. Г. Карпов в письме заместителю министра иностранных дел В. А. Зорину сообщал, что новый законопроект, написанный директором вероисповеданий Болгарии Д. Илиевым, предполагает отделение Церкви от государства, как это было в СССР. Но, по мнению Карпова, текст данного законопроекта «сквозит большим старанием Илиева об обеспечении ему возможности вмешательства во внутрицерковные дела, чем заботе о создании нормальных взаимоотношений между Церковью и государством»¹⁸⁷. Карпов акцентировал внимание на том, что принятие законопроекта в существующем виде не в интересах болгарского правительства, так как он может вызвать недовольство со стороны духовенства и верующих. Всесторонне рассмотрев ситуацию, председатель Совета по делам Русской Православной Церкви сделал вывод, что «дальнейшее оставление Илиева во главе отдела вероисповеданий чревато для болгарского правительства неожиданностями и неприятностями»¹⁸⁸. В другом письме Г. Г. Карпов сообщает, что Д. Илиев ведет себя недипломатично в отношении болгарских митрополитов. Благодаря его неразумной открытости, «всем архиереям стало известно, что вопрос об отставке Стефана согласован с Москвой»¹⁸⁹.

Подтверждение некомпетентности директора вероисповеданий Д. Илиева в церковных делах можно извлечь из беседы последнего с протопресвитером Всеволодом Шпиллером. Тема беседы касалась внутренней жизни Болгарской Церкви, особенно последних событий, связанных с отставкой Стефана. Илиев

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 86.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 86.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 115.

представил себя ключевой фигурой в вопросе, связанном с отстранением экзарха. Его тщеславие перешло все границы. По свидетельству протопресвитера, Илиев твердо заявил: «Я решил заняться сближением Русской и Болгарской Церквей. Этому очень мешал наш общий враг № 1 – Стефан. Я освободил от него Болгарскую Церковь, и теперь осуществлено это сближение»¹⁹⁰. В разговоре директор вероисповеданий подробно рассказал о процессе ослабления авторитета Стефана в Синоде, а также указал на тех митрополитов, которые способствовали ему в отстранении экзарха. По его словам, решающий момент в этом деле пришелся на 8 сентября. Перед заседанием Синода ему якобы позвонил митрополит Паисий, главный противник митрополита Стефана, и сообщил: «Ваше поручение, Ваше задание выполнил – гарантирую Вам поддержку всех архиереев без исключения; держу их всех в руках и обещаю полный успех, т. е. отставку экзарха, как Вы хотите, примут без разговоров и сейчас же с ним покончим раз навсегда»¹⁹¹. Вся беседа Шпиллера и Илиева была пронизана такими громкими заявлениями представителя власти о его полном контроле жизни Болгарской Церкви.

Вызывающее поведение директора вероисповеданий, конечно же, не могло устраивать ни руководство Болгарии, ни советское правительство. Однако оно нашло симпатию со стороны членов Синода, потому что, отмечает протопресвитер В. Шпиллер, «в их интересах переложить ответственность за все на всякий случай на министерство и, кроме того, постараться сделать в обществе верующих впечатление вмешательства в церковные дела со стороны правительства и даже, если можно, насилия над ними правительства»¹⁹². Но в начале 1949 года в связи с многочисленными просчетами в работе на посту директора вероисповеданий Д. Илиев был снят с должности, а на его место был поставлен более опытный чиновник Павел Тагаров.

Вскоре после смены руководящих кадров в Болгарской Церкви и Дирекции вероисповеданий Великим народным собранием 24 февраля 1949 года был принят

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 162.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 163.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 162.

закон о вероисповеданиях. Одна из статей этого закона предписывала Болгарской Церкви выработать новый устав. После принятия закона митрополиты начали работу по созданию нового устава.

После своего назначения новый директор вероисповеданий П. Тагаров встретился с членами обновленного малого состава Синода. Следует отметить, что 4 января 1949 года состоялось заседание Синода Болгарской Церкви, на котором был избран наместник-председатель Синода Врачанский митрополит Паисий и несколько постоянных членов: митрополиты Варненский Иосиф, Пловдивский Кирилл и Тырновский Софроний¹⁹³. В разговоре с архиереями Тагаров потребовал от Синода согласованных действий во всех принимаемых решениях. Более того, он открыто предложил отстранить от службы неугодных правительству Отечественного фронта священников и некоторых светских лиц. Также «Синод должен был заниматься разработкой нового устава»¹⁹⁴ под контролем дирекции вероисповеданий.

Произошедшие таким образом изменения в системе административного аппарата Болгарской Церкви значительно улучшили работу членов Синода. В сентябре 1949 года на тайном заседании малого состава Синода в Бачковском монастыре митрополит Паисий отозвался о них так: «Церковь сумела объединить значительные массы “явных противников безбожья”, в руководстве Церкви почти исчезли раздоры между митрополитами, что является главным достижением “в борьбе с безбожием”»¹⁹⁵. В церковно-государственных же отношениях светская власть все больше усиливала контроль над архиереями, от которых зависели принимаемые Синодом решения. Но, несмотря на такое давление, Церковь устояла и не стала исполнительным религиозным органом правительства Отечественного фронта. Следует отметить, что такое положение Церкви – заслуга не только сплоченности членов Синода, но и продуктивной работы директора вероисповеданий Павла Тагарова.

¹⁹³ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 264. Л. 2.

¹⁹⁴ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 207.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 189.

Болгарские документы подтверждают улучшение церковно-государственных отношений после смены директора вероисповеданий. Ярким примером может послужить то, как дирекция вероисповеданий вмешивалась в кадровую политику Синода и Софийской митрополии и добивалась назначения более лояльных к правительству сотрудников. В письме П. Тагарова председателю Совета министров Болгарии В. Червенкову говорится, что необходимо снять с должности несколько лиц и назначить новых, на которых «можно будет рассчитывать в сотрудничестве между государством и церковью»¹⁹⁶. В частности, Тагаров предлагал убрать главного секретаря Синода архимандрита Симеона «как врага народа» и назначить на эту должность директора гимназии Богомила Босева. Как опытный политик и дипломат, Тагаров предусмотрел возможность того, что Синод может не согласиться с этой кандидатурой, поэтому в письме к Червенкову он назвал еще одно лицо на эту должность: «Если Синод не даст своего согласия, тогда предложим, чтобы назначили главным секретарем синода священника Ивана Караджова, преданного члена Болгарской коммунистической партии»¹⁹⁷.

Таким образом, благодаря дипломатическим способностям и здравому смыслу директора вероисповеданий Павла Тагарова церковно-административный аппарат в Болгарии получил возможность принимать решения не в результате безапелляционных указаний светской власти, а путем совместного компромисса.

Подводя итог, нужно признать, что Московское совещание в значительной мере повлияло на отход Болгарской Церкви от экуменического движения и осознание ею, что Церковь принципиально не может сотрудничать с экуменистами. Ф. В. Суханов, давая оценку результативности участия митрополита Стефана в совещании, считает, что оно привело к обнажению подлинных проблем церковно-государственных и внутрицерковных отношений в Болгарии. «События, сопровождавшие подготовку и проведение совещания, выявили истинное отношение руководства БПЦ к правительству ОФ, в частности,

¹⁹⁶ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 316 а. Л. 4.

¹⁹⁷ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 316 а. Л. 4.

экзарха Стефана. Стало очевидно, что сотрудничество экзарха с правительством ОФ носит нестабильный характер»¹⁹⁸. Поэтому только после отстранения митрополита Стефана и директора вероисповеданий Д. Илиева с занимаемых постов в церковно-государственные отношения стали вноситься некоторые полезные корректировки. Они стали возможны также и вследствие нормализации отношений внутри Синода. Сплоченность митрополитов, пусть и на непродолжительное время, но способствовала созданию конструктивных и расчетливых действий в церковно-государственных отношениях.

М. В. Шкаровский отмечает, что с отстранением экзарха Стефана «началась новая кампания давления на Церковь»¹⁹⁹. Действительно, осенью 1948 года на заседании Синода был принят ряд постановлений, которые ограничивали деятельность Церкви. В частности, Синод отменил запрет на отпевание верующих, заключивших только государственный брак, также он отказался от религиозного обучения детей, отдав это право государству, а духовенству было разрешено участвовать в работе Отечественного фронта.

Тенденция ущемления прав Церкви после Московского совещания распространилась не только в Болгарии, но и в других странах Восточной Европы. Причиной такой политики, по мнению большинства российских исследователей, стало разочарование «И. В. Сталина в Церкви как рычаге дипломатической работы»²⁰⁰. А модель церковно-государственных отношений в Советском Союзе автоматически проецировалась на демократические страны. И если бы Церковь в конце 1940-х гг. жестко отстаивала свои права, которыми она негласно обладала с 1943 года в контексте политики «нового курса», последствия могли быть необратимы.

В сложившихся условиях Болгарская Церковь пошла на компромисс, который не только не превратил ее в «подручный» инструмент государственной машины, но и дал впоследствии колоссальный результат – восстановление патриаршества.

¹⁹⁸ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 174.

¹⁹⁹ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 174.

²⁰⁰ Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е - 1950-е годы. С. 194.

1.3. Противостояние Синода и Союза священников как этап истории Болгарской Церкви

Рассмотренные выше события послужили, безусловно, на благо Болгарской Церкви, оставшейся в лоне Поместных Православных Церквей и не примкнувшей к движению экуменизма. Однако церковные власти ждали новые трудности на пути к внутрицерковному единству и становлению болгарского патриаршества. После Московского совещания и смены руководства в Болгарской Церкви активизировал свою работу Священнический союз. Он был образован еще в 1944 году правительством Отечественного фронта с целью реформирования и обновления Церкви, т. е. эта организация была для правительства инструментом воздействия на Болгарскую Церковь. Союз объединял около 2500 священников, решивших «защитить свои профессиональные интересы перед гражданскими и церковными властями»²⁰¹.

18–20 октября 1949 года состоялся 31-й конгресс Союза священников, на котором был рассмотрен ряд внутрицерковных и церковно-государственных проблем. На конгрессе Священнический союз выразил несогласие с каноническими правилами, которых твердо придерживалась Болгарская Церковь. В частности, были подняты вопросы о второбрачии священников, введении женатого епископата и ношении гражданской одежды священниками во внеслужебное время. По мнению Дирекции вероисповеданий, эти вопросы были выдвинуты митрополитом Паисием с целью «показа общественному мнению готовящихся реформ в Болгарской Церкви и чтобы вызвать реакцию неодобрения со стороны Вселенского патриарха»²⁰².

При обсуждении этих вопросов отношения Синода и Союза священников достигли предельного напряжения, которое подкреплялось еще и тем, что «Священнический союз был уверен, что обладает поддержкой важных общественно-политических кругов»²⁰³. В частности, духовенство делало ставку на Национальный совет Отечественного фронта, который должен был им помочь

²⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 842. Л. 2–11.

²⁰² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 190.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 191.

разделить с епископатом власть в Церкви и реформировать церковное устройство²⁰⁴.

В принятых конгрессом резолюциях раскрывается вся суть этого движения. В некоторых пунктах священники решительно выступили против всяких проявлений «автократизма и деспотизма» в Церкви. Они заявили, что Высший церковный и епархиальный советы должны быть полновластными, и никакие архиерейские указы не должны ограничивать принимаемые решения. Как уже было отмечено выше, Союз священников обратился с требованием к Синоду разрешить духовенству вступать во второй брак, не носить рясы вне богослужения и совместно пересмотреть проект нового экзархийского устава.

Протоиерей В. Шпиллер так писал про эти события: «Этот конгресс имеет крайне важное значение в жизни Болгарской Церкви, так как он положил начало раскола между Синодом и священниками, организованными в Союз священников, обострив до крайности борьбу между этими церковными институтами»²⁰⁵.

Осознавая всю серьезность надвигающейся на руководство Синода угрозы, чреватой лишением многих привилегий, митрополиты решили искать поддержки со стороны Московской Патриархии. Они считали, что Московская Патриархия должна выступить за сохранение канонического порядка в Болгарской Церкви, если он вдруг подвергнется опасности реформы или ниспровержения. Однако Патриарх Алексей на данном этапе предпочел не вмешиваться во внутреннюю жизнь Болгарской Церкви. При этом митрополит Николай (Ярушевич) на приеме в Совете по делам Русской Православной Церкви 27 декабря 1949 года высказался по вопросу второбрачия священников: «Официально ни в какой Церкви оно не допущено и не может быть разрешено, так как это является нарушением канонов, изменение которых может быть сделано только Вселенским собором»²⁰⁶.

С усилением власти Священнического союза в Болгарской Церкви правительству Отечественного фронта было проще воздействовать на Синод. Г. Г. Карпов так оценивал работу этой организации: «После того как определится и

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 198.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 11.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 13.

окрепнет новое направление в деятельности Церкви в смысле установления нормальных отношений с правительством, Союз священников следует распустить, так как отпадет необходимость его существования»²⁰⁷. Понимая эту негласную позицию правительства, болгарские митрополиты, дабы лишить его возможности ослабить Церковь, договорились в дальнейшем во всех своих решениях выступать согласовано, не допуская никаких раздоров между собой.

Продолжая противостоять Союзу священников, епископат решил привлечь внимание к проблеме представителей ряда других Поместных Церквей. В частности, проамериканский Вселенский Патриарх Афинагор рассматривался Синодом Болгарской Церкви как реальный помощник в деле ослабления работы Союза священников. Архиепископ Серафим (Соболев), управляющий русскими патриаршими приходами в Болгарии, использовался Синодом в качестве грозного голоса Московской Патриархии в адрес демократически настроенных священников. Он даже написал статью без согласования с Патриархом Алексием и опубликовал ее в «Церковном вестнике». Архиепископ осуждал «неканонические притязания Союза священников на умаление власти Синода и на введение второбрачия, предостерегая от “живоцерковнических” ошибок и сползания в экуменизм»²⁰⁸. Такая поддержка архиепископа Серафима стала причиной оппозиционных настроений сторонников Союза священников в отношении Русской Православной Церкви. В ответ на эту статью болгарский священник Николай Загаров опубликовал в «Народном пастыре» статью, обличающую роль архиепископа Серафима, которого болгарский Синод использовал в своих целях.

Нарастающее напряжение между двумя направлениями в Болгарской Церкви вызвало негодование со стороны советского правительства. Москва понимала, что «эти оппозиционные настроения могут еще более усилиться после того как в силу канонических соображений Московская патриархия вынуждена будет поддержать Синод, отказывающий Союзу священников в разрешении

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 153.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 16.

второбрация»²⁰⁹. А если Московская Патриархия прямо выступит против Союза демократических священников, то в Болгарской Церкви произойдет раскол, который «нарушит единство Церквей, сложившееся в Москве в 1948 году»²¹⁰. Более того, Совет по делам РПЦ осознавал, что, призывая некоторые Поместные Церкви решать вопросы канонического порядка, Болгарская Церковь захочет снова вернуться в «экуменическое русло». Поэтому советским руководством было предложено болгарскому правительству несколько рекомендаций по нормализации сложившейся внутрицерковной ситуации. Перед правительством Болгарии, по сути, была поставлена задача ликвидировать назревающий раскол внутренними силами самой Болгарской Церкви.

Работа предстояла колоссальная. Во-первых, необходимо было постепенно отстранить и удалить наиболее реакционных митрополитов и епископов из состава Синода и епархий. Во-вторых, подготовить новых епископов из числа монашествующих и белого духовенства (вдовых священников), которые были бы лояльны к правительству Отечественного фронта. В-третьих, проконтролировать, чтобы Синод опубликовал официальную декларацию о лояльном отношении митрополитов к правительству Отечественного фронта и его политике. В-четвертых, решить вопрос о патриаршестве, подобрав соответствующего кандидата на этот пост, а Синод превратить в совещательный орган при Патриархе. И последнее, за деятельностью Союза священников необходимо было постоянно наблюдать и направлять ее в сторону укрепления нового государственного строя.

В конце 1949 года в СССР и странах народной демократии начала приобретать популярность идея борьбы за мир и движение сторонников мира. Это движение было поддержано в Болгарской Церкви как представителями Синода, так и Союзом демократических священников. Но именно священники особенно активно стали принимать участие во всех съездах и конференциях, посвященных борьбе за мир. Повышенный интерес Священнического союза к этому движению

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 18.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 18.

объясняется возможностью членов Союза полноправно выступать на международной арене, столь необходимой для его деятельности. Используя эти площадки, Союз священников укреплял свое влияние в стране, тем самым подрывая авторитет Синода Болгарской Церкви.

3 марта 1950 года Патриарх Алексей обратился к предстоятелям всех Православных Автокефальных Церквей с посланием в защиту мира. В послании Патриарх Московский призвал своих собратьев объединиться для совместных выступлений в поддержку этой идеи, для чего следовало организовать совещание представителей Поместных Церквей и выработать на нем соответствующую совместную программу. «Мы призываем вас, дорогие о Господе собратия и сопастыри, главы и предстоятели автокефальных православных Церквей, соединиться с нами, с нашей Русской Православной Церковью, в содружестве и сотрудничестве в деле мира во всем мире»²¹¹.

После обращения Патриарха Алексея Синод Болгарской Церкви «выразил полное согласие и готовность послать своих делегатов на мирную совещательную конференцию с участием представителей других православных Церквей»²¹². Также стали собираться конференции и на местах. Например, Пловдивский митрополит Кирилл созвал в своей епархии «мирную» конференцию. Его примеру последовали и другие митрополиты.

Следует отметить, что послание Патриарха Алексея не всеми членами Синода было встречено с одинаковым воодушевлением. С большим энтузиазмом восприняли призыв Московского Патриарха Пловдивский митрополит Кирилл, Сливенский Никодим, Ловчанский Филарет и Сталинский Иосиф. Вдохновившись идеей борьбы за мир, они также направили послания, аналогичные «московскому», своему духовенству.

Наиболее яркое послание принадлежит перу Пловдивского митрополита Кирилла. В воззвании митрополит акцентирует внимание на обращении к

²¹¹ *Алексий, Патриарх Московский. Послание Предстоятелям всех Православных Автокефальных Церквей // ЖМП. 1950. № 3. С. 5.*

²¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 83.

христианам всего мира представителей Православных Церквей, которые собирались на Всеправославное совещание в июле 1948 года в Москве. В этом обращении указывалось, что «мир переживает буреносное время между католическим и протестантским Западом и православным Востоком. Православный Восток воодушевляется великими началами мира на земле, в то время как капиталистический и империалистический Запад подготавливает новую войну»²¹³. Митрополит Кирилл резко высказался против угроз со стороны капиталистических стран, которые готовились к войне и составляли заговоры против «собственных их народов, потому что любая новая война представляла бы тяжелое испытание для всех народов»²¹⁴.

А вот позиция остальных митрополитов – Врачанского Паисия, Видинского Неофита, Старозагорского Климента, Русенского Михаила и Тырновского Софрония – была несколько скептической. Их доклады на конференциях «носили шаблонную форму и были проникнуты пацифизмом»²¹⁵. Как отмечает П. Тагаров, «их высказывания на конференциях были лишены какой бы то ни было активизирующей и мобилизующей духовенство и мирян силы в борьбе за мир»²¹⁶.

Союз священников отреагировал на воззвание с несравнимо большим энтузиазмом, чем епископат. Почти все епархиальные братства священнослужителей в стране созвали конференции, на которых были приняты резолюции, «выражающие твердую волю болгарского духовенства решительно бороться за защиту мира и против американо-английских поджигателей новой войны»²¹⁷.

В болгарских источниках сохранились телеграммы, которые были направлены от имени некоторых епархиальных архиереев и священников в адрес болгарских государственных руководителей, И. В. Сталина, Патриарха Алексия, а также таким организациям, как Секретариат ООН, Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира в Париже, и другим представителям

²¹³ Кирилл, митр. Пловдивский. Война и мир // ЖМП. 1950. № 5. С. 31.

²¹⁴ Там же, с. 30.

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 85.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 85.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 84.

международных сообществ. В телеграммах митрополиты и священники демонстрировали свое единство в вопросе защиты идеи мира во всем мире. В обращении к председателю Совета министров В. Червенкову от 30 мая 1950 года болгарские священники писали: «Пользуясь случаем, еще раз уверяем Вас, господин председатель Совета министров, что, слушая рекомендации Св. Синода Болгарской Церкви, мы стоим на здоровых народных позициях и будем по-прежнему продолжать содействовать в создании благополучия для нашего народа и народной республики Болгарии»²¹⁸. В другой телеграмме, уже в адрес И. В. Сталина, священники заверяли «вождя великого и непобедимого Советского союза и всего прогрессивного человечества», что у них «твердые намерения работать в защиту мира во всем мире против поджигателей новой войны и кровопролития»²¹⁹.

На конференциях в защиту мира члены Священнического союза в результате своих выступлений и заявлений приобрели большой авторитет и значимость. Поэтому помимо телеграмм, как уже было отмечено выше, итоги каждого такого мероприятия священники подкрепляли резолюциями миротворческого характера и направляли их в соответствующие инстанции. Например, священники Ямбольского района направили резолюцию прошедшей конференции также И. В. Сталину. Одним из пунктов этой резолюции было осуждение нападения американских военных на корейский народ: «Протестуя, мы присоединяем наши голоса к воззванию миллионов людей всего мира и поддерживаем героический корейский народ, который борется за свое объединение»²²⁰.

Подобного рода заявления играли роль своеобразной «саморекламы» Союза демократических священников на международной арене. Необходимость ее появилась к концу 1950 года, и связана она была, прежде всего, с недоверием подавляющего большинства населения к Священническому союзу и его реформаторским идеям. Союзу нужно было поднять авторитет и укрепить

²¹⁸ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 583. Л. 16.

²¹⁹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 583. Л. 16.

²²⁰ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 583. Л. 17.

позиции в обществе. Одним из важнейших шагов на этом пути было уменьшение агрессии со стороны священников по отношению к Синоду. В результате, несмотря на поддержку болгарским правительством демократических священников, напряженность между последними и Синодом стала уменьшаться. Изменения во взаимоотношениях объясняются еще и тем, что «правительство начинает понимать, что народ за ними не идет, и уже перестает их поддерживать так, как до сих пор»²²¹. Власти осознавали, что вводить обещанное демократическим священникам второбрачие в тот момент времени было опасно, поскольку это могло привести как к внутреннему расколу, так и к разрыву с другими Поместными Церквями.

В первой половине октября предполагалось созвать конгресс Священнического союза для обсуждения вопросов демократизации Болгарской Православной Церкви, но по рекомендации министерства иностранных дел Болгарии он был отложен на неопределенное время. Такая позиция министерства была связана с желанием правительства заняться прежде изменениями в руководстве Болгарской Церкви, а не каноническими вопросами, на которых настаивали священники.

Власти приняли решение заменить наместника-председателя Синода митрополита Паисия более лояльной к правительству кандидатурой. Принятое правительством решение было спровоцировано ригористической политикой митрополита Паисия к выбранному курсу государственных органов в отношении Церкви. Заместитель министра иностранных дел Болгарии Ж. Живков в беседе с сотрудником посольства СССР в Софии сообщил, что «Синод в нынешнем его составе, в особенности Паисий, нелояльно относится к правительству Болгарии. Паисий вручил заместителю председателя Совета министров Болгарии Поптому перечь «притеснений», которые якобы чинит болгарская милиция Церкви»²²². По словам чиновника, со стороны Церкви также началось давление на священников, лояльно настроенных к правительству: «Паисий заявил о своем

²²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 41.

²²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 37.

намерении лишить сана тех священников, которые являются членами БКП, например, председателя священнического союза Георгиева»²²³.

Сущность разногласий между правительством и Синодом заключалась в прямом вмешательстве дирекции вероисповеданий во внутренние дела Церкви. Руководитель Дирекции П. Тагаров считал, что разрабатываемый новый устав Болгарской Церкви должен предусматривать только «малый состав Синода из пяти членов, и при нем должен быть собор архиереев в качестве совещательного органа»²²⁴. Более того, Дирекция вероисповеданий подготовила доклад для Политбюро БКП о положении в Церкви, в котором в качестве рекомендации было предложено удалить из состава Синода трех митрополитов – Врачанского Паисия, Видинского Неофита и Русенского Михаила.

Дирекцией вероисповеданий на обсуждение также был вынесен вопрос о духовных семинариях и о церковном суде. В итоге было принято решение, что за церковью остается всего одна семинария с 200 учащимися. А в проект нового устава касательно церковного суда была внесена поправка: «Церковный суд не будет иметь права судить гражданских лиц, работающих в Церкви, как это имело место ранее»²²⁵.

Все вышеизложенное означало, что, несмотря на игнорирование политическими силами инициатив Священнического союза, административный аппарат Церкви оставался под серьезным давлением государства. Более того, это давление нарастало. Следствием сложившегося к концу 1950 года характера церковно-государственных отношений в Болгарии было смещение с поста председателя Синода митрополита Паисия. Смена руководства в Болгарской Церкви произошла одновременно с утверждением нового устава²²⁶.

Устав был принят синодом 3 января 1951 года, одновременно с избранием новым наместником-председателем митрополита Пловдивского Кирилла²²⁷. Помимо положительных пунктов нового устава, в частности, об избрании

²²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 37.

²²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 71.

²²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Л. 72.

²²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 39.

²²⁷ Косик В. И., Темелски Хр., Турилов А. А. Болгарская Православная Церковь // Православная Энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/149675.html>.

Патриарха, был утвержден и ряд постановлений, значительно ограничивавших Церковь в ее правах. По этому вопросу М. В. Шкаровский справедливо замечает: «Религиозные организации оказались изолированы от участия в общественной жизни, и в то же время были созданы условия для прямого вмешательства государственных органов во внутреннюю жизнь и деятельность православной Церкви, которая согласно уставу преобразовывалась в патриархат»²²⁸.

После избрания митрополита Кирилла председателем Синода весной 1951 года Патриарх Алексий направил ему приглашение приехать с мирным визитом в Россию. Помимо митрополита Кирилла в Москву были приглашены Патриархи Антиохийский Александр III, Румынский Юстиниан и Католикос-Патриарх Грузинской Православной Церкви Каллистрат²²⁹.

Следует обратить внимание на тот факт, что в ответном письме на приглашение Московского Патриарха митрополит Кирилл просил включить в состав делегации, помимо Стобийского епископа Пимена и архимандрита Ионы, полномочного министра и директора Департамента по делам вероисповеданий МИД Болгарии Павла Тагарова. Патриарх Алексий и Совет по делам Русской Православной Церкви не возражали против его присутствия, последний даже считал «желательным приезд Тагарова, учитывая наличие разрешения (постановление Совета министров СССР от 30.1 – 1950 г. за № 432-155сс) на отдельные встречи с лицами, ведающими церковными вопросами в странах народной демократии»²³⁰. Но в июле 1951 года советский посол в Софии М. Ф. Бодров сообщил, что Тагарова планируют заменить на посту руководителя Дирекции вероисповеданий МИД Болгарии. Г. Г. Карпов так оценил создавшееся положение: «Нецелесообразно его приглашать в Москву. Было бы желательно, чтобы вновь назначенное лицо было включено в состав какой-либо болгарской

²²⁸ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 188.

²²⁹ М. В. Шкаровский в своей монографии «История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века» отмечает, что на торжествах и последующих мероприятиях в Троице-Сергиевой лавре принимала участие и делегация Польской Православной Церкви. Согласно архивным документам (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 184–185) делегация Польской Церкви находилась в Москве с 13 по 20 июня 1951 г. Поэтому и в обращении к христианам всего мира упоминается только Антиохийская, Русская, Грузинская, Румынская и Болгарская Православные Церкви.

²³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 748. Л. 145.

делегации при ее поездке в Москву или приехало бы в Москву в качестве гостя Совета, но в другое время»²³¹.

Визит в столицу СССР стал вехой в деятельности митрополита Кирилла и отправной точкой для решения многих внутрицерковных проблем в Болгарии. 14 июля 1951 года делегация Болгарской Православной Церкви прибыла в Москву. До праздничных совместных богослужений в Троице-Сергиевой лавре оставалось несколько дней, поэтому болгарская делегация решила посетить председателя Совета по делам религий Г. Г. Карпова, который, по словам митрополита, «не очень любезно согласился в присутствии своих близких соратников выразить нам свою личную почтительность»²³². Затем члены делегации посетили Болгарское посольство в Москве. Посла в это время не было, зато другой высший персонал принял их очень приветливо и радушно. Позже состоялось повторное посещение Болгарского посольства для встречи с послом Благоевым, который встретил делегацию с не меньшим расположением.

18 и 21 июля прошли совместные богослужения в лавре и Елоховском патриаршем Богоявленском соборе. 22 июля болгарская делегация отслужила литургию на Болгарском подворье в Москве. Интересно, что в это время настоятелем подворья был архимандрит Максим, будущий Болгарский Патриарх. По замечанию митрополита Кирилла, «настоятель подворья зарекомендовал себя положительно не только в церковных кругах, но и имеет хорошие отзывы со стороны общественности»²³³. Впоследствии Г. Г. Карпов, проводя сравнительный анализ служения настоятелей подворья, писал: «Первым настоятелем подворья в г. Москве был архимандрит Мефодий, деятельность которого содействовала оживленной связи между Русской и Болгарской церквями, чего нельзя сказать о нынешнем архимандрите Максиме и его помощнике»²³⁴. Такая характеристика отца Максима советским чиновником кардинально отличается от отношения к нему высшей церковной власти в Московской Патриархии. Архимандрит Максим всегда пользовался большим уважением и авторитетом среди иерархов и

²³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 201.

²³² ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 68. Л. 2.

²³³ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 68. Л. 3.

²³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 8.

духовенства Русской Церкви. Патриарх Алексей I высоко оценивал служение архимандрита Максима на Болгарском подворье, так как осознавал, что его представительство выпало на «сложнейший исторический период, и настоятельство на подворье требовало политического такта и пастырской мудрости»²³⁵.

23 июля состоялась встреча всех глав и некоторых членов делегаций, на которой обсуждались общецерковные вопросы, имеющие известную политическую значимость. Прежде всего, вопросы касались идеи борьбы за мир и отношения глав Церквей к предложению Константинопольского Патриарха Афинагора о созыве Вселенского предсоборного совещания. По первому вопросу было составлено и подписано обращение к христианам всего мира, в котором осуждалась агрессивная политика США по отношению к Корее. Представители Поместных Церквей благословили «требование народов о заключении пакта мира между великими державами»²³⁶, считая этот пакт разумнейшим и достойнейшим разрешением мирового кризиса»²³⁷.

По второму вопросу Русская Православная Церковь выработала свою точку зрения еще до приезда глав Поместных Церквей в Москву. Московская Патриархия для себя определила, что Русской Церкви «следует уклониться от участия в предсоборном совещании, которое, по всем данным, будет носить характер политической акции со стороны Афинагора, являющегося ставленником американцев»²³⁸. Аналогичную позицию занял и Антиохийский Патриарх, заявивший, что сейчас «не самое благоприятное время для созыва Собора»²³⁹. Его поддержали Румынский Патриарх Юстиниан и Пловдивский митрополит Кирилл.

В этот же день, 23 июля, делегация Болгарской Церкви нанесла визит в Совет по делам Русской Церкви. На приеме у Г. Г. Карпова митрополит Кирилл в

²³⁵ Филипп (Васильцев), игум. Святейший Патриарх Болгарский, митрополит Софийский Максим (Минков) // ЖМП. 2012. № 12. С. 86.

²³⁶ Договор об укреплении мира между пятью великими державами — СССР, США, Китаем, Великобританией и Францией — с призывом не прибегать к использованию силы или к угрозе силой и призвать все государства к разрешению споров и разногласий только мирными средствами.

²³⁷ Обращение к христианам всего мира // ЖМП. 1951. № 8. С. 4.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 748. Л. 146.

²³⁹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 68. Л. 3.

разговоре подчеркивал «свою любовь и уважение к народам Советского союза и Русской Церкви»²⁴⁰.

За время пребывания в Москве болгарской делегации митрополит Кирилл также имел частные беседы с Патриархом Алексием, митрополитом Николаем (Ярушевичем) и другими работниками Московской Патриархии. В личном общении с представителями Русской Церкви митрополит Кирилл подробно описывал внутреннее положение и острые проблемы Церкви в Болгарии. В частности, он поднимал вопрос взаимоотношений между Церковью и государством, которые обострились из-за Священнического союза. Прежде всего, по мнению митрополита, это напряжение объяснялось тем, что Союз поддерживался некоторыми членами ЦК Болгарской коммунистической партии, которые полагали этим достигнуть «равновесия сил в Болгарской Церкви»²⁴¹. В беседе с Г. Г. Карповым митрополит Кирилл высказался в жесткой форме по поводу деятельности Союза, «объясняя существование его недоверием к епископату со стороны правительства»²⁴². Со слов самого Карпова, Союз «настолько надоел митрополиту Кириллу, что он намерен просить т. Червенкова ликвидировать Союз священников и кончить с двоевластием в Церкви, как кончили в “Русской Церкви с обновленчеством”»²⁴³.

Не менее серьезной проблемой для митрополита Кирилла оставалось наличие среди епископата реакционно настроенных архиереев. В разговоре с Патриархом Алексием он сделал акцент на желательность поддержки со стороны высших иерархов Русской Церкви: для преодоления оппозиции в лице Врачанского митрополита Паисия и его окружения председателю Синода была необходима помощь. Он жаловался на «интриги ряда архиереев, направленные против него и имеющие целью затруднить и даже сорвать проведение в жизнь намеченных им преобразований в Церкви»²⁴⁴. Митрополит заверял Патриарха Алексия, что он «оппозицию архиереев разгромит, но сейчас хочет сохранить

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 12.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 12.

²⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 842. Л. 38.

²⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 14.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 13.

хотя бы видимость единства болгарского епископата»²⁴⁵. Карпов, характеризуя внутрицерковную политику митрополита Кирилла, делает вывод, что он, «стремясь стать патриархом, вынужден сейчас лавировать, с тем чтобы, сделавшись патриархом, получить возможность при поддержке правительства по одному расправиться со своей оппозицией»²⁴⁶.

Также митрополит рассказал об аресте 20 православных священников (скорее всего, по политическим причинам), которые были освобождены только после его обращения к председателю совета министров Болгарии В. Червенкову.

В частных беседах митрополит Кирилл высказывал недовольство новым уставом Болгарской Церкви. В частности, его возмущал параграф о выборе Патриарха, поскольку он предполагал участие на церковном соборе чиновников департамента вероисповеданий, представителей Академии наук, университета и т.д.²⁴⁷.

Глава делегации рассказал Патриарху Алексию и о критическом финансовом положении Болгарской Церкви. По данному вопросу Московский Патриарх «сделал намек, что Русская Церковь готова финансово помочь»²⁴⁸. В докладе Г. М. Маленкову и В. М. Молотову Г. Г. Карпов говорил: «От предложенной патриархом помощи митрополит Кирилл первоначально отказался, опасаясь обвинений т. Червенкова и Синода в попрошайничестве»²⁴⁹. После некоторых колебаний владыка согласился принять финансовую помощь от Московской Патриархии, но теперь уже Патриарх Алексей по рекомендации Совета по делам Русской Церкви отложил свое намерение до восстановления патриаршества в Болгарии.

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 13.

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 842. Л. 40–43.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 13.

²⁴⁸ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 67. Л. 2.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 14.

24 июля делегация Болгарской Церкви отправилась в Киев, где ее принимал митрополит Киевский и Галицкий Иоанн (Соколов)²⁵⁰. 27 июля 1951 года она вернулась в Софию.

Директор Департамента вероисповеданий МИД Болгарии П. Тагаров представлял себе несколько иные задачи митрополита Кирилла в России. Он был огорчен откровенными беседами митрополита с представителями Московской Патриархии и светской власти. По его мнению, «впечатление, которое было представлено Кириллом по этим вопросам (взаимоотношения Синода и Союза священников, положение второбрачных и т.д.), у патриарха Алексея и Карпова сложилось негативное»²⁵¹.

Сам митрополит Кирилл считал, что визит в Россию прошел успешно и в перспективе даст свои результаты. Главной задачей в Москве для митрополита Кирилла было заручиться поддержкой Русской Церкви и правительства СССР в предстоящих патриарших выборах. Это подтверждается докладом Г. Г. Карпова, в котором указано, что митрополиту Кириллу было необходимо приехать в Россию для того, чтобы «заручиться признанием и помощью со стороны Московской патриархии на своем пути к патриаршеству»²⁵². Как уже было отмечено выше, одним из самых серьезных вопросов для Болгарской Церкви оставалось наличие реакционно настроенных архиереев и оппозиционная деятельность Союза священников.

Несмотря на завуалированность высказываний Патриарха Алексея, он все же дал понять, что митрополит Кирилл будет поддержан со стороны Московской Патриархии в выбранном им курсе. В частной беседе с болгарским представителем русский Патриарх отметил: «Болгарской Церкви необходимо строго соблюдать каноны и традиции православной Церкви»²⁵³. Это означало, что не следует соглашаться с выдвигаемыми требованиями Союза священников и идти им на уступки, особенно в канонических вопросах церковной жизни.

²⁵⁰ Митрополит Иоанн (в миру Иван Александрович Соколов) родился 1 (13) января 1877 г. в г. Дмитрове, Московской области. С февраля 1944 г. по март 1964 г. был митрополитом Киевским и Галицким, Патриаршим экзархом всея Украины. В 1964 г. уволен на покой по болезни. Скончался 29 марта 1968 г. в Киеве.

²⁵¹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 67. Л. 2.

²⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 842. Л. 40–43.

²⁵³ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 67. Л. 2.

Совет по делам Русской Церкви занял либеральную позицию по отношению к происходящим в Болгарской Церкви процессам. Еще в конце 1949 года Г. Г. Карпов высказывался за «ликвидацию Священнического союза как изжившего себя, но при условии укрепления епископата прогрессивным духовенством»²⁵⁴. Однако после визита болгарской делегации в Москву Совет, ознакомившись с подробностями церковно-государственных отношений в Болгарии, рекомендовал правительству Отечественного фронта сохранить Союз священников. Г. Г. Карпов в письме Министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому предлагал следующую модель урегулирования конфликта между Синодом и Союзом священников в Болгарии: «Необходимо, чтобы руководство Священнического союза оказало помощь укреплению состава епископата за счет вдовых священников, членов Союза, положительно относящихся к народно-демократическому режиму, в то же время Союзу следовало бы отказаться от неуместных требований, противоречащих церковным канонам, так как Московская патриархия и другие Церкви этих требований не поддержат»²⁵⁵.

В результате рекомендаций правительства СССР отношения между Синодом и Союзом священников несколько улучшились. Такой положительной динамике способствовала и смена председателя союза священника Георгия Богданова, который «своим поведением компрометировал коммунистическую партию и не пользовался авторитетом среди духовенства»²⁵⁶. Поэтому, хотя Союз священников еще не отказывался от своих прежних требований (введение второбрачия, ношение гражданской одежды во внеслужебное время и т. д.), но уже «этот вопрос не имеет той остроты, какую он имел раньше»²⁵⁷.

Болгарские власти также не намерены были поддерживать требования Союза, но и полностью ликвидировать это движение в ближайшее время не планировали, так как не хотели «создавать недовольство и среди священников,

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 842. Л. 39.

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 842. Л. 39.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 973. Л. 49.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 973. Л. 50.

поскольку на данном этапе еще необходим был Священнический союз»²⁵⁸. Союз священников оставался необходимым болгарскому правительству как инструмент вмешательства в церковные дела: «Если Св. Синод не будет лоялен в отношении правительства, можно будет воспользоваться Священническим союзом для давления на Синод»²⁵⁹.

Уже к 1952 году, когда стали действовать процессы, «запущенные» в результате различных встреч и переговоров митрополита Кирилла в Москве, Священнический союз стал постепенно регрессировать, снижая свою оппозиционную деятельность против Синода Болгарской Церкви. Но самостоятельно полностью выйти из сложившейся кризисной ситуации в тот момент Болгарская Церковь не могла, поэтому требовался урегулирующий фактор извне, который своим авторитетом и опытом наладил бы церковно-государственные отношения и помог устранить внутрицерковные проблемы. Таким авторитетным лицом и миротворцем стал архиерей Русской Православной Церкви, председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Крутицкий и Коломенский Николай.

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 973. Л. 50.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 973. Л. 50.

2. МЕЖЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В 1952–1962 гг.

2.1. Визит митрополита Николая (Ярушевича) в Болгарию в контексте внутрицерковной ситуации

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай был одним из самых крупных и влиятельных архиереев как в Русской Церкви, так и за рубежом. С 1946 года он стал первым председателем Отдела внешних церковных сношений. Его дипломатические способности были известны не только православном миру, но и иным конфессиям, с которыми ему приходилось выстраивать отношения в контексте антирелигиозной политики советской власти. Осенью 1945 года во Франции владыка выполнил миссию по присоединению к Московскому Патриархату епископов Западноевропейского экзархата во главе с митрополитом Евлогием (Георгиевским), до этого состоявших в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Неоднократно возглавлял делегации Русской Православной Церкви во время визитов в европейские страны. Стал одним из инициаторов проведения Совещания глав и представителей Поместных Православных Церквей в июле 1948 года в Москве, приуроченного к празднованию 500-летия автокефалии Русской Церкви.

Среди русских иерархов считался наиболее деятельным участником миротворческого движения. Это движение получило свое оформление в апреле 1949 года на конгрессе в Париже, который положил начало работе Всемирного совета мира. Митрополит Николай был в составе советской делегации в Париже, а затем вошел в состав Всемирного совета мира и многократно выступал от лица Русской Церкви на его конгрессах и сессиях.

7 мая 1957 года в соответствии с решением Синода Русской Православной Церкви подписал постановление о восстановлении молитвенно-канонического общения между Русской и Финляндской Православными Церквями. Таким образом, митрополит Николай вошел в историю Русской Церкви и государства как миротворец и церковный дипломат, успешно отстаивавший права Церкви перед секулярным мировым сообществом. Его вдохновенные проповеди и

выступления имели такое воздействие на слушателей, что о нем закрепилась слава «Златоуста XX века».

Все вышеизложенные качества, безусловно, выделяли митрополита Николая (Ярушевича) среди иерархов Русской Православной Церкви. В Болгарии понимали, что, пожалуй, из всех иностранных иерархов только он обладал достаточным влиянием, чтобы оказать самое непосредственное влияние на положение Болгарской Церкви – как внутреннее, так и международное.

В начале 1951 года наместник-председатель Синода Болгарской Церкви митрополит Кирилл направил на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия письмо, в котором просил разрешения пригласить митрополита Крутицкого и Коломенского Николая посетить Болгарию. В письме он характеризовал митрополита Николая как «достойного иерарха святой Русской Православной Церкви и всемирно известного борца в защиту мира во всем мире»²⁶⁰. Митрополит Кирилл уверял Патриарха в том, что этот визит будет способствовать увеличению вклада Болгарской Церкви в дело мира. В послании также отмечалось, что с болгарским правительством вопрос о приезде митрополита благоприятно разрешен. Действительно, было получено распоряжение председателя совета министров Болгарии В. Черквенкова: «Разрешается Синоду Болгарской Православной Церкви пригласить митрополита Николая Крутицкого посетить нашу страну»²⁶¹.

Параллельно митрополит Кирилл направил письмо и митрополиту Николаю с приглашением посетить Болгарию в феврале, так как именно в это время его приезд было бы удобнее связать «с более широким церковным выступлением в защиту мира»²⁶².

Однако в феврале 1952 года митрополит Николай не мог приехать в Болгарию, и визит был отложен на время после Пасхи. В письме митрополиту Кириллу русский владыка ответил: «В первой половине мая я предполагаю быть на одной из конференций в защиту мира, то к Вам я мог бы направиться, если Бог

²⁶⁰ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2422. Л. 1.

²⁶¹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 2.

²⁶² ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2422. Л. 2.

благословит, числа 15–20 мая»²⁶³. Также он просил председателя Синода рассказать ему о церковной акции в защиту мира, которая должна была быть приурочена к его приезду.

В ответном письме митрополит Кирилл изложил составленную и проработанную программу пребывания митрополита Николая в Болгарии. Из письма также явствовало, что более всего болгарского митрополита волновал изложенный в послании Вселенского Патриарха Афинагора «вопрос о сотрудничестве святых поместных православных Церквей с т. н. Всемирным советом Церквей»²⁶⁴. Болгарской Церкви важно было правильно отреагировать на послание, и митрополит Кирилл поспешил обратиться к Русской Церкви, дабы не допустить разногласий между братскими Церквями.

Заканчивая переписку с председателем Синода Болгарской Церкви, митрополит Николай выразил благодарность за составление интересной и насыщенной программы его визита в Болгарию, а также в лице митрополита Кирилла выразил благодарность всему совету Софийской духовной академии за провозглашение его почетным доктором академии. Относительно послания Патриарха Афинагора митрополит Николай не дал четкого комментария, только лишь сообщил, что «в ближайшее время мы будем отвечать на него»²⁶⁵.

В контексте подготовки визита митрополита Николая в Болгарию Совет по делам РПЦ вел свою работу, которая ставила перед митрополитом конкретные цели и задачи со стороны советской власти. В Совете понимали, что приглашение митрополита из России инициировалось митрополитом Кириллом, который нуждался в поддержке Русской Церкви на предстоящих выборах Патриарха. Поэтому заместитель председателя Совета по делам РПЦ В. С. Карпович предостерегал Г. Г. Карпова, чтобы во время визита владыка Николай не ухудшил внутрицерковное положение Болгарской Церкви своим отрицательным отношением к Священническому союзу.

²⁶³ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2422. Л. 7.

²⁶⁴ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2422. Л. 12 об.

²⁶⁵ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 6.

В. С. Карпович считал, что приезд митрополита «усилит позиции епископата в борьбе против Союза священников, который является неплохим средством воздействия на епископат Болгарской Церкви»²⁶⁶. В совете знали о негативном отношении митрополита Николая к Союзу священников. Информировав Карпова об этом, Карпович также замечал, что «в настоящее время взаимоотношения Синода и Священнического союза нормализуются»²⁶⁷. Осторожность совета была обусловлена мнением, что в епископате и церковных кругах Болгарской Церкви «еще много врагов нынешнего правительства Болгарии и Советского союза»²⁶⁸.

Руководство СССР старалось использовать авторитет владыки Николая как инструмент для проведения советской политики в странах Восточной Европы. Поэтому тексты предстоящих в Болгарии выступлений подготавливались заранее и сдавались на проверку в совет по делам РПЦ. Главная задача визита митрополита, по мнению Карповича, в его обращениях «к народам Балкан, и в том числе Греции и Югославии, с призывом борьбы за мир и дружбы между народами предотвратить междоусобное кровопролитие и превращение Балканского полуострова в плацдарм войны»²⁶⁹. Таким образом, предстоящий визит митрополита Николая имел важное значение не только для Русской Церкви, но и для государства.

Болгарская сторона также понимала, насколько важно правильно организовать и продумать программу посещения страны русским митрополитом. Программа визита составлялась под строгим контролем директора вероисповеданий Павла Тагарова, также в ее составлении, помимо Синода, принимал участие Национальный комитет в защиту мира. Участие всех этих организаций отмечено в докладе Тагарова председателю Совета министров В. Червенкову: «Первоначальный проект программы выработан совместно с дирекцией вероисповедания заместителем-председателем Синода митрополитом

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 32.

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 32.

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 32.

²⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 32.

Кириллом и Национальным комитетом в защиту мира»²⁷⁰. Для согласованной работы была создана специальная комиссия, в состав которой вошли заместитель председателя совета министров Карло Луканов, министр иностранных дел Минчо Нейчев и директор вероисповеданий Павел Тагаров. Комиссия занималась не только составлением программы, но и проработкой всех протокольных тонкостей визита. Необычайное значение визита митрополита Николая подчеркивает тот факт, что светская власть была обеспокоена даже такими вопросами, как закупка качественной рыбы, овощей и фруктов (в частности, этими вопросами занималась Дирекция вероисповеданий)²⁷¹.

Программа пребывания митрополита Николая была рассчитана на семь дней. 30 мая высокий гость вместе с настоятелем Болгарского подворья в Москве архимандритом Максимом прибыл в Софию. В аэропорту их встречали митрополит Кирилл и члены Синода, заместитель и главный секретарь Национального комитета в защиту мира, от посольства СССР в Болгарии – Михаил Петров, от Дирекции вероисповедания – П. Тагаров, а также главный муфтий и главный раввин. Владыку встречали с особыми почестями и уважением. Как вспоминал сам митрополит Николай, «мои руки не успевали принимать букеты цветов, символы гостеприимства и дружественных чувств»²⁷². После взаимных приветствий митрополит на аэродроме произнес краткую речь, в которой поблагодарил митрополита Кирилла и архиереев за приглашение в Болгарию, а также подчеркнул: «Я буду себя чувствовать еще более счастливым, если мое пребывание в Болгарии пополнит хоть малой каплей чашу дружбы и братской любви между вашими народами и нашими Церквами»²⁷³.

С аэродрома владыка направился в Синодальную палату, где состоялось представление болгарского епископата и высшего духовенства города Софии.

31 мая состоялась встреча митрополита Николая с заместителем председателя Совета министров Болгарии Карло Лукановым и председателем Национального комитета в защиту мира. На встрече также присутствовали

²⁷⁰ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 14.

²⁷¹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 22 об.

²⁷² Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии // ЖМП. 1952. № 6. С. 33.

²⁷³ Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии. С. 33.

митрополит Кирилл, бывший одновременно еще и заместителем председателя Национального комитета в защиту мира, и Павел Тагаров. Председатель комитета академик Г. Наджаков теплой речью приветствовал гостя как члена Всемирного совета мира.

В этот же день было устроено торжественное собрание в Софийской духовной академии, на котором митрополит Николай был удостоен степени почетного доктора богословия. На собрании он выступил с приветственным словом, а также прочитал доклад на тему «Русская Православная Церковь в Советском союзе»²⁷⁴.

Вечером в кинотеатре «Республика» митрополит Николай вновь выступал с докладом – на сей раз на тему «Защита мира и ее задачи». Перед выступлением митрополита председатель Национального комитета в защиту мира Г. Наджаков зачитал биографию выступающего, содержащую высокую оценку его выступлений в защиту мира в Советском Союзе и во многих других странах мира. По прочтении докладов был принят ряд резолюций, «направленных в адрес ООН, Совета безопасности и французского правительства»²⁷⁵. Итоги этого выступления митрополит Николай изложил в докладе о визите в Болгарию Совету по делам РПЦ: «Доклад о мире в театре Софии “Защита мира и ее задачи” и доклад “Борьба за мир и участие в ней верующих”, которые передавались по радио, и население города слушало на улицах, вызвали большой подъем среди населения. Церковные делегации приветствовали меня как церковного деятеля, а общественность – как общественного деятеля»²⁷⁶.

Выступления русского митрополита в Болгарии действительно имели огромное значение – как для государства, так и для Церкви. С одной стороны, его голос и авторитет могли повлиять на международные сообщества, с другой – болгарская общественность доверяла ему как человеку, способному изменить к лучшему государственный и церковный строй страны. После окончания конференции, по выходе из зала, как вспоминал сам митрополит, его «шумно

²⁷⁴ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 49.

²⁷⁵ Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии. С. 36.

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 80.

приветствовала огромная толпа на площади и близлежащих улицах и забрасывала цветами»²⁷⁷.

В тот же вечер было совершено всенощное бдение, после которого Национальным и Городским комитетами в защиту мира был устроен ужин в честь высокого гостя. За ужином митрополит Кирилл произнес речь, в которой отмечались важность и сложность миссии, осуществляемой митрополитом Николаем: «В международном движении защиты мира в качестве члена Всемирного совета мира он является не только представителем Русской Церкви, но и других православных Церквей, деятельно выразивших свое положительное отношение к этому движению»²⁷⁸.

1 июня митрополит Николай совершил литургию в кафедральном соборе Александра Невского. После окончания службы он произнес проповедь, «где говорил о Русской Православной Церкви и ее взаимоотношении с Болгарской Православной Церковью»²⁷⁹. В ресторане «Болгария» от имени Синода был дан обед в честь высокого гостя из СССР, на котором также присутствовали и светские лица.

В соответствии с программой вечером митрополит Николай в сопровождении митрополитов Кирилла, Паисия, Иосифа, Филарета и Климента, а также Павла Тагарова посетил Рыльский монастырь. У святых ворот обители делегацию встречали наместник архимандрит Варлаам и братия монастыря. На следующий день, 2 июня, после обеда и осмотра монастырской библиотеки делегация переехала в Бачковский монастырь.

3 июня гости прибыли в город Пловдив, где в храме св. Марины их торжественно встретили духовенство и верующие. Как вспоминал митрополит Николай, «этот народ стихийно, разнообразными возгласами и восклицаниями проявлял свою любовь к нашей стране, нашему вождю, к Русской Православной Церкви, патриарху Алексию. Буквально я был забросан цветами, и мои руки не вмещали всех букетов роз, гвоздики, лилий, которые мне подносили группы

²⁷⁷ Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии. С. 36.

²⁷⁸ Там же, с. 37.

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 78.

верующих и отдельные люди»²⁸⁰. После молебна в храме и приветственных слов состоялся торжественный обед.

Вечером того же дня в 19 часов в зале «Народной армии» началось торжественное мероприятие, организованное городским комитетом в защиту мира, на котором митрополит Николай выступил с докладом на тему «Борьба за мир и участие в ней верующих всех религий». По окончании выступления докладчика приветствовали представители окружного комитета защиты мира, Отечественного фронта, Народного совета, местный муфтий, раввин, представители Союза священников и местного православного братства.

Так же, как и в Софии, собрание приняло резолюции в адрес ООН, Совета безопасности и Всемирного совета мира. После такого приема в Пловдиве митрополит отметил: «И в Софии, и здесь на этих многолюдных собраниях я воочию видел единодушную, монолитную волю болгарского народа к миру»²⁸¹.

4 июня делегация посетила храм-памятник Рождества Христова на Шипке, одну из самых известных достопримечательностей Болгарии, воздвигнутую в ознаменование победы в русско-турецкой войне и в скорбную память о погибших в судьбоносных боях. Затем делегаты поднялись на перевал Св. Николая, на котором митрополит Николай совершил литию по погибшим в 1878 году русским воинам. Далее гости переехали в город Казанлык, где посетили Введенский женский монастырь. По программе визита это было последнее место, которое должен был посетить митрополит до возвращения в Софию.

5 июня был устроен торжественный прием в честь митрополита Николая от имени правительства Болгарии. В приеме принимали участие все архиереи БПЦ, настоятели подворий в Москве и Софии, представители поместных Церквей и других конфессий. Со стороны светской власти присутствовали заместитель председателя Совета министров Карло Луканов, посол СССР в Болгарии Михаил Бодров, руководители различных министерств и ведомств Болгарии. За столом было произнесено много лестных речей в адрес митрополита Николая как

²⁸⁰ Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии. С. 40.

²⁸¹ Там же, с. 41.

представителя Патриарха Московского, а также И. В. Сталина, Вылко Червенкова и всего правительства Болгарии. Митрополит Николай выступил с несколькими тостами, в которых говорил о «счастливом настоящем Болгарии после ее освобождения Советской армией в 1944 г.; о митрополите Кирилле как выдающемся церковном и общественном деятеле; о всемирных масштабах движения за мир и о значении в деле защиты мира Всесоюзной конференции всех церквей и религиозных объединений»²⁸², которая была проведена несколько ранее в СССР. Также с содержательной речью ко всем собравшимся обратился Пловдивский митрополит Кирилл. В своем выступлении он заострил внимание на крепких связях болгарского и русского народов. Обращаясь к болгарской истории, владыка говорил об освобождении болгар от турецкого ига русскими войсками, о приходе в 1944 году советских войск, освободивших болгар от фашистского рабства. Митрополит отметил патриотизм Русской Церкви во время последней Отечественной войны, говоря о моральной и материальной помощи болгарскому народу в тяжелое для него время. Ввиду присутствия на приеме высоких государственных чиновников митрополит счел нужным сказать и о взаимоотношениях государства и Церкви в Советском Союзе: «Следуя примеру Русской Церкви, мы тщимся создать такие же отношения и с нашим народным правительством, возглавляемым достойнейшим и мудрым председателем Совета министров господином Вылко Червенковым, которые были бы залогом преуспевания нашей Родины и несомненным доказательством обеспеченной Димитровской конституцией и законом о вероисповеданиях религиозной свободы»²⁸³. Так митрополит подчеркнул приверженность болгарского государства и Церкви политической линии Русской Церкви и советского правительства. Цель этого выступления была, безусловно, одна – заручиться поддержкой Московской Патриархии на предстоящих патриарших выборах.

После приема митрополиту Николаю показали достопримечательности Софии. Он побывал в древних храмах города, в археологическом музее при

²⁸² Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии. С. 43.

²⁸³ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2422. Л. 55.

Софийской академии, а также посетил митрополию, где его приветствовали все викарные архиереи и члены Священнического союза во главе с его новым председателем священником Иоанном Юлиевым. Последний обратился с речью к русскому представителю, в которой высказал актуальную позицию Союза священников по отношению к Русской Православной Церкви: «Наше священство смотрит на Русскую Православную Церковь как на Церковь, в которой сохранились в наибольшей чистоте церковные предания, догматы и каноны православия. Это достаточно объясняет интересы у нас к ней»²⁸⁴. Для Союза не менее важно было получить поддержку со стороны Русской Церкви – она дала бы возможность впоследствии оставаться достойной оппозицией Синоду. Тема Союза священников поднималась позже в разговоре митрополита Николая с П. Тагаровым. По мнению русского иерарха, при хорошем руководителе Союз мог быть даже полезен Церкви, особенно во время проведения мероприятий, связанных с борьбой за мир. Также митрополит посоветовал реформировать редакцию газеты Священнического союза «Народный пастырь». По предложению владыки подбирать материалы для публикации в газету следовало коллегиально, согласованно с руководством Болгарской Церкви, чтобы не было «выпадов против генеральной линии Синода (о переходе на новый стиль и т. п.)»²⁸⁵. Реакция Тагарова оказалась отличной от официальной позиции болгарского правительства. Он сообщил, что «с избранием патриарха поставит вопрос о ликвидации Священнического союза»²⁸⁶. Так, несмотря на попытки правительства СССР ограничить влияние митрополита Николая на ситуацию со Священническим союзом, ему все же удалось способствовать ослаблению влияния этой организации. Забегая вперед, отметим, что 25 июля 1952 года решением политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии священникам было запрещено участвовать в партии, что прямо противоречило интересам союза. «Первичные партийные организации отбирали у них партбилеты и

²⁸⁴ Николай (Ярушевич), митр. В Болгарии. С. 45.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 84.

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 84.

вычеркивали из партийных списков»²⁸⁷. А 8 июля 1955 года Синод Болгарской Православной Церкви принял решение распустить Союз священников. Взамен этого органа был создан Отдел социально-культурного попечения, лишенный практически всех политических функций, но принявший на себя заботы о приходском духовенстве.

После посещения Синода митрополит нанес визит в Дирекцию вероисповеданий, а затем делегация вновь покинула Софию и отправилась в село Бояну, в котором посетила древний храм с историческими фресками. Последним пунктом в визите митрополита Николая было посещение русского Покровского женского монастыря в городе Княжеве, после которого делегация ужинала в Синодальной палате Софийской митрополии, а уже утром 6 июня владыка со своими спутниками вылетел в Москву.

Следует отметить, что в своих воспоминаниях о поездке в Болгарию (опубликованы в ЖМП № 6 за 1952 год) митрополит Николай указывает дату отъезда 4 июня, когда во всех официальных документах и программе его пребывания стоит дата 6 июня.

После отъезда митрополита Николая Павел Тагаров направил отчет председателю Совета министров Вилко Червенкову о его пребывании в Болгарии. В нем подробно рассказано обо всех встречах митрополита Николая и о конфиденциальном разговоре владыки с самим директором вероисповеданий: «Во время нашей поездки у меня была возможность поговорить с митрополитом Николаем относительно наших митрополитов, а также говорили и о некоторых церковных проблемах»²⁸⁸.

Ф. В. Суханов в своей диссертации «Церковь и государство в Болгарии», описывая упомянутый эпизод, допускает неточность в датировке. Он упоминает беседу митрополита Николая с митрополитом Кириллом и Тагаровым, на которой намечался срок выборов Патриарха, под датой 11 июня 1952 года²⁸⁹. Как указано выше, митрополит Николай вылетел из Болгарии 6 июня, поэтому 11 июня беседа

²⁸⁷ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 247.

²⁸⁸ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 50.

²⁸⁹ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 212.

состояться не могла. Архивные документы, на которые ссылается автор диссертации, передают всего лишь разговор атташе посольства СССР в Софии М. Н. Петрова с П. Тагаровым²⁹⁰. В нем речь шла о результатах, достигнутых Николаем за время его пребывания в Болгарии, следовательно, этот разговор состоялся уже после визита митрополита.

Со слов митрополита Николая известно, что директор Департамента вероисповеданий П. Тагаров дал характеристику деятельности оппозиционно настроенного Врачанского митрополита Паисия. Паисий, по мнению Тагарова, позиционировал себя как русофил и славянофил. Одновременно он заявлял, что не следует торопиться созывать церковный собор и избирать Патриарха, а лучше сохранить нынешнее положение, пока не будет достигнуто полное единомыслие в Синоде. По словам самого митрополита Николая, Паисий был против выборов в Патриархи митрополита Кирилла по той причине, что «выборы несвободные»²⁹¹.

Митрополит Николай также общался с митрополитами Филаретом Ловчанским, Никодимом Сливенским и Климентом Старозагорским. Первые два высказали единомыслие по вопросу избрания предстоятеля, хотя Филарет «раньше колебался в отношении кандидатуры Кирилла на пост патриарха»²⁹². Теперь же оба заявили, что пришло подходящее время, чтобы восстановить патриаршество в Болгарской Церкви, а также подчеркнули, что Синод видит кандидатом в Патриархи только митрополита Кирилла и никого больше. Митрополит Климент высказался не совсем определенно по этому вопросу, однако согласился со своими оппонентами: другой подходящей кандидатуры на этот пост, кроме митрополита Кирилла, нет.

Во время беседы митрополитов Николая и Климента последний с сожалением отмечал, что «некоторые митрополиты, в том числе и он сам, относились с предубеждением к тому контакту, который устанавливался митрополитом Кириллом с правительством через Тагарова, что они считали, что он может повести к вмешательству государства в дела Церкви, а поэтому они так

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 76.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 81.

²⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 80.

и относились отрицательно к кандидатуре митрополита Кирилла»²⁹³. Но приезд русского митрополита в Болгарию, его выступления с докладами и частные разговоры с архиереями кардинально изменили взгляды последних. Поэтому, общаясь с митрополитом Николаем, председатель Синода отметил, что русский иерарх «содействовал движению за мир и сгладил оппозицию к нему»²⁹⁴.

После общения с архиереями митрополит Крутицкий заявил Тагарову: «Русской Православной Церкви будет большая польза, если вашу Церковь возглавит патриарх. Это будет способствовать нашей межцерковной деятельности»²⁹⁵. Затем Николай отметил положительные качества митрополита Кирилла и подчеркнул большое доверие русского Патриарха к нему. Однако в своем докладе в совет по делам РПЦ Николай дал несколько другую характеристику митрополита Кирилла: «Кандидатура эта не совсем совершенная, но на сегодняшний день наиболее подходящая и будет поддерживаться и правительством, и церковниками»²⁹⁶. Таким образом, архивные документы очевидно показывают одной из основных причин визита митрополита Николая в Болгарию поддержку кандидатуры Кирилла в предстоящих выборах.

Митрополит Николай в беседе с директором вероисповеданий затронул также немаловажную тему выборов митрополита на Неврокопскую кафедру. Неврокопский архиерей занимает место постоянного члена Синода, поэтому, по мнению митрополита Николая, «работа в связи с выборами и будущей деятельностью Церкви будет значительно облегчена, если быстро изберут Неврокопским митрополитом лицо, которое четко будет ориентировано на Кирилла»²⁹⁷.

В том же разговоре владыка высказал мысль, что на данном этапе наиболее важной задачей остается борьба за сохранение мира, и от Дирекции вероисповеданий требуется активное в ней участие. Для осуществления соответствующих задач митрополит считал необходимым провести в нескольких

²⁹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 80.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 80.

²⁹⁵ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 51.

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 81.

²⁹⁷ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 51.

странах национальные межконфессиональные конференции, наподобие проведенной в мае межконфессиональной конференции в СССР. Созыв такой конференции Николай считал очень своевременным, поскольку она могла бы способствовать проведению как подобных конференций в других городах, так и всемирной конференции. Включение Католической церкви в эту борьбу за мир, по мнению митрополита Николая, имело бы большой резонанс на Западе, в частности, в тех странах народной демократии, где католицизм очень силен.

Особо следует отметить, что до визита митрополита Николая в Болгарию взаимоотношения государства и некоторых религиозных конфессий в стране были напряженными. Например, болгарские католики находились в оппозиции к движению за мир. Но после выступлений митрополита Николая на конференциях в защиту мира, по словам П. Тагарова, «лед растаял»²⁹⁸. Более того, на прощальном приеме в честь отъезда русского гостя присутствовал католический епископ Евгений Босилков, который выступил с речью в защиту мира.

Т. В. Волокитина указывает, что для советского государства большое значение имело участие представителей других религий и конфессий в движении за мир. По ее мнению, участие в конференциях за мир католического и протестантского духовенства давало возможность оказывать влияние на них в антиватиканском духе: «Делая ставку на контакты с «прогрессивными кругами» католиков и протестантов, Москва фактически рассчитывала содействовать расколу этих конфессий, используя для этого благородные лозунги борьбы за мир»²⁹⁹.

На основании отчета Павла Тагарова Дирекция вероисповеданий выработала программу развития церковно-государственных отношений в следующем порядке действий. Во-первых, выбрать Неврокопского митрополита. Еще в 1949 году Синод Болгарской Православной Церкви принял решение провести выборы на Неврокопскую кафедру и просил на это разрешение у правительства через дирекцию вероисповеданий. Эта просьба, направленная к

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 81.

²⁹⁹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 131.

Владимиру Поптому (министр иностранных дел Болгарии с 6 августа 1949 года по 27 мая 1950 года), была отложена на неопределенный срок.

Перед визитом владыки Николая митрополит Кирилл несколько раз выступал с предложением в ближайшем будущем провести выборы Неврокопского митрополита. Дирекция, наконец, поддержала его, поскольку это не только не противоречило уставу Болгарской Православной Церкви, но и было целесообразно в связи с близостью границ враждебно настроенного государства (Эгейской Македонии)³⁰⁰, где был свой митрополит. Кроме того, это событие укрепило бы позиции Кирилла в Синоде по отношению к оппозиционной группе Врачанского митрополита Паисия. Наиболее подходящей кандидатурой на Неврокопскую кафедру был епископ Пимен (Энев), который «был другом митрополита Кирилла»³⁰¹ и сохранял хорошие отношения со светской властью.

Вторым действием Дирекции вероисповеданий было созвать Собор и выбрать Патриарха. Еще до визита митрополита Николая в Болгарию 30 марта 1952 года были проведены выборы членов на церковно-народный собор, создаваемый как избирательный орган на выборах предстоятеля Болгарской Церкви.

После визита митрополита Николая Дирекция вероисповедания решила, что процесс организации выборов Патриарха пора активизировать. Подходящей кандидатурой на этот пост виделся, конечно же, наместник-председатель Синода Пловдивский митрополит Кирилл.

Третий шаг Дирекции вероисповеданий – провести межконфессиональную конференцию в защиту мира. Инициатором созыва конференции совместно с Дирекцией вероисповеданий выступил Синод Болгарской Церкви.

Мысль о созыве такой конференции зрела у митрополита Кирилла и Тагарова задолго до приезда митрополита Николая в Болгарию, но ее пришлось отложить на неопределенный срок в связи с неясным отношением католиков к организации национальной конференции. Теперь же, после выступлений и

³⁰⁰ Северная часть Греции со столицей в Салониках. До 1912 г. – часть историко-географической области Македонии.

³⁰¹ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 213.

общения Николая с представителями разных конфессий, ситуация изменилась, и конференцию запланировали провести примерно через месяц.

По мнению Дирекции, межконфессиональная конференция требовала особой подготовки. Необходимо было предварительно организовать две конференции в защиту мира для католического духовенства в городах Русе и Пловдиве, а также две конференции для мусульманского духовенства в городах Коларовграде и Кырджали, и одну конференцию в Софии – для всех протестантских деноминаций.

Как уже отмечалось выше, визит митрополита Николая в Болгарию положительно повлиял на изменение церковного устройства, его рекомендации и советы были рассмотрены болгарскими властями в императивном ключе. Более того, после его отъезда Тагаров написал письмо к председателю совета министров Червенкову (от 28.06.1952 г.) с просьбой дать разрешение отправить в СССР фильм, снятый по материалам пребывания русского митрополита в Болгарии. Директор вероисповеданий также просил разрешение на показ этого фильма в болгарских кинотеатрах: «Целесообразно этот фильм полностью или несколько раз показывать в качестве кинохроники в наших кинотеатрах»³⁰².

Архивные материалы позволяют сделать вывод, что Болгарская Церковь и болгарское государство в выстраивании государственных и церковных отношений ориентировались на взаимную политику Советского Союза и Русской Церкви.

В конце 1952 года в крупных городах Болгарии были проведены межконфессиональные конференции в защиту мира, имевшие как внутривластическое, так и внешнеполитическое значение. Как отмечалось в докладе Павла Тагарова, «особенно важным является то, что влияние межконфессиональных конференций позволяет нам говорить за границей, в частности, в капиталистических странах»³⁰³.

³⁰² ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 54.

³⁰³ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 55.

Дирекция вероисповеданий предполагала и дальнейшие политические перспективы – выход на межгосударственную арену должен был способствовать опровержению обвинений со стороны империалистической общественности в ограничении свободы совести и религиозных убеждений в коммунистических странах. Поэтому участники конференций, представители всех ведущих конфессий страны, особо акцентировали внимание на теме присутствия в Болгарии полной религиозной свободы. По материалам конференций Дирекция вероисповеданий сделала подборку лучших докладов и направила их в Болгарские посольства и дипломатические миссии для публикации.

По рекомендации Дирекции визит митрополита Николая в Болгарию задокументировали, материалы выступлений опубликовали, а снятый фильм о русском митрополите показали в кинотеатрах.

Дирекция позаботилась и об оценке своей миротворческой деятельности советской стороной – важнейшие материалы конференций были направлены Патриарху Алексию, митрополиту Николаю и Г. Г. Карпову. Причем подборки отличались в зависимости от адресата. Так, «патриарху Алексию были направлены документы, связанные с такими темами, как свобода совести и вероисповедания и борьба за мир. Для митрополита Николая был изготовлен альбом с фотографиями и фильм о пребывании его в Болгарии. Для Карпова также был отправлен альбом и важные материалы по итогам проведенных конференций»³⁰⁴.

В целом же визит председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Крутицкого и Коломенского Николая послужил отправной точкой для многих значительных изменений к лучшему в жизни Болгарской Церкви.

Во-первых, следует отметить новый уровень выстраивания взаимоотношений Церкви и государства в Болгарии. Если раньше церковно-государственные отношения строились на оппозиционных принципах, то после визита митрополита Николая государство стало использовать компромиссный фактор по отношению к Церкви. По свидетельству Г. Г. Карпова, П. Тагаров в

³⁰⁴ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 76. Л. 56.

разговоре с митрополитом Николаем заявил, что «после заслушивания его доклада о взаимоотношениях Церкви и государства в СССР лучше понял этот вопрос»³⁰⁵. Дирекция вероисповеданий настолько была заинтересована церковно-государственными взаимоотношениями в СССР, что просила через митрополита Николая организовать в Москве встречу «министров или директоров департаментов вероисповеданий стран народной демократии для взаимной информации и согласования вопросов взаимоотношений государства и Церкви»³⁰⁶.

Во-вторых, Болгарская Церковь, получив поддержку со стороны Русской Церкви в лице митрополита Николая, усилила работу над созывом церковно-народного собора и выборами Патриарха. Для Московской Патриархии было важно, чтобы Болгарская Православная Церковь возглавлялась Патриархом, поскольку это автоматически повышало статус Церкви в диалоге с государством. Патриарх мог бы отстаивать позицию Церкви по животрепещущим вопросам более уверенно и эффективно, опираясь на поддержку своих собратьев-Патриархов. Задачей русского представителя было подготовить выборы достойного кандидата. Как упоминалось выше, наиболее реальной кандидатурой оставался Пловдивский митрополит Кирилл. Авторитет митрополита Николая в вопросе о кандидате на пост Патриарха положительно повлиял на позиции некоторых архиереев. Если до приезда митрополита Николая в Болгарию соотношение голосов митрополитов в Синоде было 5 против 4 не в пользу владыки Кирилла, то после отъезда ситуация стала 5 против 4, но уже в пользу Пловдивского митрополита³⁰⁷.

В-третьих, деятельность митрополита Николая положительно повлияла на взаимоотношение Синода Болгарской Церкви и Союза священников. Сам Николай относился к Союзу настороженно, так как эта организация имела политическую подоплеку и напоминала движение обновленцев в 1920-х – 1930-х годах в России. Например, Суханов отмечает: «По вопросу второбрачия

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 872. Л. 204.

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 872. Л. 204.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 80.

вдовствующих священников Союз заявлял, что если Св. Синод не даст своего согласия, то этот брак будет регистрироваться не церковью, а государством»³⁰⁸. Таким образом, для русского иерарха необходимо было либо примирить это движение с Синодом, либо ослабить его влияние на общество. Один из священников Союза в благодарственном письме к митрополиту Николаю писал: «До Вашего прибытия к нам отношения между Союзом священников и Св. Синодом не были нормальными. Союз Священников придерживался неподобающего тона в своем поведении»³⁰⁹. Из этого письма видно, что члены Союза осознали бесперспективность и бестактность своей позиции. Более того, руководство совета Союза священников объявило, что «впредь отношения будут только сыновними и что члены Союза постоянно послушными и дисциплинированными клириками»³¹⁰.

Следует заметить, что важную роль в нормализации и укреплении церковно-государственных отношений в Болгарии сыграл не только сам факт визита представителя Русской Церкви, но и личный авторитет митрополита Николая. Справедливо характеризуют его деятели современники: «Ответственным послушанием Митрополита Николая было руководство Отделом внешних церковных сношений Московской патриархии. Как председатель этого отдела он поддерживал связь со всеми заграничными экзархами. Можно представить, как в те годы была трудна эта миссия, но сила христианской любви, торжественность его богослужений, личное обаяние, благородная простота его проповедей вызывали уважение, доверие и любовь к нему всех, с кем ему приходилось встречаться»³¹¹.

Также необходимо упомянуть о важных переменах в церковно-административной жизни русских приходов Болгарии, судьбу которых пришлось решать митрополиту Николаю во время его визита. После смерти в 1950 году архиепископа Серафима (Соболева) русскими общинами стал управлять

³⁰⁸ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 209.

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 90.

³¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 91.

³¹¹ Памяти великого иерарха Русской Православной Церкви, Высокопреосвященнейшего Николая (Ярушевича), митрополита Крутицкого и Коломенского. URL: http://serafim.com.ru/site/nstr_17_1.html.

архимандрит Пантелеимон (Старицкий), бывший белый офицер, ближайший помощник владыки, благочинный. Это не устраивало посла СССР в Болгарии М. Ф. Бодрова, который высказал пожелание, чтобы русские приходы в Болгарии возглавлялись священником из Москвы. В 1951 году советское правительство, через ведомство Г. Г. Карпова сообщило, что прекращает финансирование русских священнослужителей в Болгарии за их враждебное отношение к Советскому Союзу, так как большинство из них являлись бывшими белыми офицерами³¹². Председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов писал: «По мнению Совета, благочиние, если в нем есть надобность (в нем Московская патриархия не особо заинтересована), должно возглавляться священнослужителем из СССР и ограничиваться русским храмом в г. Софии. Совет не видит необходимости в бесполезной трате валюты на содержание десятков священнослужителей из числа б. белогвардейцев и очень заинтересован мнением на этот счет посольства СССР в Болгарии»³¹³.

Болгарские документы свидетельствуют, что с ограничением финансирования из СССР русские храмы стали приходить в упадок. В одном из писем представитель Московского Патриарха архимандрит Пантелеимон, обращаясь к руководителю Дирекции вероисповеданий П. Тагарову, писал: «Престиж Русской Церкви в г. Сталине страдает от отсутствия певца, т. к. во всех храмах города имеются певцы. Найти же певца из среды проживающих в Сталине русских лиц невозможно. Покорно прошу Вас, уважаемый тов. Министр, помочь Русской Церкви в этом деле, чтобы к ожидающемуся приезду Митрополита Николая Крутицкого этот вопрос смог бы быть благополучно улажен»³¹⁴. В другом письме отец Пантелеимон просит отремонтировать здание представительства Московского Патриарха, которое является лицом Русской Церкви. Он писал, что ремонт «необходимо произвести срочно к ожидающемуся прибытию из Москвы Митрополита Николая Крутицкого»³¹⁵.

³¹² Решетникова О. Н. Русский храм в Софии. М., 2012. С. 70.

³¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 7.

³¹⁴ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 123. Л. 2.

³¹⁵ ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 123. Л. 3.

Характерно то, что в каждом письме архимандрит Пантелеимон просит устранить реально существующие проблемы русского благочиния до приезда митрополита Николая. Он искренне не хотел передавать русские приходы в юрисдикцию Болгарской Церкви, поэтому архимандрит предполагал с помощью болгарской стороны затушевать явные недостатки своего благочиния.

Во время пребывания митрополита Николая в Софии, он объективно оценил сложившуюся ситуацию и принял решение заменить архимандрита Пантелеимона (Старицкого) русским священником из Москвы протоиереем Сергием Казанским. В докладной записке Г. Г. Карпова секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову по поводу русского благочиния в Болгарии говорится: «В беседе с митрополитом Кириллом достигнуто соглашение о постепенной ликвидации небольших русских приходов, созданных в свое время эмигрантским духовенством, и об ограничении представительства Русской церкви храмами в г. Софии и на Шипке, а также о ликвидации впоследствии русских мужского и женского монастырей, существование которых ничем не оправдывается»³¹⁶.

Таким образом, Московская Патриархия осознавала, что ей не под силу содержать русские храмы в Болгарии. Поэтому во избежание естественного разрушения приходской жизни и церковного имущества, митрополит Николай согласился с постепенной передачей небольших приходов в ведение Болгарской Церкви.

В июле 1952 года, через два месяца после своего назначения, отец Сергей Казанский написал отчет о положении благочиния, в котором подробно изложил все его проблемы. По мнению благочинного, только Никольский храм в Софии можно считать полноценным приходом, в то время как остальные храмы и монастыри неспособны себя обслуживать. Еще он добавил, что «наличие русских приходов и священников вызывает среди болгарского духовенства некоторое неудовольствие и досаду и поддерживает ненужную рознь»³¹⁷.

³¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 872. Л. 203.

³¹⁷ Решетникова О. Н. Русский храм в Софии. С. 71.

В результате сложившейся обстановки Синод Русской Православной Церкви 10 ноября 1952 года принял решение, по которому русские приходы, монастыри, клир и монашествующие передавались в юрисдикцию Болгарской Церкви. Таким образом, благочиние русских приходов было упразднено, а Никольский храм в Софии преобразовали в подворье Московской Патриархии.

2.2. Роль Русской Православной Церкви в восстановлении патриаршества в Болгарии в 1953 г.

Новой вехой в истории Болгарской Церкви и государства стало восстановление в 1953 году патриаршества. Идея восстановления исторической справедливости поднималась еще в начале 1940-х годов, инициатором этого обсуждения был митрополит Софийский Стефан. Но после его отстранения с поста экзарха, «учитывая политическую ситуацию в стране, не представлялось возможным восстановить патриаршее достоинство БПЦ в ближайшее время»³¹⁸. С января 1949 по январь 1951 года вопрос о восстановлении патриаршества не поднимался. И только с избранием 3 января 1951 года нового председателя Синода митрополита Пловдивского Кирилла вновь активизировалась программа по восстановлению Болгарской Церкви в статусе патриархии.

После визита митрополита Николая (Ярушевича) в Болгарию напряженность оппозиционных архиереев по отношению к митрополиту Кириллу была ослаблена. Председатель Синода рассчитывал в ближайшее время провести выборы Патриарха. Однако спустя несколько месяцев внутрицерковная ситуация резко изменилась. Оппозиционная группа Врачанского митрополита Паисия снова усилила свою деятельность. Именно такое положение вещей в Синоде Болгарской Церкви заставило Т. В. Волокитину оценить визит митрополита Николая в Болгарию как нерезультативный.

³¹⁸ Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 179.

В своем исследовании³¹⁹ она дает отрицательную оценку результатам визита митрополита Николая в Болгарию. В основе ее аргументов лежат критические отзывы сотрудников Совета по делам РПЦ. Они ставили в упрек митрополиту Николаю то, что он «не сумел вскрыть действительного положения и соотношения сил в епископате Болгарской Церкви и к вопросу укрепления позиций митрополита Кирилла отнесся поверхностно, несерьезно»³²⁰. Развивая их мысль, Т. В. Волокитина указывает, что во время пребывания митрополита Николая в Болгарии митрополит Кирилл предложил провести выборы Патриарха в сентябре текущего года, на что Николай дал свое согласие³²¹. Но после отъезда русского иерарха намеченный собор был отложен на неопределенное время. Несомненно, этот факт заставляет согласиться с критическими высказываниями сотрудников Совета по делам РПЦ и поставить под вопрос значение визита митрополита Николая в Болгарию.

Однако в ходе детального изучения материалов из отечественных и болгарских архивов данная ситуация видится в ином свете. Исследователи Т. В. Волокитина и Ф. В. Суханов подтверждают тот факт, что намеченный на осень 1952 года Третий церковно-народный собор не состоялся «из-за противодействия этому группы митрополитов во главе с Врачанским Паисием»³²². Причины такого резкого изменения отношения к митрополиту Кириллу со стороны болгарских митрополитов до конца неясны, и тем не менее имеющиеся материалы позволяют предположить, в чем же они заключались.

После визита митрополита Николая в Болгарию директор вероисповеданий П. Тагаров получил от председателя Совета министров Болгарии В. Червенкова «согласие на избрание Неврокопского митрополита, на проведение церковного собора для выборов патриарха и на конференцию представителей всех вероисповеданий Болгарии в защиту мира»³²³. Для скорого осуществления намеченных мероприятий Павел Тагаров использовал жесткие методы «нажима»

³¹⁹ Волокитина Т. В. Оппозиция или конформизм? Болгарская православная церковь и коммунистический режим (1940-е – 1980-е гг.). С. 124.

³²⁰ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов. С. 1018.

³²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 76.

³²² Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 213.

³²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 974. Л. 32.

на оппозиционно настроенных архиереев, которые ранее уже были благосклонно настроены к митрополиту Кириллу владыкой Николаем.

В связи с неразумной тактикой Павла Тагарова митрополиты Паисий и Иосиф на заседании Синода в июле 1952 года «вели себя вызывающе и озлоблено по отношению к м. Кириллу»³²⁴. Митрополит Паисий представил ряд предложений, которые компрометировали митрополита Кирилла как перед архиереями, так и перед правительством. Все, что было заложено митрополитом Николаем во время визита в Болгарию, мгновенно разрушила бестактная политика Павла Тагарова. «Задача, которую Тагаров ставил себе в мае с.г. – перестройкой добиться удаления из Синода м.м. Паисия, Михаила, Софрония, Климента и Неофита, – оказалась не только недостигнутой, но привела к ослаблению позиций м. Кирилла»³²⁵.

Итак, следует сделать вывод, что главной причиной усиления враждебности оппозиционной группы архиереев, а затем и несостоявшихся осенью 1952 года выборов Патриарха, послужила жесткая и неправильная политика директора вероисповеданий Павла Тагарова, а вовсе не недооценка ситуации владыкой Николаем.

К концу 1952 года ситуация в Синоде достигла своего апогея. Дискриминация митрополита Кирилла нарушала все рамки корпоративного этикета. Секретарь Синода архиепископ Иона так характеризовал положение председателя: «Группа Паисия надолго “заморозила” вопрос об избрании Пимена Неврокопским митрополитом. Теперь все вопросы, которые ставятся Кириллом на утверждение Синода, отклоняются “механическим большинством” группы Паисия (5 против 4). Работа Синода, таким образом, по существу приостановилась»³²⁶.

Архиепископ Иона объясняет сложившуюся ситуацию еще и тем, что у Паисия был компромат почти на каждого архиерея, что вынуждало последних действовать согласно его указаниям. Иона отмечает: «У него, например,

³²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 974. Л. 32.

³²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 140.

³²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 3.

находится письмо, компрометирующее Иосифа Варненского, полученное им когда-то от б. экзарха Стефана, а Софроний Тырновский был избран митрополитом при помощи махинаций, о подробностях которых знает Паисий, и т. д.»³²⁷.

Фактическая парализация работы Синода и несогласованная деятельность архиереев наталкивали митрополита Кирилла на мысль «снять свою кандидатуру в пользу м. Никодима Сливенского»³²⁸. М. В. Шкаровский отмечает, что «фактический срыв выборов патриарха побудил митрополита Кирилла снять с себя полномочия наместника-председателя Синода. В результате Болгарская Церковь временно осталась без первоиерарха»³²⁹. Это предположение М. В. Шкаровского о снятии полномочий наместника-председателя, правда, не находит подтверждения в архивных документах.

Критическая ситуация в Синоде Болгарской Церкви заставила Совет по делам РПЦ вмешаться в разрешение конфликта. Советом были выработаны рекомендации по нормализации взаимоотношений между противоборствующими сторонами. Было предложено пригласить в СССР нового директора вероисповеданий Михаила Кючукова³³⁰ «для получения информации и определения общей линии в направлении согласованной внешней деятельности Русской и Болгарской Церквей»³³¹. Также совет рекомендовал Патриарху Алексию и митрополиту Николаю поддержать митрополита Кирилла в сложившейся вокруг него напряженной ситуации. Эта поддержка осуществлялась в письмах митрополиту, в которых русский первоиерарх и митрополит выражали свою обеспокоенность происходящим в Синоде. В одном из этих писем Патриарх Алексей, поддерживая и ободряя митрополита Кирилла, еще раз «выразил надежду видеть его патриархом»³³².

³²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 3.

³²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 139.

³²⁹ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 190.

³³⁰ В октябре 1952 г. Павел Тагаров был замещен новым директором вероисповеданий – выпускником Софийской духовной семинарии, бывшим начальником отдела печати МИД Михаилом Кючуковым.

³³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 141.

³³² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 141.

После отстранения Павла Тагарова Дирекция вероисповеданий была перенаправлена из подчинения Министерства иностранных дел под непосредственное руководство Совета министров Болгарии. Переподчинение позволило значительно увеличить эффективность работы Дирекции вероисповеданий. Впоследствии П. Тагаров, анализируя период своей работы на должности директора вероисповеданий, с огорчением вспоминал о тех искусственных трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться. Основной причиной этих трудностей было отсутствие прямого контакта с правительством, работать приходилось через посредническую государственную структуру – Министерство иностранных дел, поэтому «от правительства он не получал указаний, а в Совете министров ни разу не обсуждался вопрос о работе Дирекции вероисповеданий»³³³.

В январе 1953 года по просьбе правительства Болгарской народной республики М. Кючуков находился с рабочим визитом в Советском Союзе. Вступая в должность директора вероисповеданий, М. Кючуков понимал, что продолжать линию П. Тагарова не следует, но и своей концепции у него не было. Поэтому в первую очередь он и постарался организовать поездку в СССР, целью которой было «ознакомление с организационной структурой и работой Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР»³³⁴. Кючуков позже так охарактеризовал свое пребывание в СССР: «Ознакомление с работой Совета и контакт с его работниками оказали мне неоценимую помощь. Мне теперь стало совершенно ясно, чем и как должна заниматься Дирекция вероисповеданий»³³⁵.

За время пребывания в СССР Кючуков постарался получить максимум информации от Совета по делам РПЦ. Помимо организационных вопросов, его волновали вопросы церковно-государственных отношений, осуществление издательской работы и деятельности духовных учебных заведений. Его интересовало не только идеологическо-теоретическое направление работы

³³³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 975. Л. 2.

³³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1012. Л. 40.

³³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 78.

Совета, но и его практическая деятельность. В частности, директор вероисповеданий изучал информацию для решения земельного вопроса Болгарской Церкви.

Земельный вопрос остро возник после принятия новой конституции Народной республики Болгария в 1947 году, когда Церковь была отделена от государства. При этом Церковь сохранила за собой право собственности на землю и церковные здания. Также ей предоставлялась монополия на изготовление свечей и денежная субсидия на содержание духовенства. Ситуация сложилась нелогичная и неоднозначная, все стороны этого вопроса требовали систематизации и стандартизации согласно советской модели. Вернувшись в Болгарию, Кючуков приступил к редактированию документа под названием «Положение о задачах, функциях и устройстве Дирекции по делам вероисповеданий при Совете министров Народной республики Болгария». Новая редакция этого документа была основана на полученном в СССР опыте и стала прямым следствием ознакомления Кючукова со «структурой и характером работы Совета по делам РПЦ, с положением и работой уполномоченных Совета на местах, порядком прохождения в Совете ходатайств Московской патриархии, заявлений и жалоб верующих»³³⁶.

Именно по итогам поездки в СССР М. Кючуков разработал новую концепцию дальнейшего развития Дирекции вероисповеданий и согласовал общую линию церковно-государственных отношений по советскому образцу.

Советская сторона не была настолько же удовлетворена результатами визита. Совет по делам РПЦ крайне негативно воспринял ошибку, допущенную заместителем председателя Совета по делам религиозных культов В. И. Гостевым во время его беседы с коллегой из Болгарии. В докладной записке заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Н. А. Михайлову отмечено: «Была допущена грубая политическая ошибка, которая, по существу, сводит на нет все попытки придать беседам с Кючуковым характер только ознакомления его с нашей работой, а не инструктажа его по работе, не дачи ему директив или

³³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1012. Л. 43.

указаний»³³⁷. А самым ярким выражением политической безграмотности В. И. Гостева было заявление, сделанное в присутствии Патриарха Алексия, митрополита Николая и посла Болгарии в СССР С. Д. Благоевой. Гостев сказал, что «Кючуков получает у нас инструктаж по работе, но что этот инструктаж, по его мнению, недостаточен, и нужно, чтобы тов. Карпов выехал в Болгарию и там, на месте дал ряд руководящих указаний, как надо работать с Церковью»³³⁸.

Бестактность В. И. Гостева была не просто политическим промахом, она дискредитировала в целом церковно-государственные отношения в Советском Союзе.

Линия поведения В. И. Гостева очень сходна с методами работы прошлого болгарского директора вероисповеданий Павла Тагарова. Именно политическая безграмотность, выражавшаяся в максимальном политическом давлении в тех сферах деятельности, которые только косвенно относились к работе церковно-государственных структур, привела к дестабилизации церковно-государственных отношений как в Советском Союзе, так и в Болгарии.

В апреле 1953 года М. Кючуков встретился с атташе Советского посольства в Болгарии М. Н. Петровым. Директор вероисповеданий рассказал о положительных изменениях в Синоде Болгарской Церкви и о нормализации взаимоотношений между архиереями. Также обсуждалась встреча митрополита Кирилла с председателем Совмина Болгарии В. Червенковым и членами политбюро в конце декабря 1952 года. Болгарские чиновники пришли к заключению, что «он (Кирилл) пользуется доверием правительства и что правительство поддерживает его кандидатуру на пост патриарха»³³⁹.

М. Кючуков также рассказал и о состоявшейся на следующий день встрече представителей правительства во главе с заместителем председателя правительства Антоном Юговым с членами малого состава Синода, большинство из которых были в оппозиции к митрополиту Кириллу. С целью урегулирования взаимоотношений представители власти обратились к митрополиту Паисию со

³³⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1014. Л. 100.

³³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1014. Л. 100.

³³⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 78.

словами, что «никаких подозрений к нему у правительства нет и что грубые действия, допускавшиеся быв. директором вероисповеданий Тагаровым в отношении некоторых архиереев и Паисия, не были известны правительству»³⁴⁰. Подтекст этого заявления очевиден – «дать понять Паисию, что правительство забыло прошлое и ждет от них лояльного отношения к народной власти»³⁴¹.

Эти две встречи определили новый вектор жизни Болгарской Церкви. Вновь поменялась расстановка сил в Синоде. Из группы митрополита Паисия перешли на сторону митрополита Кирилла два архиерея – Русенский Михаил и Варненский Иосиф. Более того, интриги самого митрополита Паисия против председателя Синода значительно уменьшились. Логично предположить, что основной причиной ослабления враждебности по отношению к митрополиту Кириллу стало понимание архиереями-оппозиционерами непреклонности намерения правительства поддержать его на патриарших выборах.

Директор вероисповеданий М. Кючуков предположил еще одну причину такой резкой смены отношения некоторых архиереев к Кириллу. Согласно новому уставу Болгарской Церкви после избрания Патриарха предусматривалось создание Верховного церковного совета, который должен был вести финансово-административную работу. Номинальным председателем этого органа становился Патриарх, фактически же руководить им предстояло заместителю, который утверждался главой Болгарской Церкви. Синодом уже были выдвинуты две кандидатуры – Врачанский Паисий и Варненский Иосиф. Желание архиереев занять административную должность и заставило их «изменить свое отношение к Кириллу, поскольку оба хотели стать председателями»³⁴².

3 января 1953 года Синодом было принято решение «созвать 8–10 мая с.г. церковно-народный собор, который будет работать согласно гл. 16, ч. II устава как патриарший, и будет выбран Болгарский патриарх и Софийский митрополит»³⁴³. После этого решения началась активная подготовка к проведению собора и выборов Патриарха. По просьбе митрополита Кирилла

³⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 78.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 78.

³⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 79.

³⁴³ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 741. Л. 1.

государство выделило 400 000 левов для проведения торжественных мероприятий и пообещало выделить необходимый транспорт для обслуживания приезжающих делегаций Поместных Церквей.

В рамках подготовки к собору и во исполнение постановления Синода избрать на вакантную Софийскую кафедру архиерея митрополит Кирилл попытался реабилитировать бывшего экзарха Стефана. Желание главы Синода вернуть к управлению Софийской епархией митрополита Стефана созрело еще летом 1952 года, во время визита митрополита Николая в Болгарию. Чувствуя поддержку со стороны государства и Русской Церкви, Кирилл был уверен в своих позициях кандидата в Патриархи. Эта уверенность стала причиной решения «оставить за собой Пловдивскую епархию, а на Софийскую вернуть бывшего экзарха Стефана»³⁴⁴. Конфликты между митрополитами и дестабилизация работы Синода приостановили осуществление задуманного.

В начале 1953 года митрополит Кирилл возобновил работу по восстановлению митрополита Стефана в должности управляющего Софийской епархией. Посредником, осуществлявшим переговоры между митрополитами Кириллом и Стефаном, был протосингел³⁴⁵ Сливенской епархии архимандрит Мефодий, бывший личный секретарь смещенного экзарха.

В середине января 1953 года состоялась встреча бывшего и действующего предстоятелей Болгарской Церкви. В беседе митрополит Стефан дал понять, что «благосклонно принимает предложение владыки Кирилла»³⁴⁶. Но спустя несколько часов за обедом митрополит Стефан говорил уже обратное. Теперь его не удовлетворяло такое предложение, бывший экзарх высказывал мысли, что «он остается не только Софийским митрополитом, но и предстоятелем Болгарской Церкви, что никакого другого патриарха, пока он жив, не может быть»³⁴⁷. Разговор в таком ключе расстроил все планы митрополита Кирилла, и он решил больше не возвращаться к этой идее.

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 17.

³⁴⁵ Ближайший помощник Патриарха или правящего архиерея в сане архимандрита. Должность сопоставима с должностью секретаря епархиального управления в современной Русской Православной Церкви.

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 17.

³⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 17.

Так желание митрополита Кирилла исправить ошибки прошлого было разбито о камень честолубия бывшего экзарха Стефана.

27 апреля 1953 года на заседании Синода Болгарской Церкви были избраны три кандидата на патриарший престол – митрополиты Пловдивский Кирилл, Видинский Неофит и Старозагорский Климент³⁴⁸. Избрание трех кандидатов на Синоде и утверждение их болгарским правительством было необходимой формальностью, обусловленной частью пятой 15-й главы устава Болгарской Церкви.

К этому времени всем главам Поместных Православных Церквей уже были разосланы приглашения на выборы и интронизацию Болгарского Патриарха. Для участия в этих торжественных мероприятиях от Русской Православной Церкви была направлена делегация в составе митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, архиепископа Минского и Белорусского Питирима и священника Михаила Чуба. Также из Москвы приехали в Софию настоятель храма-подворья Антиохийской Православной Церкви в Москве архимандрит Василий (Самаха) и настоятель храма-подворья Болгарской Православной Церкви в Москве архимандрит Максим (Минков).

8 мая 1953 года открылся Третий церковно-народный собор. Все архиереи Болгарской Церкви и члены собора (без иностранных гостей) собрались для молитвы в храме св. Софии³⁴⁹. После молебна участники направились торжественным шествием в здание Болгарской академии наук, в актовом зале которого и проходил собор. После завершения первой части работы собора для непосредственно выборов Патриарха были приглашены главы и члены делегаций Поместных Церквей. Из-за затяжек в работе собора вторую часть перенесли на следующий день.

9 мая все участники собора в полном составе собрались на второе заседание. По настоянию председателя – митрополита Кирилла – на этом заседании сначала были внесены и утверждены поправки в устав Болгарской

³⁴⁸ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 741. Л. 33.

³⁴⁹ Църковен вестник. 1953. № 19–22. С. 7.

Православной Церкви. Существенным добавлением к статье 14 устава 1951 года стал пункт 3: «Если патриарх по собственному желанию уйдет в отставку с патриаршеского престола, то он займет свою митрополитскую кафедру, если она будет свободна»³⁵⁰. Этим пунктом митрополит Кирилл обезопасил себя от того положения, в которое попал его предшественник, митрополит Стефан.

Статья 40 устава, регламентирующая работу Верховного церковного совета (ВЦС) при Синоде, также была отредактирована. Первоначальный вариант статьи предполагал, что ВЦС должен возглавляться Патриархом или его заместителем, новая же редакция предполагала в качестве председателя митрополита из малого состава Синода, причем избранного полным составом Синода на тот же срок, на который он избирался в малый состав. Аташе посольства СССР в Болгарии М. Петров так прокомментировал внесенные в эту статью коррективы: «Изменение этой статьи диктовалось и чисто личными соображениями самого Кирилла, который хотел привлечь на свою сторону одного из своих противников, в данном случае митрополита Иосифа, предоставив ему пост председателя этого совета»³⁵¹. И действительно, спустя месяц митрополит Варненский и Преславский Иосиф был избран Синодом на должность председателя ВЦС.

Вечером 9 мая все делегации «собрались в Синодальной палате для встречи и знакомства с архиереями Болгарской Православной Церкви»³⁵².

10 мая 1953 года в Синодальном храме была отслужена литургия с участием всех членов Церковного собора. Затем в Синодальных палатах открылось последнее заседание Патриаршего избирательного церковно-народного собора. В результате тайного голосования за митрополита Кирилла было отдано 104 голоса из 107 поданных бюллетеней, за митрополита Неофита один голос, два признали недействительными³⁵³. После избрания все участники Собора отправились на торжественный молебен в кафедральный Александро-Невский собор. После благодарственного молебна все главы делегаций Поместных Православных Церквей поздравили Патриарха Кирилла с избранием. Митрополит Григорий от

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 152.

³⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 153.

³⁵² ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 741. Л. 62.

³⁵³ Църковен вестник. 1953. № 19–22. С. 21.

имени Патриарха Алексия передал новоизбранному главе Болгарской Церкви приветственное письмо и панагию. Отметим, что во время последней части богослужения – многолетия – по настоянию архиереев из группы митрополита Паисия Патриарх поминался только после Синода. По словам члена русской делегации священника Михаила Чуба этот вопрос «серьезно дебатировался»³⁵⁴, и все делегации следовали определенному болгарской стороной протоколу. Согласно же русской традиции возгласение многолетия совершается наоборот: Патриарх, а затем Синод, – и когда очередь дошла до митрополита Григория, то «первым было провозглашено патриарху Кириллу, а потом Синоду»³⁵⁵. Так делегация Московской Патриархии принципиально обозначила каноническое старшинство в церковно-административном управлении Болгарской Церковью и утвердила высочайшую роль Патриарха в ее жизни.

Вечером того же дня в честь новоизбранного Патриарха и прибывших гостей от имени правительства был устроен торжественный прием, на котором произносились речи по большей части светскими лицами, посвященные вопросам борьбы за мир.

За время пребывания русской делегации в Болгарии принимающая сторона, несмотря на присутствие других глав Поместных Церквей, на всех торжественных мероприятиях предоставляла ей самые почетные места и оказывала особые знаки внимания. По свидетельству посла СССР в Болгарии М. Ф. Бодрова, «делегации Русской и Грузинской³⁵⁶ Церквей во время пребывания в Болгарии вели себя с достоинством»³⁵⁷.

16 мая состоялось заседание Синода Болгарской Церкви с участием «делегаций от поместных православных Церквей – Русской, Румынской, Грузинской, Польской, Чехословацкой и Антиохийской»³⁵⁸, протокол которого был подписан всеми участниками. На соборе и Синоде не присутствовали

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 109. Л. 83–97.

³⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 84.

³⁵⁶ Упоминание послом Грузинской Православной Церкви связано с тем, что ее представитель, епископ Батумский Гавриил, получал визу по просьбе Патриарха Алексия в Москве как член делегации Русской Церкви, а затем и прибыл с ней в Болгарию на одном самолете. На всех торжественных мероприятиях обе делегации также находились вместе.

³⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1012. Л. 134.

³⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 86.

делегации от Александрийской, Иерусалимской, Сербской, Греческой, Кипрской и Албанской Церквей, но они в знак солидарности с присутствующими на соборе Поместными Церквами прислали Патриарху Кириллу поздравительные телеграммы.

Недовольство по поводу избрания Патриарха в Болгарии было выражено только Константинопольским Патриархом Афинагором. По сообщению Антиохийского Патриарха Александра, «Константинопольский патриарх Афинагор, узнав о предстоящих выборах патриарха Болгарской церкви, прислал к нему двух делегатов с просьбой не признавать установление патриаршества в Болгарии»³⁵⁹. Но Патриарх Александр поступил по своему усмотрению, решив, что «нет основания не признавать вновь избранного патриарха»³⁶⁰, тем более что он уже отправил своего представителя архимандрита Василия (Самаху) на собор в Болгарию.

Константинопольский Патриарх продолжил выражать несогласие с выборами Патриарха в Болгарии. Он направил своих делегатов к другим соседним древним Церквам, в Александрийский и Иерусалимский патриархаты, но и эти его усилия также были тщетны. Протест от Афинагора получил и Патриарх Алексей, реакции от которого не последовало.

Более того, представитель Антиохийской Церкви в поздравительном слове заверил новоизбранного первоиерарха Болгарской Церкви, что Антиохийский Патриарх полностью поддерживает «его восшествие на славную и достойную кафедру в семейство вселенской православной Церкви»³⁶¹. Особо интересной была вторая часть его речи, в которой была высказана четкая позиция Антиохийской Церкви по отношению к Русской и Болгарской Церквам: «В жизни нашей Церкви и нашего народа есть много общего. Эта общность, прежде всего, выражается в том, что наши народы боролись за освобождение и независимость своего Отечества и Церкви. Эта общность выражается еще и в том, что наши Церкви и наши народы все время питают высокие чувства любви и

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 83.

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 83.

³⁶¹ Църковен вестник. 1953. № 19–22. С. 26.

признательности к могучей Русской Православной Церкви и великому русскому народу. Наша любовь к русскому народу передавалась из поколения в поколение и всегда получала взаимную любовь и поддержку от славной матушки Руси, которая в дни страдания и бедствия не только проливала слезы, но и героически воевала за освобождение нашего народа и Церкви от насилия и гнета, причинявшего общим врагом»³⁶².

Глава Болгарской Церкви получил поздравление и от настоятеля одного из двух болгарских приходов в Стамбуле. Эта весть из древнего Константинополя посеяла в нем надежду на его признание в патриаршем достоинстве Вселенским Патриархом. Свое предположение Кирилл основывал на известном ему факте хороших отношений Патриарха Афинагора с этим настоятелем. Поэтому-то это приветствие и было воспринято новоизбранным первоиерархом «как признак надежды на признание его патриархом Афинагором»³⁶³. Но этим предположениям и надеждам не суждено было сбыться – со стороны Константинополя продолжалась работа по дискредитации Болгарского Патриарха.

Патриарх Кирилл, хотя и признанный почти всеми Поместными Церквями, был озабочен позицией Константинопольского патриархата. На упомянутом выше заседании Синода, когда протокол уже был подписан всеми представителями Поместных Церквей, Патриарх с сожалением заявил: «Скорбим, что на наше приглашение, наполненное любовью и глубоким уважением, Его Святейшество Вселенский патриарх не отреагировал. Скорбим, потому что мы слишком высоко ценили и уважали наставления как Святого Вселенского престола, так и возглавляющего его святейшего Афинагора, но скорбим еще и потому, что слишком сильно дорожим единством святой вселенской Церкви»³⁶⁴.

Обострившиеся взаимоотношения между Патриархами Афинагором и Кириллом рассматривались другими Поместными Церквями как амбициозные притязания Константинопольского патриархата на право единоличного дарования автокефалии, не считаясь с голосами подавляющего большинства своих

³⁶² Църковен вестник. 1953. № 19–22. С. 26.

³⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 84.

³⁶⁴ Църковен вестник. 1953. № 19–22. С. 32.

собратьев. Этим во многом объясняется принципиальная позиция этих Церквей – признание болгарского патриаршества вопреки мнению Константинополя.

Официальная часть торжеств закончилась 17 мая. После проведения всех запланированных мероприятий Патриарх Кирилл предпринял попытку урегулировать отношения с Вселенским Патриархом. Он направил в адрес Константинопольского престола обширное послание, в котором, приводя исторические факты не только из истории Болгарской Церкви, но и из истории иных Поместных Церквей, обосновал необходимость и законность восстановления патриаршества в Болгарии. Святейший акцентировал внимание своего собрата на том, что «Болгарская автокефальная Церковь не возвела себя в степень патриархии, а лишь восстановила свое древнее патриаршеское достоинство, как об этом сказано во всех официальных актах, изданных по случаю возобновления патриаршества»³⁶⁵. В качестве одного из примеров он привел историю восстановления патриаршества в Русской Церкви на Поместном соборе 1917–1918 гг. Автор послания отмечал, что Русская Православная Церковь «восстановила патриаршеское достоинство своей внутренней властью, в силу ранее приобретенного канонического права, без какой-либо просьбы с ее стороны или обращения к кому-либо, не встретив при этом возражения против этого закономерного акта со стороны какой-либо из святых православных Церквей»³⁶⁶. Заостряя внимание на аналогичных прецедентах из истории Поместных Церквей, Патриарх Кирилл старался убедить Афинагора в «необходимости времени» восстановления патриаршества. Он с уважением признавал, что Константинопольский патриархат остается матерью по отношению к Болгарской Церкви, но в то же время утверждал, что ее дитя – Автокефальная Церковь – лишь придерживается своих законно приобретенных полномочий. Лейтмотивом послания был посыл, что Болгарская Православная Церковь «восстановив свои права и привилегии, нарушенные фактически обстоятельствами времени... не сочла необходимым обращаться к святому Вселенскому и Апостольскому

³⁶⁵ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 3291. Л. 77.

³⁶⁶ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 3291. Л. 83.

престолу за их вторичным признанием, равным их учреждению, происшедшему в отдаленном прошлом, и которое, согласно установленному каноническому порядку, она с полным правом и достоинством считает своим достоянием»³⁶⁷.

Патриарх Афинагор упорствовал в желании считать недействительным и антиканоничным восстановление патриаршества в Болгарской Церкви без его согласия и особой на то резолюции. Сформировавшаяся искусственная конфронтация между Болгарской и Константинопольской Церквями привела к тому, что последняя не признавала восстановление патриаршества в Болгарии на протяжении почти 10 лет.

Болгарская Православная Церковь после Третьего церковно-народного собора, кардинально изменившего ее церковно-административную структуру, перешла к формированию и новых церковно-государственных отношений. Патриарх Кирилл осознавал необходимость выстраивания конструктивного диалога с болгарским руководством как залог укрепления авторитета Церкви и на международной площадке, и в собственном отечестве. Глава Болгарской Церкви в статусе Патриарха при поддержке правительства мог уже более смело и решительно участвовать в церковно-административных реформах, необходимых для нормализации общего климата религиозной жизни Болгарии.

2.3. Развитие русско-болгарских межцерковных отношений в контексте положения РПЦ в 1953–1962 гг.

С восстановлением патриаршества в Болгарии определился новый вектор во взаимоотношениях с другими Поместными Православными Церквями. Болгарская Церковь, как упоминалось выше, вошла в семью Поместных Церквей, не достигнув консенсуса в вопросе признания ее в статусе патриархата. Перед Патриархом Кириллом стояла сложная и ответственная задача – достигнуть согласия в решении этой проблемы со всеми главами Поместных Церквей. В Болгарии и епископат, и духовенство, а особенно архиереи, которые «продолжали

³⁶⁷ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 3291. Л. 83.

быть в оппозиции к Кириллу»³⁶⁸, ждали от нового Патриарха разрешения создавшегося конфликта с Вселенским патриархатом. Второй не менее важной задачей нового главы Болгарской Церкви оставалось укрепление своего авторитета среди болгарского клира и мирян.

Непоколебимость Константинопольского Патриарха Афинагора в решении не признавать восстановление патриаршества в Болгарии и его давление в этом вопросе на другие Поместные Церкви ставили под сомнение статус Болгарского Патриарха. В письме к митрополиту Николаю (Ярушевичу) Патриарх Кирилл писал: «Имеются сведения, что из Константинопольской патриархии выходит по этому поводу направление и односторонние осведомления в западноевропейской церковно-богословской печати, которые имеют целью компрометировать св. Болгарскую Православную Церковь. Между прочим, Его Святейшество сделал заявление перед Нью-Йорк Таймс, в котором не скрывает свою неприязнь к Болгарской Церкви, очень мелочно подбрасывая интригу, что мы будто бы намереваемся поднять запрос о церковном ведомстве в Македонии»³⁶⁹. В другом письме, посвященном обострившимся отношениям с Сербской Церковью, Кирилл отмечал: «Сербская св. Православная Церковь принимает пока не совсем определенное отношение к большому в нашей церковной истории факту – восстановлению патриархии»³⁷⁰.

Указанные проблемы, масштаб которых увеличился сразу после избрания главы Болгарской Церкви, заставили Патриарха Кирилла еще активнее развивать взаимоотношения с Русской Церковью. Было ясно, что без авторитета и влияния РПЦ решить эти вопросы не удастся. Вместе с тем, возможности русских иерархов также были напрямую связаны с тем положением, которое занимала Церковь в СССР и на международной арене.

Еще во время пребывания митрополита Григория на торжествах в Софии Патриарх Кирилл изъявил желание «побывать в СССР в текущем году вместе с

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1012. Л. 133.

³⁶⁹ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 3291. Л. 4.

³⁷⁰ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 3291. Л. 114.

митрополитом Паисием, чтобы успешнее склонить его на свою сторону»³⁷¹. И вскоре после избрания нового Патриарха началась интенсивная подготовка визита главы Болгарской Церкви в Россию. Впоследствии этот визит болгарского первоиерарха оказал влияние не только на развитие русско-болгарских связей, но и на положение Церкви в СССР.

11 января 1954 года Совет Министров СССР постановил разрешить «въезд в СССР сроком на 15 дней патриарху Болгарской Православной Церкви Кириллу (Константинов Коста Марков) и 5 сопровождающим его лицам»³⁷². Вслед за положительной резолюцией государственного аппарата СССР 23 января 1954 года Патриарх Алексей направил приглашение Патриарху Кириллу принять участие в праздновании памяти преподобного Сергия Радонежского 18 июля того же года.

16 июля 1954 года делегация Болгарской Церкви прибыла в Москву. В состав официальной делегации вместе с Патриархом Кириллом вошли «члены Священного Синода Болгарской Церкви – Врачанский митрополит Паисий, Ловчанский митрополит Филарет, епископ Главиницкий Стефан и священноэконом Иван Юлиев»³⁷³.

На следующий день, 17 июля, церковная делегация посетила болгарское посольство и председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова, а затем отправилась на торжества в Троице-Сергиеву лавру. В этот же день на поезде из Софии в Москву прибыл директор вероисповеданий М. Кючуков. Чиновник также нанес визит в болгарское посольство и Совет по делам РПЦ. Характерно то, что болгарским церковным и государственным представителям принципиально не дали возможности совместно участвовать в официальных встречах как в посольстве, так и в Совете по делам РПЦ. Причиной могли быть разные по содержанию рекомендации для Церкви и госаппарата, подготовленные Советом по делам РПЦ, содержание которых должно было оставаться конфиденциальным.

³⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1012. Л. 133.

³⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 49.

³⁷³ Димов И. Р. Болгаро-русские Церковные взаимоотношения в XX веке. С. 167.

18 июля в Троице-Сергиевой лавре была отслужена литургия и проведен торжественный обед в покоях Патриарха. Затем в актовом зале Московской духовной академии за «гомилетическую и научно-историческую исследовательскую книжную деятельность»³⁷⁴ Патриарх Кирилл был провозглашен почетным доктором богословия.

Вся программа пребывания в России болгарской делегации была выстроена так, что церковные службы чередовались со светскими мероприятиями, бывшими плодотворной площадкой для укрепления русско-болгарских отношений.

По мнению И. Р. Димова, основной целью визита было намерение Патриарха Кирилла «лично высказать свою и Болгарской Церкви благодарность за содействие Московского патриаршего престола в восстановлении патриархии в Болгарии и за участие русских церковных представителей в торжествах по интронизации болгарского первоиерарха»³⁷⁵. Но эту причину ошибочно считать главной, помимо нее в контексте межцерковных отношений было несколько иных важных оснований для приезда болгарской делегации в Россию.

Со второй половины 40-х годов XX века внешнеполитический и внешнецерковный курс Болгарии был переориентирован на сотрудничество с Советским Союзом и Русской Церковью. Именно в контексте этого сотрудничества Церковь в Болгарии получила статус патриархии. Патриарх Кирилл осознавал, что для усиления своего авторитета во внутрицерковной жизни и внешней деятельности следует не только уделять внимание официальным межцерковным отношениям, но и укреплять личные дружественные связи с русскими иерархами.

С 1954 года началась эскалация антирелигиозной пропаганды, на фоне которой Болгарская патриархия стала остро ощущать финансовые и другие материальные проблемы. Касательно положения Церкви в Болгарии в этот период архимандрит Сергей, настоятель храма-памятника на Шипке, отмечал: «Сейчас в отношениях Церкви с государством в Болгарии растет взаимное понимание и

³⁷⁴ Там же, с. 168.

³⁷⁵ Димов И. Р. Болгаро-Русские Церковные взаимоотношения в XX веке. С. 167.

уважение, но антирелигиозная деятельность наносит в первую очередь серьезный ущерб материальной базе православной Церкви и самих священников»³⁷⁶. Вследствие начавшихся трудностей во время пребывания в СССР Патриарх Кирилл старался в личных беседах с государственными чиновниками и сотрудниками Московской Патриархии акцентировать внимание на плачевном материальном положении Болгарской Церкви. На одной из встреч глава болгарской делегации обратился к Патриарху Алексию с просьбой выделить для Болгарской Церкви богослужебные книги, которые печатаются в Советском Союзе по ходатайству Московской Патриархии. При этом Патриарх Кирилл заметил, что «Болгарская Православная Церковь не имела и не имеет своих типографий и всегда пользовалась богослужебными книгами, присылаемыми из России»³⁷⁷. Предстоятель Русской Церкви согласился помочь с приобретением необходимых книг.

Несмотря на то, что в Москве была возможность печатать богослужебные книги для Московской Патриархии, процесс получения их представлял определенные сложности. И когда Патриархия обратилась в Совет по делам РПЦ с просьбой увеличить тираж печати в пользу Болгарской Церкви, начались долгие проверки и письменные обращения в правительство Болгарии на предмет целесообразности и необходимости такого заказа.

Один из членов болгарской делегации – митрополит Паисий – во время пребывания в Москве попытался дискредитировать Патриарха Кирилла в глазах русских иерархов. Эта акция вызвала недоумение у митрополита Николая (Ярушевича). Без согласования с главой делегации Паисий попросил митрополита Николая оказать содействие в отправлении одного русского молодого человека в Женеву для прохождения экуменических курсов, организованных Римским папой, куда в скором времени должен был отправиться и секретарь Синода епископ Иона. Как отмечает 1-й секретарь посольства СССР в Болгарии В. Внуков, «последнее замечание весьма удивило Николая Крутицкого и возмутило

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 57.

³⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 63.

патриарха Кирилла»³⁷⁸. Возмущение Патриарха было естественным и обоснованным: во-первых, ранее епископ Иона уже получил отказ от своего Патриарха на такую командировку, а во-вторых, решать такой вопрос, минуя Патриарха, было не в компетенции Врачанского митрополита. По мнению М. Ключукова, провокация митрополита Паисия была заранее спланирована с тем, чтобы «представить в плохом свете Кирилла перед русской патриархией»³⁷⁹. Большую роль здесь сыграла реакция митрополита Николая, осудившего самовольную инициативу митрополита Паисия указанием на значение Патриарха в жизни Церкви.

Патриарх Кирилл на переговорах со своим собратом-предстоятелем высказывал обеспокоенность в связи с усилившейся антирелигиозной деятельностью властей, дискриминировавших Церковь через печатную продукцию. Болгарского Патриарха интересовало отношение Патриарха Алексия к советскому правительству, которое в этот период также усиливало давление на Церковь. Более того, высокому гостю желательно было получить от Патриарха Алексия выработанные инструкции, которые помогли бы наладить конструктивные взаимоотношения с правительством и снизить давление на Болгарскую Церковь. Патриарх Кирилл считал, что церковно-государственные отношения в СССР выстраиваются в правильной парадигме: «О нормальной жизни Церкви свидетельствует тот факт, что Русская Православная Церковь при содействии советского государства приступила к печатанию нового издания богослужебных книг»³⁸⁰. Также его удивлял тот факт, что Русская Церковь, не получая никаких субсидий от государства, «находится в завидно хорошем материальном положении»³⁸¹. В действительности же Церковь в СССР переживала серьезный спад во взаимоотношениях с государством, поэтому Патриарх Алексей в поддержку смог лишь только высказаться, что

³⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 74.

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 74.

³⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 75.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 75.

антицерковная идеология в печати «не является вмешательством в права Церкви»³⁸².

Тот же вопрос глава болгарской делегации затронул и в беседе с Г. Г. Карповым. Последний высказал личное мнение, не совпадавшее с действительной генеральной линией руководства страны: «Русская Православная Церковь в настоящее время находится в хорошем положении и в дальнейшем будет еще в лучшем»³⁸³. Оптимистичные взгляды председателя Совета по делам РПЦ воодушевили Патриарха Кирилла, а самого Г. Г. Карпова дискредитировали в глазах советского правительства. Вернувшись из России в Болгарию, Патриарх Кирилл в беседе с руководителем Дирекции вероисповеданий при Совете министров М. Кючуковым пересказал беседу с Г. Г. Карповым, обращая внимание собеседника на вышеприведенные слова его коллеги из Москвы. Иерарх, ссылаясь на авторитет советского чиновника, хотел таким образом добиться сохранения субсидий Болгарской Церкви в 1955 году на уровне 1954 года.

Правительство Болгарии немедленно сообщило в Совет по делам РПЦ высказанный оптимистический взгляд Патриарха Кирилла на развитие церковно-государственных отношений в Болгарии. Г. Г. Карпов, оценив надвигающуюся на него угрозу, постарался незамедлительно реабилитироваться. Через Посольство СССР в Болгарии было сообщено председателю Дирекции вероисповеданий М. Кючукову, что «патриарх Кирилл сознательно или бессознательно исказил смысл заявления т. Карпова»³⁸⁴, поэтому совет попросил «сообщить Кючукову истинный смысл заявления т. Карпова»³⁸⁵. Градус напряжения был снижен, а высказывание председателя Совета по делам РПЦ интерпретировалось теперь так: «В настоящее время отношения между Русской Православной Церковью и государством хорошие и что он (Г. Г. Карпов. – *Иерд. Е.*) надеется, что и в дальнейшем они останутся нормальными»³⁸⁶.

³⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 75.

³⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 75.

³⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 90.

³⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 90.

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 135.

Пока выяснялись отношения между правительствами двух стран и из Совета не пришла еще пояснительная записка, Патриарх Кирилл использовал полученную от Г. Г. Карпова информацию в своих интересах. Ссылаясь на динамично развивающиеся отношения Совета по делам РПЦ с Московской Патриархией, он убедил М. Кючукова просить госплан выделить субсидии на глобальное церковное строительство. Изначально госплан выделил только 450 000 левов, чего было недостаточно даже на закупку материалов. После же вмешательства главы Дирекции вероисповеданий финансирование увеличилось до 950 000 левов.

Резюмируя вышесказанное, следует сказать, что визит болгарской делегации в Москву позволил Патриарху Кириллу лучше увидеть реальную систему церковно-государственных взаимоотношений в Советском Союзе. Пообщавшись с представителями церковной и государственной власти на предмет сосуществования коммунистической и религиозной идеологий в СССР, Патриарх Кирилл скорректировал существующий курс Болгарской Церкви во взаимоотношениях с государством. Одним из основных способов ведения церковно-государственного диалога для Болгарского Патриарха стало применение дипломатических приемов. Яркий пример – посещение Патриархом Кириллом совместно с полным составом Синода и М. Кючуковым Врачанской и Видинской митрополий. Эта поездка была спланирована в контексте мероприятий по восстановлению патриаршества в Болгарии и по случаю 30-летия митрополичьей деятельности Видинского митрополита Неофита. По решению Патриарха Кирилла церковные торжества были намечены на те дни, когда Болгария праздновала годовщину Октябрьской революции, что вызвало негодование со стороны правительства. Этот дипломатический шаг был заранее просчитан и имел целью привлечь внимание общественности, которая активно принимала участие в праздновании трагического события. В связи с таким неслучайным совпадением М. Кючукову было поручено контролировать активную просветительскую деятельность церковной делегации во время поездки по стране. Как отметил сам М. Кючуков, он «старался делать все возможное,

чтобы поездка Кирилла не помешала празднованию (годовщины Октябрьской революции. – *Иерд. Е.*)»³⁸⁷. Несмотря на ограничения и контроль со стороны директора вероисповеданий, глава Болгарской Церкви все же осуществил свои намерения совместить с программой государственных мероприятий и церковные торжества.

Этот случай показателен – укрепление и развитие двусторонних отношений с Русской Православной Церковью позволили Болгарской патриархии более уверенно вести диалог с коммунистическим государством. Спустя три года, продолжая работу по улучшению этих отношений, Болгарская патриархия пригласила Патриарха Алексия на торжества, посвященные 80-й годовщине освобождения Болгарии от 500-летнего турецкого ига. Этот визит стал следующим важным шагом русско-болгарского церковного сотрудничества.

Мероприятия, посвященные освобождению Болгарии от турецкого ига, были намечены на сентябрь 1957 года. В приглашении Патриарху датой начала торжеств значилось 12 сентября. Патриарх Алексей «обратился в Совет с просьбой оказать содействие в получении разрешения на посылку в Болгарию в сентябре месяце с.г. сроком на 2 недели делегации Русской Православной Церкви во главе с патриархом Алексием или митрополитом Николаем»³⁸⁸. По ходатайству Г. Г. Карпова Совет министров СССР дал согласие Московской Патриархии на визит церковной делегации во главе с самим Патриархом.

Центром проведения основных торжеств был избран храм-памятник Рождества Христова на Шипкинском перевале. Болгарская патриархия предложила провести комплексную реставрацию храма к намеченным торжествам. Государство поддержало эту идею, и по распоряжению Синода была создана комиссия для составления сметы и осуществления контроля реставрационных работ. Сроки сдачи объекта были сжатые, финансирование из государственного бюджета ограничено, и Патриарху Кириллу ничего иного не оставалось, как обратиться за финансовой и материальной помощью к

³⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1213. Л. 133.

³⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1534. Л. 38.

Московской Патриархии. Патриарх Алексей отреагировал на просьбу с большим энтузиазмом. Русская Православная Церковь присылала недостающие материалы для продолжения реставрационных работ, и материалы эти были самые ценные и необходимые. Один из отчетов комиссии свидетельствует: «Необходимое количество золота и материалов для позолоты было направлено от Его Святейшества патриарха Московского и всея Руси Алексия»³⁸⁹. При финансовой поддержке Московской Патриархии была произведена «вторичная реставрация росписей церкви св. Николая храма-памятника Рождества Христова на Шипке»³⁹⁰, которую провел коллектив под руководством Николая Ростовцева³⁹¹.

В июне 1957 года отставание от намеченного графика реставрации было уже серьезным, и по просьбе болгарского министерства культуры из Ленинграда было направлено два специалиста «по золочению церковных куполов на храме-памятнике Русской славы на Шипке»³⁹². Следует отметить, что «сусальное золото, специальные лаки, необходимые для этой работы и валюта для оплаты расходов по ремонту»³⁹³ были выделены из государственного бюджета СССР.

Итак, только благодаря активной помощи Русской Православной Церкви и советских властей реставрация храмового комплекса на Шипке была успешно завершена к назначенному сроку.

10 сентября 1957 года делегация Русской Православной Церкви во главе с Патриархом Алексием прибыла в Софию. В состав делегации вошли: митрополит Минский и Белорусский Питирим, архиепископ Одесский и Херсонский Борис, епископ Смоленский и Дорогобужский Михаил, наместник Свято-Успенского монастыря в Одессе игумен Александр, Даниил Андреевич Остапов, доцент Московской духовной академии Алексей Данилович Остапов, насельник Троице-Сергиевой лавры иеродиакон Платон.

12 сентября у подножия Шипкинских вершин прошли мероприятия, посвященные 80-й годовщине освобождения Болгарии от турецкого ига. Два

³⁸⁹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 7. Д. 92. Л. 8.

³⁹⁰ Ростовцев Николай Евгеньевич / Сост. [О. Л. Лейкинд](#), [К. В. Махров](#), [Д. Я. Северюхин](#) // Искусство и архитектура русского зарубежья. URL: <http://www.artz.ru/1804786194.html>.

³⁹¹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 7. Д. 92. Л. 6.

³⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1534. Л. 40.

³⁹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1534. Л. 40.

Патриарха отслужили праздничную литургию в отреставрированном храме-памятнике в честь Рождества Христова. Патриарх Кирилл после литургии обратился со словом к своему русскому собрату, в котором отметил, что «Шипка – имя, вечно символизирующее для болгарского народа живую благодарность и признательность братьям-освободителям. Шипка – залог вечной дружбы и братства русского и болгарского народов»³⁹⁴.

За время пребывания в Болгарии гости посетили все крупные древние монастыри, несколько городов, где участвовали в приемах и праздничных мероприятиях, а также приняли участие во встрече в Духовной академии св. Климента Охридского. На этом мероприятии доцент Московской духовной академии А. Д. Остапов произнес приветствие от лица преподавателей и учащихся Московских духовных школ. Одним из важных событий по укреплению русско-болгарских церковных отношений стало участие русских архиереев в заседании Синода Болгарской Церкви.

19 сентября 1957 года открылось совместное заседание Синода. Во вступительном слове его председатель Патриарх Кирилл подчеркнул, что Русская Церковь играет большую роль в укреплении и сохранении связей между братскими Церквями: «Нам не было отказано ни в сочувствии, ни в содействии, ни в братской помощи. Благодаря этому мы с полным спокойствием можем уповать на святую Русскую Православную Церковь как на крепкую твердыню вселенского православия»³⁹⁵.

На заседании были подняты вопросы, касающиеся как двусторонних церковных отношений, так и взаимоотношений с остальными Поместными Церквями. С Болгарской стороны было предложено усилить общение между Церквями, установив для этого наиболее благоприятные формы. Остро стоял вопрос отношений с некоторыми Церквями: внимание русских архиереев было остановлено на тех предстоятелях, которые либо не признавали восстановления патриаршества в Болгарии, либо были в напряженных отношениях с Патриархом

³⁹⁴ Димов И. Р. Болгаро-русские церковные взаимоотношения в XX веке. С. 173.

³⁹⁵ Святейший Патриарх Алексий с делегацией Русской Православной Церкви в гостях у Православной Церкви Болгарии // ЖМП. 1957. № 10. С. 67.

Кириллом. Была озвучена необходимость изменения формата межцерковных отношений, который в основном выражался, по мнению болгарской стороны, в «протокольных приветствиях и выражениях почтительности и уважения»³⁹⁶. По справедливому предложению Патриарха Кирилла, требовалось выстроить взаимоотношения так, «чтобы они были действительными и затрагивали общие проблемы православной жизни. Это в значительной мере способствовало бы устранению недоразумений, существовавших и продолжающих существовать между некоторыми из православных Церквей»³⁹⁷. В этом пассаже глава Болгарской Церкви имел в виду, конечно же, многолетние сложности с Константинопольским Патриархом Афинагором в вопросе признания восстановленного в Болгарии патриаршества.

На фоне напряженных отношений с Константинопольской патриархией был поднят вопрос о положении негреческих монастырей на Афоне, напрямую касавшийся и русского Пантелеимонова монастыря. Греческие власти и Константинопольский Патриарх ограничили поступление негреческих иноков в монастыри на Святой Горе, и это стало проблемой для всех Церквей, чьи монастыри были на Афоне. В результате этих действий славянские афонские обители медленно, но верно стали приходить в упадок и запустение. Патриарх Кирилл обратил на это внимание участников заседания: «Положение негреческих монастырей на Афоне не только не улучшилось, а напротив, со дня на день ухудшается вследствие уменьшения числа монастырских братий и материальных затруднений. Ходатайства в последние годы перед святейшим Вселенским престолом о принятии в афонские негреческие монастыри иноков из наших православных стран не дали никаких результатов»³⁹⁸.

Посягательства руководства Фанара³⁹⁹ на единоличное управление Афонской Горой вызывали серьезную озабоченность не только у священноначалия Поместных Церквей, но и у православной общественности. Во

³⁹⁶ Димов И. Р. Болгаро-русские церковные взаимоотношения в XX веке. С. 178.

³⁹⁷ Димов И. Р. Болгаро-русские церковные взаимоотношения в XX веке. С. 178.

³⁹⁸ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. С. 312.

³⁹⁹ Фанар – исторический район в Стамбуле, в котором расположена резиденция Константинопольского Патриарха. Поэтому Вселенского Патриарха нередко именуют просто Фанар.

время пребывания Патриарха Алексия в Болгарии на его имя и на имя Патриарха Кирилла было направлено письмо от представителя русских монастырей, скитов и келий на Горе Афон в Болгарии Ангела Николова, в котором было описано печальное положение славянских монастырей на Святой Горе. В тоне речи болгарского Патриарха он отмечал: «Святогорские славянские монахи сегодня испытывают трудное материальное положение, но, несмотря на это, они будут продолжать там находиться, чтобы не допустить угаснуть пламени, которое там мерцает и поддерживает славянство»⁴⁰⁰. Автор обратился с просьбой к Патриарху Алексию, чтобы последний ходатайствовал перед советским правительством о помощи в разрешении этого вопроса. Также в письме он предлагал, чтобы СССР обратился через дипломатические каналы к греческому правительству и Константинопольскому патриарху с просьбой разрешить молодым монахам из разных стран поступать в негреческие монастыри⁴⁰¹.

Это обращение не осталось без внимания и на заседании Синода и было учтено при составлении журнала по этому вопросу. Болгарский первоиерарх весьма резко подытожил обсуждение: «Не желая быть судьями кого бы то ни было, мы считаем, что пришло время разрешить в благоприятном смысле этот вопрос, поставленный Поместными Церквами»⁴⁰².

Еще один важный вопрос, рассмотренный на заседании Синода, касался насущной общемировой темы движения за мир. После обсуждения «было принято обращение, подписанное предстоятелями и архиереями Русской и Болгарской Православных Церквей в защиту мира и против употребления атомного и термоядерного оружия и опытов с этим оружием»⁴⁰³. Обращение гласило, что «человечество живет в напряжении из-за опасности возникновения атомной войны. Имея в виду утверждения ученых всего мира, становится ясным то, что само испытание этого оружия является большим злом для человечества,

⁴⁰⁰ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 1085. Л. 7.

⁴⁰¹ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 1085. Л. 7.

⁴⁰² Димов И. Р. Болгаро-русские церковные взаимоотношения в XX веке. С. 179.

⁴⁰³ Останов А., прот. Отчет о поездке Святейшего Патриарха Алексия с делегацией Русской Православной Церкви в Болгарию. С. 29.

для настоящего и будущего поколения»⁴⁰⁴. Это обращение было опубликовано в периодической советской и болгарской печати и освещено по радио.

Последняя тема, стоявшая на повестке дня, – вопрос профессорского и студенческого обмена между духовными учебными заведениями – рассматривалась в контексте укрепления отношений между братскими Церквями. Болгарская сторона просила увеличить квоту на обучение болгарских студентов в духовных академиях, «которые, получив там богословское образование и хорошо усвоив русский язык и русскую литературу, могли бы быть полезны нашей Святой Церкви и нашему народу»⁴⁰⁵. Отметим здесь, что за время пребывания русской делегации в Болгарии А. Д. Остапов несколько раз был в Духовной академии, где беседовал с профессорско-преподавательским составом на тему «образования и воспитания в духовных школах Советского Союза и Болгарии»⁴⁰⁶. Во время бесед со стороны болгарской корпорации ученых были высказаны идеи «о необходимости поддержания и развития непосредственных контактов между русскими и болгарскими духовными школами, что до сего времени почти не наблюдалось»⁴⁰⁷.

В целом участие русской делегации в заседании Синода Болгарской Церкви следует признать значительным как для улучшения двусторонних связей между Церквями, так и для укрепления авторитета Болгарской патриархии в церковно-государственных отношениях. 23 сентября 1957 года делегация Русской Церкви вернулась в Москву.

Вскоре после возвращения из Болгарии в СССР началась подготовка к торжествам, посвященным 40-летию восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви. В действительности подготовительный процесс к празднованию этого события начался еще до поездки русской делегации в Болгарию. Более того, во время визита Патриарха Алексия в Софию уже была известна повестка дня мероприятий, приуроченных к этой годовщине. Поэтому

⁴⁰⁴ ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 1088. Л. 1.

⁴⁰⁵ Димов И. Р. Болгаро-русские церковные взаимоотношения в XX веке. С. 178.

⁴⁰⁶ Остапов А., *прот.* Отчет о поездке Святейшего Патриарха Алексия с делегацией Русской Православной Церкви в Болгарию. С. 31.

⁴⁰⁷ Там же.

посещение Болгарии, а затем и Сербии русской церковной делегацией было также связано с подготовкой глав этих Церквей к обсуждению важных проблем на предстоящей встрече в Москве. По замечанию Т. А. Чумаченко, отношения глав Поместных Церквей к предполагаемой повестке дня «“осторожно выяснялось”» (рекомендация Г. Г. Карпова) на протяжении 1956 г. во время визитов церковных делегаций в Москву, во время ответных визитов делегаций РПЦ, в переписке с главами Церквей»⁴⁰⁸.

М.В. Шкаровский считает, что цель такого значимого события в Москве «сводилась к тому, чтобы все патриархи осудили проведение ядерных испытаний, а также изготовление и накопление ядерного оружия, к чему призывал мировые державы СССР»⁴⁰⁹. Как уже было отмечено выше, этот вопрос действительно серьезно обсуждался на заседании Синода Болгарской Церкви.

С точки зрения Т. А. Чумаченко осуждение ядерных программ и «подписание документов было, безусловно, важно, но не носило принципиального характера, ради которого требовалась организация столь солидного по масштабам мероприятия»⁴¹⁰. Анализируя архивные документы, Татьяна Александровна приходит к выводу, что причины и обстоятельства организации юбилея «непосредственным образом связаны с эволюцией отношений РПЦ с экуменизмом, характер которых, в свою очередь, во многом определялся политическим прагматизмом советского руководства»⁴¹¹.

Первоначально празднование было приурочено ко дню Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 1957 года, поскольку в этот день «в 1917 году состоялась интронизация первого патриарха по восстановлении патриаршества»⁴¹². Но позднее намеченные мероприятия были перенесены на май следующего года. По мнению протоиерея Владислава Цыпина, «перенос юбилейных торжеств понадобился Совету по делам Русской Православной

⁴⁰⁸ Чумаченко Т. А. 40-летие восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви: Церковный праздник или исполнение директивы? // Вестник ЧГУ. Вып. 22. 2007. № 21. С. 102.

⁴⁰⁹ Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. С. 315.

⁴¹⁰ Чумаченко Т. А. 40-летие восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви: Церковный праздник или исполнение директивы? С. 100.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1534. Л. 89.

Церкви для того, чтобы церковный праздник не оказался в тесной близости с очередным юбилеем Октябрьской революции»⁴¹³.

В начале мая 1958 года в Москву съехались делегации Поместных Православных Церквей. Прибыли главы и представители 13 из 15 Поместных Церквей. Не смогли приехать только Иерусалимский Патриарх Венедикт и Кипрский митрополит Макарий, но они «прислали патриарху Алексию I письменные поздравления»⁴¹⁴. Болгарская церковная делегация, возглавляемая Патриархом Кириллом, прибыла в Москву 8 мая. В состав делегации вошли Старозагорский митрополит Климент, генеральный секретарь Синода епископ Браницкий Максим и протоиерей Василий Велянов.

13 мая в Московской духовной академии состоялся торжественный акт, на котором выступили представители Поместных Церквей. Докладчики затрагивали в своих выступлениях не только тему значения восстановления патриаршества в Русской Церкви, но и касались современных международных и общецерковных проблем. Одним из основных деяний этого совещания было подписание документов, осуждающих проведение ядерных испытаний, изготовление и накопление ядерного оружия. Однако некоторые декларации были подписаны не всеми представителями Поместных Церквей. Например, документ «Голос глав православных Церквей в защиту мира»⁴¹⁵ не подписали главы Сербской, Элладской и Финляндской Церквей, а также представитель Константинопольского патриархата, объяснив свою позицию тем, что их приезд в СССР связан исключительно с юбилейными торжествами.

Экуменический вопрос, так волновавший советское руководство, в выступлениях иностранных гостей практически не затрагивался. Только митрополит Николай (Ярушевич) в своем докладе акцентировал внимание на изменившемся отношении Русской Церкви к экуменическому движению. Позиция Русской Церкви, выраженная словами митрополита Николая, была такова: Церковь «считает возможным пойти навстречу желанию Всемирного совета

⁴¹³ Цыпин В., *прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. С. 314.

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Голос глав Православных Церквей в защиту мира // ЖМП. 1958. № 5. С. 3–4.

Церквей и встретиться с его руководителями — пока с единственной целью взаимного ознакомления со взглядами на целесообразность и формы дальнейших отношений»⁴¹⁶. А государственная власть в СССР считала теперь крайне важным пересмотреть постановления совещания 1948 года, которое однозначно осудило участие Поместных Церквей в ВСЦ, и разработать новую концепцию положений этого совещания.

Советское руководство небезосновательно поменяло свое отношение к внешним межконфессиональным связям Русской Церкви. По мнению прот. В. Цыпина, одной из причин этого стало стремление властей «создать у церковной общественности Запада впечатление о благополучном положении Русской Православной Церкви и тем самым расширить круг участников движения сторонников мира»⁴¹⁷. По оценке Т. А. Чумаченко, «в годы Второй мировой войны руководящее положение в экуменическом движении заняла Англиканская церковь. Тогда в Кремле были заинтересованы в контактах РПЦ с Англиканской церковью, увязывая их с отношениями с Великобританией как союзницей по антигитлеровской коалиции»⁴¹⁸.

И все же, несмотря на явный политический подтекст юбилейных торжеств, пересмотреть позицию мирового православия к экуменическому движению на этом этапе не удалось.

Участвуя в частных встречах и переговорах с административным аппаратом Московской Патриархии, главы церковных делегаций демократических стран пытались решить не только свои внутрицерковные проблемы, но и активно обсуждали межцерковные отношения с греческими Церквями. На встрече с главой Русской Церкви Патриархи Болгарский Кирилл и Румынский Юстиниан вновь серьезно обсуждали положение русских, болгарских и румынских монастырей на Афоне. Главы Церквей пришли к решению, объединив усилия, постараться ослабить напряжение в отношениях с

⁴¹⁶ Николай (Ярушевич), митр. К 40-летию восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви // ЖМП. 1958. № 6. С. 71.

⁴¹⁷ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. С. 312.

⁴¹⁸ Чумаченко Т. А. 40-летие восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви: Церковный праздник или исполнение директивы? С.100.

Константинопольским патриархатом. В качестве первого шага всем трем предстоятелям надлежало направить письма Вселенскому Патриарху с просьбой «о допуске русских, румынских и болгарских монахов в эти монастыри на Афоне»⁴¹⁹. Одновременно Патриархи хотели усилить влияние на Константинополь через государственные службы своих стран, которые могли бы сделать «дипломатические шаги перед греческим правительством»⁴²⁰.

Главами Церквей обсуждалось также приглашение от Кентерберийского архиепископа Джеффри Фишера на Ламбетскую конференцию в Лондоне. Решение «о посылке на Ламбетскую конференцию делегаций в небольшом составе»⁴²¹ было принято единогласно. Это событие засвидетельствовало намерение некоторых Церквей развивать отношения с ВСЦ, несмотря на отрицательное отношение большинства Поместных Церквей к экуменическому движению. Московская Патриархия постаралась также использовать эту конференцию как удобную площадку для переговоров по вышеупомянутому вопросу взаимоотношений с Константинополем. Митрополит Николай (Ярушевич) в беседе с Патриархом Кириллом заострил внимание последнего на том, чтобы «делегации православных Церквей, которые будут присутствовать на Ламбетской конференции, имели полномочия обсудить в Лондоне или где-либо в другом нейтральном месте в Европе спорные вопросы, существующие между поместными Церквами и Вселенской патриархией»⁴²². Помимо обострившихся отношений РПЦ с Вселенским Патриархом, остро стояли вопросы канонического статуса Чехословацкой и Албанской Церквей, а также положения негреческих монастырей на Афоне.

Параллельно Патриарх Кирилл вел переговоры с делегацией Сербской Православной Церкви, которую возглавлял Нишский епископ Иоанн. На встречах в Москве обсуждались вопросы двусторонних административно-церковных отношений. Прежде всего, рассматривался вопрос о положении Церкви в Македонии. После Второй мировой войны Македония вошла в состав Югославии,

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1634. Л. 38.

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1634. Л. 38.

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1634. Л. 38.

⁴²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1634. Л. 39.

а македонские приходы были введены в состав трех новообразованных епархий Сербской Православной Церкви. После прихода к власти коммунистов была образована Македонская республика, создание которой предполагало, в том числе, и церковную-административную независимость от Сербской Церкви. Македонцы начали активную деятельность по восстановлению Охридской архиепископии как самостоятельной Македонской Церкви, что вызвало протест со стороны Сербской Церкви. Еще в начале 1950-х годов Сербский Патриарх Викентий жестко высказывался по вопросу дарования автокефалии македонцам. Патриарх наметил свою линию поведения – «делать все, что в его силах, чтобы заставить замолчать шовинистически настроенных священников Македонской Церкви, так как считает, что единство должно быть сохранено любой ценой»⁴²³. Напряжение во взаимоотношениях было снято только тогда, когда Сербская Церковь пошла на компромисс. В октябре 1958 года в Охриде состоялся церковно-народный собор, который «объявил восстановление древней Охридской архиепископии и основание автономной Македонской Православной Церкви»⁴²⁴. А уже в июне 1959 года архиерейский собор Сербской Церкви признал автономию Македонской Церкви.

В контексте сложных сербо-македонских церковных отношений Болгарская Церковь надломила свои контакты с Сербской Церковью еще в начале 1940-х годов. Болгарское правительство в это время перешло к дискриминационной политике по отношению к сербам, жившим на территории Восточной Македонии. В результате из этой части Македонии в Сербию было выселено 45 000 человек. По замечанию М. В. Шкаровского, «изгнание коснулось большинства сербского и части русского духовенства, применялись и аресты священнослужителей, при этом все-таки не было физического насилия и убийств (как в Западной Македонии со стороны албанцев). Однако высылаемые священники должны были собраться

⁴²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 846. Л. 63.

⁴²⁴ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 245.

за 48 часов, им разрешалось взять только движимое имущество, вся их недвижимость объявлялась бесхозной»⁴²⁵.

Появившаяся в Москве возможность переговоров между сербской и болгарской делегациями была использована для налаживания контактов между Церквями. Из-за отсутствия документов можно лишь предполагать, что на переговорах не только обсуждался вопрос двусторонних отношений, но и поднималась проблема автономии Македонской Церкви. Скорое решение многолетней церковной проблемы в сербо-македонских отношениях, безусловно, следует считать результатом именно московских переговоров.

Сербская и болгарская стороны признали, что для улучшения отношений необходимо направлять делегации для обмена опытом как в выстраивании внутрицерковной жизни, так и в оформлении церковно-государственных отношений. По мнению главы сербской делегации епископа Иоанна, для реализации этих договоренностей необходимо добиться того, чтобы «политические отношения между нашими странами не могли в будущем испортить наших церковных отношений»⁴²⁶.

Проведение торжеств, посвященных 40-летию восстановления патриаршества в Русской Церкви, способствовало значительному усилению межхристианских контактов как РПЦ, так и других Церквей из стран народной демократии. С одной стороны, церковно-государственные отношения в СССР перешли к этапу очередного ухудшения и потеряли устойчивость, с другой, внешние контакты РПЦ, напротив, расширялись и укреплялись.

Охлаждение в отношениях советского государства и Церкви было вызвано новой внутренней политикой генерального секретаря Н. С. Хрущева. К 1958 году работа Хрущева по дискредитации И. Сталина и уничтожению «культ личности», по мнению прот. В. Цыпина, вызывала «явное недовольство в партийно-номенклатурных кругах, поэтому ему важно было последовательным

⁴²⁵ Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. С. 223.

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1634. Л. 39.

проведением антицерковной кампании убедить сталинистов в том, что он твердо стоит на партийных позициях»⁴²⁷.

Новая политическая война против Церкви, разразившаяся на рубеже 1950–1960-х гг., явилась аккумулярующим фактором для укрепления межхристианских связей. После июльских церковных мероприятий в Москве советскому правительству стало сложнее регулировать внешнюю деятельность Русской Православной Церкви. По справедливому замечанию Т. А. Чумаченко, празднование церковного юбилея в Москве «стало своеобразной рубежной точкой в государственно-церковных отношениях в стране. Торжества продемонстрировали перед зарубежными делегациями — а через них перед всем миром — «полную свободу религии и Церкви СССР» и тем самым сыграли свою пропагандистскую роль»⁴²⁸.

Дальнейшее развитие русско-болгарских межцерковных отношений было самым тесным образом связано с внешнеполитической деятельностью РПЦ на европейской арене. Как отмечалось выше, только с помощью Русской Церкви возможно было решить затянувшуюся проблему взаимоотношений БПЦ и Вселенского патриархата. А единственным путем к проведению успешных переговоров по этому вопросу Московская Патриархия видела установление контактов с Всемирным советом Церквей.

Уже в августе 1958 года делегация Русской Церкви во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем отправилась в Нидерланды, в г. Утрехт, на встречу с делегацией Всемирного совета Церквей, возглавляемой председателем Центрального комитета ВСЦ доктором Ф.К. Фрайем. В делегацию ВСЦ вошел представитель Константинопольского патриархата митрополит Мелитский Иаков, который во время заседаний активно выступал за «усиление контактов Русской Православной Церкви с Всемирным советом Церквей»⁴²⁹. Переговоры продолжались в течение трех дней, по их результатам были определены формы дальнейшего взаимодействия Московской Патриархии и ВСЦ.

⁴²⁷ Цыпин В., *прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. С. 314.

⁴²⁸ Чумаченко Т. А. 40-летие восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви: Церковный праздник или исполнение директивы? С.106.

⁴²⁹ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2428. Л. 41.

Генеральный секретарь ВСЦ доктор В. А. Виссерт-Хуфт предложил сотрудничать по следующим направлениям: обмениваться корреспонденцией и публикациями; начать направлять в Женеву представителей Русской Церкви для ознакомления на месте с работой институтов Всемирного совета Церквей, а также для встреч и бесед с руководителями его департаментов в целях изучения их работы; ввести практику комментирования наиболее важных документов Всемирного совета Церквей русскими богословами; наладить регулярное посещение экуменического института в Боссэ епископами и богословами Русской Церкви для участия в чтении лекций о своей Церкви; предоставлять возможность получать информацию о жизни Русской Церкви из Московской Патриархии для ее опубликования в экуменической прессе.

В связи с активизацией антицерковной советской политики этот последний пункт имел большое значение для Русской Церкви. Участник переговоров с русской стороны А. С. Бувеский представлял перед иностранными коллегами положение религии в Советском Союзе как вполне приемлемое. Более того, его выступления создавали впечатление, что деятельность Церкви «протекает в обстановке полной религиозной свободы»⁴³⁰. Основываясь на таком впечатлении, доктор Фрай во время обсуждения положения Православных Церквей в социалистических странах предложил митрополиту Николаю составить совместную резолюцию, которая свидетельствовала бы об «опасности для мира некоторых видов пропаганды, наличие в различных частях мира, включая Восточную Европу, неугодных большинству народа режимов и т. д. и разослать ее от имени делегаций участников собеседования всем правительствам»⁴³¹. Подписание такой резолюции для РПЦ было бы актом «самоуничтожения», который мог привести не только к изоляции Русской Церкви от внешнего мира, но и к возобновлению физических гонений на верующих. В ответ Фраю митрополит Николай пояснил: «В настоящее время Русская Церковь считает

⁴³⁰ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2428. Л. 44.

⁴³¹ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2428. Л. 41.

опасным для мира именно тот вопрос, который делегация затронула в своем заявлении»⁴³².

По справедливому замечанию нынешнего председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева), «зарубежные поездки иерархов использовались властями для распространения информации о том, что в СССР гонений на религию нет»⁴³³. В контексте этих поездок церковные делегации находили такие рычаги влияния на своих иностранных коллег, которые впоследствии позволяли снизить накал антирелигиозной кампании в СССР. В 1961 году Русская Православная Церковь по решению Синода вступила во Всемирный совет Церквей. Соответственно, в заседаниях ВСЦ от лица Русской Церкви должны были принимать участие архиереи. Помимо заседаний и официальных выступлений, представители РПЦ старались принимать участие и в кулуарных беседах с руководством ВСЦ. Как правило, именно на этих встречах обсуждались острые проблемы во взаимоотношениях Церкви и государства в СССР. По словам владыки Илариона, происходило это так: «На мероприятие ВСЦ приезжал архиерей из России, который по указанию властей делал необходимое количество заявлений по международным вопросам. Однако в приватной беседе, например, с генеральным секретарем ВСЦ тот же архиерей говорил: “Было бы хорошо, если бы вы выразили озабоченность дошедшими до вас слухами о готовящемся закрытии такого-то монастыря или такой-то духовной академии”. Разумеется, эти слухи не доходили до генерального секретаря сами по себе, их доносили те же самые архиереи, которые делали публичные заявления об отсутствии гонений на Церковь в СССР. По окончании поездки, возвращаясь на родину, представитель Церкви писал отчет в Совет по делам религий, в котором упоминал, что вот, мол, до руководства ВСЦ дошли слухи о готовящемся закрытии такого-то монастыря,

⁴³² ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1 . Д. 2428. Л. 41.

⁴³³ Иларион (Алфеев), еп. Разделение, которое существует между нами, возникло по политическим причинам. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/98739.html>.

и оно собирается поднимать шум; было бы правильно повременить с закрытием. И монастырь не закрывался»⁴³⁴.

Таким образом, на данном этапе взаимодействие с христианскими деноминациями западного мира позволило Русской Церкви допустить только «тактическую победу властей, но стратегическая победа была на стороне Церкви»⁴³⁵.

Вернувшись из Утрехта, митрополит Николай отправил материалы встречи представителей РПЦ с руководством ВСЦ в том числе и Патриарху Кириллу – для обсуждения на Синоде. В ответном письме Патриарх Кирилл выразил солидарность с Московской Патриархией по отношению к деятельности ВСЦ. Глава Болгарской Церкви писал: «Целесообразно поддерживать переговоры с представителями Всемирного совета Церквей для разъяснения вопросов догматического единства христианских Церквей, а в практической области христианской деятельности – для достижения единомыслия в борьбе против опытов атомного оружия и установления мира между народами»⁴³⁶. Таким образом, Московская Патриархия нашла в Болгарии необходимую поддержку ее решения о вступлении в ВСЦ.

30 марта 1961 года на Синоде Русской Церкви по докладу епископа Ярославского и Ростовского Никодима (Ротова) было вынесено решение о вхождении Русской Православной Церкви в ВСЦ⁴³⁷. Патриарх Алексий поспешил направить извещение о принятом решении своему собрату в Софию. В письме от 18 апреля 1961 года Святейший писал: «Наши наблюдения и изучения экуменического движения показали нам, что особых принципиальных препятствий нашему в нем активному участию нет. Поэтому теперь мы и Священный Синод Русской Православной Церкви приняли решение вступить в

⁴³⁴ *Иларион (Алфеев), еп.* Разделение, которое существует между нами, возникло по политическим причинам. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/98739.html>.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2428. Л. 32.

⁴³⁷ *Козлов М., прот.* Русская Православная Церковь и экуменическое движение. URL: <http://www.taday.ru/text/949193.html>.

члены Всемирного совета Церквей, о чем считаем своим братским долгом сообщить Вашему Святейшеству»⁴³⁸.

Демократические страны Восточной Европы пристально следили за активизацией внешних связей Русской Православной Церкви с христианскими деноминациями Запада и дальнейшим развитием этих отношений. Так, в софийской воскресной газете за 1961 год отмечалось, что в последнее время на различных румынских радиостанциях обсуждается вопрос «отношения Русской и других православных Церквей к Всемирному совету Церквей»⁴³⁹. В основном обсуждение сосредоточивалось вокруг исторических фактов, свидетельствовавших, что с 1948 года Православные Церкви приняли постановление не вступать в экуменические организации. Внимание представителей прессы в основном было обращено на Русскую Церковь, поскольку именно по ее инициативе 10 лет назад было решено ограничить взаимоотношения с ВСЦ. Средства массовой информации вменяли в заслугу Патриарху Алексию его работу над изменением изоляционного церковно-политического курса и в этом контексте подчеркивали значимость визита предстоятеля Русской Церкви на Ближний Восток в 1960 году⁴⁴⁰. Именно во время этой поездки Патриарх Алексий встретился с главами греческих Церквей и обсудил новое отношение Православных Церквей к экуменизму⁴⁴¹. Но было несколько и других важных предпосылок визита Патриарха Алексия в страны Ближнего Востока, которые затрагивали сферу межправославного общения в целом и проблему признания восстановления патриаршества в Болгарии Константинопольским патриархатом в частности.

Начиная с 20-х годов XX века, Вселенский патриархат активно поддерживал экуменическое движение, которое, в свою очередь, усиливало свой авторитет на международной арене. Проявляя солидарность с этой организацией, Константинопольский патриарх без согласования с другими Поместными Церквями «разослал окружное послание, приуроченное к созданию Лиги

⁴³⁸ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2428. Л. 84.

⁴³⁹ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2428. Л. 2.

⁴⁴⁰ ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 2428. Л. 2.

⁴⁴¹ *Останов А., прот.* Радостные встречи. Ч. 2. С. 63.

наций»⁴⁴². Послание предусматривало «объединение христиан не догматически, а практически – в общении, при устранении недоверия и прозелитизма»⁴⁴³. Вдохновившись идеей экуменизма, Константинопольская Церковь обратилась к организации межправославных конференций для обсуждения церковно-канонических и церковно-практических вопросов. Со временем подобные конференции превратились в православные совещания, на которых присутствовали, как правило, представители греческих Церквей. Главной целью этих собраний была подготовка Всеправославного собора, на котором предполагалось достигнуть единомыслия по многим важным общецерковным вопросам, а также определить статус Вселенского Патриарха как старшего из предстоятелей Православных Церквей.

До первой половины 1940-х годов Русская Православная Церковь не принимала участия ни в одном Всеправославном совещании, ни в одном межсоборном присутствии. За период изоляции внешней деятельности Русской Православной Церкви ее отношения с Константинопольским престолом оказались серьезно надломлены. Бесспорна оценка историка В. А. Ливцова, что взаимоотношения Московского и Вселенского патриархатов были нарушены в результате давления на Русскую Церковь советского правительства, «которое не устраивала их [Константинопольского патриархата] ориентация на англичан»⁴⁴⁴.

В реалиях биполярной политической картины мира США и СССР активно продвигали свои интересы через деятельность Поместных Церквей, из-за чего православный мир оказался разделен на два блока. Константинопольский патриархат, финансируемый Америкой, стал прямым проводником идей Атлантического мира. По мнению основателя Российской школы геополитики А. Г. Дугина, США рассматривал религию как «один из инструментов геополитической экспансии»⁴⁴⁵, которая «является особенно действенным

⁴⁴² Ливцов В. А. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь в контексте государственной конфессиональной политики России с середины XIX в. по начало XXI в. С. 260.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Там же, с. 268.

⁴⁴⁵ Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М. : Евразийское движение, 2012. С. 370.

средством укрепления американского влияния»⁴⁴⁶. Архивные источники также свидетельствуют о том, что США финансировали и использовали международные религиозные организации в своих политических интересах. Заместитель председателя совета по делам Русской Православной Церкви П. Г. Чередняк, докладывая в ЦК КПСС, обращал внимание партийных деятелей на знакомство делегации Русской Православной Церкви с организацией и работой отделов и департаментов генерального секретариата ВСЦ во время пребывания в 1959 году в Женеве. Глава делегации протоиерей Виталий Боровой докладывал, что большинство отделов и департаментов возглавлялись представителями США и Англии⁴⁴⁷. Более того, священник подчеркнул, что «Всемирный совет Церквей является игрушкой в руках американских церковных и гражданских политиков, использующих ВСЦ в своих политических целях»⁴⁴⁸.

Именно в такой напряженной политической международной обстановке Патриарх Алексей осуществил официальный визит на Ближний Восток, который «явился своего рода ответом на посещение Вселенским патриархом в декабре 1959 г. этого же самого региона»⁴⁴⁹. Как отмечалось выше, Константинопольский патриархат продвигал идею особого положения Константинопольской Церкви среди Поместных Православных Церквей еще с начала 20-х годов XX века. Соответственно сформировалась основная задача визита Патриарха Афинагора – заручиться поддержкой греческих Церквей в проведении запланированного им Всеправославного совещания, которое должно было определить особый статус Константинопольской Церкви, а также выразить солидарность с идеей папы Иоанна XXIII созвать Собор в Ватикане.

Патриарх Алексей также провел ряд встреч с главами греческих Церквей. Русский иерарх особенно акцентировал внимание своих собратьев на позиции Московской Патриархии по вопросу участия на Всеправославном совещании и предстоящем II Ватиканском соборе. Патриарху Алексию пришлось использовать все возможные средства для того, чтобы изменить либеральную позицию глав

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 126–129. Л. 190.

⁴⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 126–129. Л. 190.

⁴⁴⁹ Васильева О. Ю. Ватикан и СССР. Тайная дипломатия. URL: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/1398>.

греческих Церквей по поставленным вопросам. По воспоминаниям протоиерея Алексия Остапова, одного из членов официальной делегации, Патриарх Алексей за время пребывания в Александрии, в Дамаске, в Иерусалиме, в Бейруте, Стамбуле и Афинах многократно встречался в неофициальной обстановке, чтобы сдержанно, но достаточно твердо сделать необходимые уточнения⁴⁵⁰. Вот как запомнились священнику встречи в Афинах: «Вскоре после размещения в номерах нанес визит святейшему патриарху [Алексию] Иерусалимский Патриарх Венедикт. Между главами двух Церквей состоялась дружеская непринужденная беседа. Утром следующего дня святейшего патриарха Алексия посетил с официальным визитом Блаженнейший Патриарх Антиохии и всего Востока Феодосий VI. Волнующей была в этот день встреча Московского патриарха с архиепископом Макариосом, главой Кипрского государства и Кипрской Церкви. Во время этой сердечной встречи и беседы святейший патриарх наградил Архиепископа орденом св. равноапостольного князя Владимира I степени и подарил ему на память панагию. Патриарха в это утро посетили греческий Архиепископ Иаков из США, протоиерей Ф. Берки и проф. А. Алевизатос»⁴⁵¹.

Но особую значимость имела встреча Патриархов Афинагора и Алексия, на которой все-таки удалось наметить новые перспективы развития отношений между Константинополем и Москвой. По мнению историка О. Ю. Васильевой, напряженные отношения между Вселенским и Русским Патриархами складывались не только из-за политического давления двух «империй» (СССР и США), но и из-за церковных трений по некоторым каноническим вопросам⁴⁵². На повестке дня стояли проблемы, упиравшиеся в вопрос особого статуса и положения Вселенского Патриарха в православном мире. Реальным воплощением этой проблемы были такие события как, «конфликт по вопросу о юрисдикции над диаспорой, споры вокруг автокефалии Польши, статусе Финской и Албанской

⁴⁵⁰ Васильева О. Ю. Ватикан и СССР. Тайная дипломатия. URL: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/1398>.

⁴⁵¹ Остапов А., прот. Радостные встречи. Ч. 2. С. 65.

⁴⁵² Васильева О. Ю. Ватикан и СССР. Тайная дипломатия. URL: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/1398>.

Церквей, проблемы Болгарской Церкви, а также трудности, связанные с доступом русских монахов на Афон»⁴⁵³.

На рубеже 1959–1960 гг. Патриарх Афинагор воспринимался христианским миром как защитник экуменической идеи, призывавший объединить Православные Церкви под эгидой Вселенского патриархата. Он стремился убедить глав Поместных Церквей принять участие во Всеправославном совещании, на повестке дня которого должны были стоять не только церковно-богословские и церковно-канонические вопросы, но и возможность полноценного участия всех Православных Церквей в экуменическом движении, а также отношения Поместных Православных Церквей с Римо-Католической Церковью. Политическая ангажированность Патриарха Афинагора заставляла его особенно обратиться против Русской Православной Церкви, которая, по его мнению, обязана была принять участие в Совещании. Русская Церковь ассоциировалась на Западе с Советским Союзом, поэтому, учитывая тесные контакты Константинопольской патриархии с Всемирным советом Церквей, именно этот орган должен был добиться созыва совещания, с помощью которого можно было бы влиять «на политику всех православных Церквей»⁴⁵⁴, а через нее и на политику государств.

Пребывание Патриарха Алексия на Востоке имело огромное значение⁴⁵⁵ как для Русской Православной Церкви, так и для всего православного мира. Во время визита русский иерарх сделал все возможное, чтобы донести точку зрения Московской Патриархии до своих собратьев. При этом позиции двух Церквей по основным вопросам радикально расходились⁴⁵⁶. В выступлениях на пресс-конференциях и других общественных площадках Патриарх Алексей и уполномоченные им члены делегации прежде всего разъясняли отношение к Ватиканскому собору и Всеправославному совещанию.

Так, например, по поводу II Ватиканского Собора митрополит Никодим (Ротов) выступил в Афинах с официальным заявлением, в котором подчеркнул

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 162. Л. 3.

⁴⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 162. Л. 200.

⁴⁵⁶ Васильева О. Ю. Ватикан и СССР. Тайная дипломатия. URL: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/1398>.

разногласия с Вселенской патриархией в вопросе отношения к католическому собору: «Мы почитаем и уважаем Константинопольского патриарха, но, как и все автокефальные православные Церкви, Русская Церковь желает сама изложить свою точку зрения»⁴⁵⁷.

Важно было правильно обозначить позицию Московской Патриархии в сложившейся межцерковной ситуации и показать всему православному миру, что Константинопольский патриархат – это хоть и «первая среди равных», но все же Автокефальная Поместная Церковь, и она не имеет канонического права выступать от лица всех Православных Церквей.

Подобная расстановка сил в международных отношениях не устраивала и советское государство, которое небезосновательно считало Ватикан и Вселенский патриархат проводником антисоветской пропаганды в ведущих капиталистических странах. Поддерживая генеральную линию Московской Патриархии, Совет по делам Русской Православной Церкви рекомендовал Патриарху Алексию наладить и укрепить дружественные отношения с Православными Церквями на Ближнем Востоке. В условиях «холодной войны» для Советского Союза было важно скоординировать совместные действия Церквей по вопросу в защиту мира, что могло бы воспрепятствовать «попыткам Константинопольского патриарха объединить вокруг себя восточные православные Церкви и использовать их в интересах Ватикана и американской внешней политики в этих странах»⁴⁵⁸.

Признавая ошибку прошлых лет, когда советское правительство ограничивало международную деятельность Русской Церкви, Совет по делам Русской Церкви констатировал тот факт, что возможности Московской Патриархии не соответствуют низкому на тот момент уровню ее международной активности⁴⁵⁹. В этой связи Патриарху Алексию рекомендовалось положительно реагировать на предложение Патриарха Афинагора Русской Церкви принять участие во Всеправославном совещании на о. Родосе. По справедливому

⁴⁵⁷ АВП. Ф. 194. Оп. 5. Д. 158. Л. 9.

⁴⁵⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 162. Л. 49.

⁴⁵⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 162. Л. 48.

замечанию заместителя председателя Совета по делам Русской Православной Церкви П. Г. Чередняка, участие делегации Московской Патриархии на совещании могло воспрепятствовать Патриарху Афинагору «провести нежелательные для нас решения и использовать это совещание для объединения усилий православных Церквей в борьбе за мир и против Ватикана»⁴⁶⁰.

Итогами визита Патриарха Алексия на Ближний Восток стали несколько важных решений, в результате которых Русская Православная Церковь вышла на новый уровень в межцерковных отношениях. По итогам переговоров Константинопольского и Московского Патриархов был достигнут консенсус – Русская Церковь согласилась принять участие во Всеправославном совещании, но при условии, что «присутствие на Совещании Албанской, Болгарской, Польской и Чехословацкой Церквей обязательно»⁴⁶¹. Патриарх Афинагор заверил своего собрата в том, что он предпримет все возможные меры по урегулированию почти десятилетнего конфликта между Константинопольской и Болгарской Церквями.

Разногласия между Москвой и Константинополем оставались неизменными только в «ватиканском вопросе». Для Патриарха Алексия готовящийся собор Римской Церкви на тот момент представлялся исключительно как внутрикатолический, а отнюдь не Вселенский, как заявлял о нем папа Иоанн XXIII. Поэтому первоначальные жесткие заявления Священноначалия Русской Церкви были реакцией прежде всего на голословные заявления ватиканской стороны о вселенском статусе собора, который должен был в конечном счете обратить Православные Церкви в католичество. Именно так воспринимались первые призывы католиков принять участие в соборе. Однако в дальнейшем отношение Русской Церкви и других Поместных Православных Церквей к Ватиканскому собору изменилось. По мнению сотрудника Секретариата ОВЦС по межхристианским отношениям священника Алексия Дикарева, перемена отношения к Собору Русской Церкви связана с пониманием необходимости начать диалог и установления конструктивных связей. Такое решение было

⁴⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 162. Л. 49.

⁴⁶¹ Васильева О. Ю. Ватикан и СССР. Тайная дипломатия. URL: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/1398>.

продиктовано прежде всего развитием межхристианского диалога, отношением между Поместными Православными Церквами, и, несомненно, политической ситуацией в Советском Союзе и мире, определявшей состояние государственно-церковных отношений⁴⁶².

Таким образом, Русская Православная Церковь своей активной международной деятельностью сама непосредственно способствовала укреплению и расширению связей с Болгарской Церковью, а также решению важнейших вопросов, стоявших перед ее предстоятелем Патриархом Кириллом. Деятельность русских иерархов подкрепила усилия болгарского первоиерарха и позволила укрепить как внутренний, так и международный авторитет БПЦ, что в конечном итоге привело к признанию Константинопольской Церковью восстановления патриаршества в Болгарии.

⁴⁶² Дикарев А., диак. Наблюдатели Русской Православной Церкви на II Ватиканском соборе: предыстория. URL: <https://mospat.ru/church-and-time/1422#fnref-1422-3>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ русско-болгарских межцерковных отношений, предпринятый в настоящем исследовании, позволяет по-новому взглянуть на события 1944–1962 гг. Исходя из логики исторических процессов, происходивших на межцерковном уровне в СССР и Болгарии, выделяются два этапа развития ситуации вокруг Болгарской Церкви и внутри нее. Первый этап – 1944–1953 гг. – период активизации церковно-государственных отношений в странах народной демократии. В это время сотрудничество государства и Церкви в Болгарии, а также активная помощь РПЦ в разрешении внутренних проблем БПЦ позволили подготовить площадку для проведения церковно-народного собора, который своим главным деянием имел восстановление болгарского патриаршества. Однако наряду с крупными успехами в церковно-государственных отношениях происходили и негативные процессы. Правительством были проведены программы, жестко ограничивающие просветительскую и образовательную деятельность Церкви. Другим значимым результатом этих программ стала национализация части церковного имущества и земельных владений.

Второй период – с 1953 по 1962 г. – характеризуется охлаждением отношений между Церковью и государством, послужившим одной из причин активизации международной деятельности БПЦ. Как следствие, межцерковные отношения Русской и Болгарской Православных Церквей развиваются с такой интенсивностью, что в их контексте удастся добиться признания восстановления патриаршества в Болгарии Константинопольским патриархатом и Болгарская Церковь входит во Всемирный совет Церквей.

Таким образом, анализируя, условно выделенные два периода, уместно сделать следующие выводы:

1. Болгарская Православная Церковь в 1944–1953 гг. заняла особое место в формировании нового государства, что способствовало укреплению ее статуса и более значимой позиции в церковно-государственных отношениях. Она добивалась собственных целей в период, когда государственная власть нуждалась в реальной помощи со стороны Церкви.

2. Церковно-государственные отношения были взаимовыгодными. Болгарская Церковь соглашалась поддерживать новую власть Отечественного фронта, взамен она получала возможность работать над вопросом повышения статуса БПЦ.

3. Результаты взаимовыгодного сотрудничества Церкви и государства в Болгарии можно проиллюстрировать на следующих примерах:

В интересах Болгарской Православной Церкви:

- в январе 1945 года Синод избрал экзархом Болгарской Православной Церкви митрополита Стефана;
- в феврале 1945 года Константинопольский патриархат отменил наложенные в 1872 году прещения на Болгарскую Церковь и даровал ей автокефалию;
- было положено начало восстановления патриаршества в Болгарии.

В интересах правительства Отечественного фронта:

- влияние Церкви на общественное мнение в подготовке проведения референдума по вопросу о дальнейшей судьбе монархии;
- прямое участие Болгарской Церкви на выборах в Великое народное собрание Болгарии;
- в 1947 году Церковь заявила о поддержке новой конституции Болгарии.

4. Церковно-государственное сотрудничество в Болгарии стало постепенно разрушаться. Новая конституция сильно ограничивала участие Церкви в жизни народа и позволяла национализировать церковное имущество, а также предполагала прямое влияние правительства на внутренние дела Церкви.

5. Правительство Отечественного фронта поддержало деятельность Союза священников, который стал инструментом воздействия государства на Болгарскую Церковь.

6. Межправославные отношения России и Болгарии в 1944–1953 гг. развивались по следующим направлениям:

- деловая переписка Патриарха Алексия и председателей Синода БПЦ;

- взаимные визиты делегаций Русской и Болгарской Православных Церквей;
- работа специальных представителей Московского Патриарха в Болгарской Церкви;
- финансовая и материальная помощь Московской Патриархии Болгарской Церкви;
- осуждение Русской и Болгарской Церквами экуменического движения;
- выступления иерархов Русской Православной Церкви в Болгарии, в частности, митрополита Николая (Ярушевича), на праздничных мероприятиях и торжественных юбилеях, связанных, как с историей Болгарской Церкви, так и с отдельными лицами;
- активное участие Русской и Болгарской Православных Церквей в борьбе за мир и разоружение.

Русско-болгарские церковные отношения в период с 1944 по 1953 гг. значительно укрепились. Распространяющийся коммунистический режим в странах народной демократии способствовал тому, что Русская Церковь объединила вокруг себя ряд Поместных Церквей, в частности, Болгарская Церковь стала выстраивать церковно-государственные отношения и внутрицерковную политику, ориентируясь на Русскую Церковь.

7. Результатом русско-болгарских церковных отношений в период с 1944 по 1953 год стало восстановление патриаршества в Болгарии. С избранием Патриарха Кирилла Болгарская Церковь вышла на новый уровень церковно-государственных и межправославных отношений.

8. Русско-болгарские межцерковные отношения в 1953–1962 гг. развивались по следующим направлениям:

- двусторонние визиты Патриархов Московского и всея Руси Алексия и Болгарского Кирилла;
- координация сил и выработка тактики противостояния государству в контексте усилившейся антирелигиозной политики в социалистических странах;

- международная деятельность Русской Церкви в контексте признания Константинопольским Патриархом восстановления патриаршества в Болгарии;
- совместное сотрудничество глав Русской и Болгарских Церквей по вопросу дискриминации славянских монастырей на Афоне;
- профессорский и студенческий обмен между духовными учебными заведениями;
- совместные заявления против употребления атомного, термоядерного оружия и опытов с этим оружием;
- участие русских и болгарских церковных делегаций на международных конференциях.

9. К концу 1950-х гг. Русская Церковь была вовлечена в систему экуменических контактов со Всемирным советом Церквей. В контексте международной деятельности Московской Патриархии, положительно решился вопрос о признании восстановления патриаршества в Болгарии Константинопольским патриархатом.

10. В 1961 году Русская и Болгарская Православные Церкви вступили во Всемирный совет Церквей.

Таким образом, все вышеизложенные факты свидетельствуют, что современные дружественные отношения между братскими Церквями основываются на том фундаменте, который был заложен в жестких условиях советского периода. Пройдя совместно через все трудности коммунистического антирелигиозного режима, Русская и Болгарская Православные Церкви смогли отстоять свои позиции как на межправославном и межхристианском уровнях, так и в государственно-политической сфере.

Подтверждением этому служат слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, сказанные на епархиальном собрании в 2016 году в московском Храме Христа Спасителя. Предстоятель, говоря о результатах визита Болгарского Патриарха Неофита в Россию отметил: «Со времени учебы в Московской духовной академии Святейший Неофит является большим другом Русской Православной Церкви, а этот визит Его Святейшества в нашу Церковь

стал уже третьим по счету после избрания на Болгарский Патриарший престол»⁴⁶³. Это еще раз подтверждает тот факт, что отношения между Церквями становятся прочнее и надежнее.

⁴⁶³ Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на епархиальном собрании города Москвы. М., 2016. С. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные источники

1. Государственный архив Российской Федерации.

Фонд 6991 Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР:

Опись 1. Дела 65, 132, 149, 289, 290, 291, 418, 419, 453, 454, 576, 723, 731, 748, 749, 841, 842, 872, 975, 988, 1012, 1014, 1101.

Опись 2. Дела 10, 65, 109.

Опись 3. Дело 50.

2. Российский государственный архив новейшей истории.

Фонд 5 Аппарат ЦК КПСС. 1935–1991 гг.:

Опись 28. Дела 154, 155, 156, 157, 284, 285, 286, 287, 392, 393.

Опись 33. Дела 92, 126, 127, 128, 129, 158, 159, 160, 161, 162, 188, 189, 190, 191.

3. Центральный государственный архив Софии.

Фонд 165 Министерство иностранных дел по вопросам Болгарской Православной Церкви и религиозных культов. Дирекция вероисповеданий:

Опись 1–3. Дело 294.

Опись 4. Дела 3, 67, 68, 76, 81, 121, 122, 123.

Опись 5. Дело 156.

Опись 6. Дела 51, 61, 169.

Опись 7. Дела 92, 119, 120, 130, 134.

Опись 9. Дела 160, 220, 225, 233, 264, 316а, 390, 391, 396, 565, 579, 583, 614, 695, 696, 699, 718, 739, 741, 854, 1085, 1088, 1101, 1133.

Опись 10. Дела 161, 1554.

Опись 11. Дела 213, 214, 506, 704а, 749.

Опись 12. Дело 6.

Фонд 791к Священный Синод Болгарской Православной Церкви:

Опись 2. Дело 65.

Фонд 1318к:

Опись 1. Дела 2, 6, 10, 16, 17, 33, 39, 60, 70, 71, 551, 560, 866, 1510, 1680, 1818, 1843, 2200, 2203, 2205, 2395, 2407, 2413, 2421, 2422, 2428, 2444, 2452, 2470, 2486, 2488, 3074, 3291, 4819.

Фонд 1867к Димов, Янко Лазов:

Опись 1. Дела 18, 20, 35, 36, 37, 42, 62, 68, 69, 78, 126, 129, 132.

4. Архив Московской духовной академии.

1. *Алексий (Симанский), Патр.* Дневниковые записи. Т. 1–2. Машинопись.
2. *Остапов, А., прот.* Дневник. 1949–1950 гг. Моя летопись. Машинопись.
3. *Остапов, А., прот.* Дневник. 1951–1955 гг. Машинопись.
4. *Остапов, А., прот.* Дневник. 1956–1957 гг. Машинопись.
5. *Остапов, А., прот.* Дневник. 1958–1959 гг. Машинопись.
6. *Остапов, А., прот.* Дневник. 1960–1961 гг. Машинопись.
7. *Остапов, А., прот.* Дневник. 1962–1963 гг. Машинопись.
8. *Остапов, А., прот.* Дневник. 1964 г. Машинопись.
9. *Остапов, А., прот.* Отчет о поездке Святейшего Патриарха Алексия с делегацией Русской Православной Церкви в Болгарию 10–23 сентября 1957 г. в связи с торжествами, посвященными 80-летию освобождения Болгарии от турецкого ига. 1957. – 35 с.
10. *Остапов, А., прот.* Путешествия Святейшего Патриарха Алексия (к первой годовщине со дня кончины). 1971. – 20 с.
11. *Остапов, А., прот., Питурич (Нечаев), архм.* Радостные встречи. 1962. – 83 с.

II. Документальные сборники, публикации документов

12. Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). – М., 2003. – 380 с.
13. *Васильева, О. Ю.* Русская Православная Церковь и внешняя политика советского государства в 1943–1948 гг. / О. Ю. Васильева // Советское общество: будни холодной войны: Материалы круглого стола (29 марта 2000 г., Москва) / Ред. В.С. Лельчук, Г.Ш. Сагательян. – М. : Издательство Арзамаского педагогического института, 2000. – 338 с.

14. Волокитина, Т. В. Оппозиция или конформизм? Болгарская православная церковь и коммунистический режим (1940-е – 1980-е гг.) / Т. В. Волокитина // Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. – М.; СПб. : Нестор-История, 2014. – 540 с.

15. Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 года. – М. : Московская Патриархия, 1949. – Т. 2. – С. 364–386.

16. Журнал Московской Патриархии. 1945–1961.

17. Иванов, А. П. Русская Православная Церковь и мировое православие в 1945–1948 гг. / А. П. Иванов // Церковь, государство и общество в истории России XX века: Тез. докл. всерос. науч. конф. 5 дек. 2001 г. / Отв. ред. А. А. Корников. – Иваново, 2001. – С. 36–44.

18. Кострюков, А. А. Экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан и Московская Патриархия / А. А. Кострюков // Вестник ПСТГУ. – 2013. – Вып. 5 (54). – С. 31–43.

19. Парушев, П. Выступление болгарской церкви в защиту евреев во времена Второй мировой войны / П. Парушев // Восток-Запад. Вестник Служений и Церквей. – 2009. – № 4. – С. 1–3.

20. Попов, А. В. Российское православное зарубежье: История и источники / А. В. Попов. – М., 2005. – 619 с.

21. Пospelовский, Д. В. Из истории русского церковного зарубежья / Д. В. Пospelовский // Церковь и время. – 1991. – № 1, 2. – С. 19–64, 53–71.

22. Русская Православная Церковь в борьбе за мир: Постановления, послания, обращения, призывы, речи и статьи. 1948–1950 гг. – М. : Московская Патриархия, 1950. – 120 с.

23. Скобей, Г. Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви / Г. Н. Скобей // Церковь и время. – 2002. – № 2. – С. 50–199.

24. *Фолиева, Т. А.* II Ватиканский собор и социальная доктрина Католической Церкви в оценке советских религиоведов / Т. А. Фолиева // Вестник ПСТГУ. – 2013. – Вып. 4 (48). – С. 89–100.

25. *Чумаченко, Т. А.* 40-летие восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви: Церковный праздник или исполнение директивы? (К вопросу об отношении Православных церквей к экуменическому движению в 1950-е гг.) / Т. А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – История. Вып. 22. – 2007. – № 21. – С. 99–107.

26. Гласове в защита на гражданското общество // Протоколи на Светия Синод на Българската православна църква по еврейския въпрос (1940-1944). – София, 2002. – 135 с.

27. *Димова, В., Вачева, Д., Русева, М.* Еврейски работни групи трудова повинност 1941–1945 / В. Димова, Д. Вачева, М. Русева // Тематичен каталог. По документи на дирекция «Държавен военноисторически архив». – София, 2008. – 272 с.

28. Църковен Вестник. – София, 1954.

29. Юбилеен вестник. Издание на Държавен архив Кюстендил. – София, 1993. – 94 с.

III. Литература

а) на русском языке

30. *Болотов, С. В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы / С. В. Болотов. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2011. – 315 с.

31. *Бълхова, М. И.* Правда об екзархе Стефане / М. И. Бълхова // Церковь в истории России. Сб. 3. – М., 1999. – С. 195–198.

32. *Бълхова, М. И.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953): Роль Экзарха Стефана в возрождении Церкви / М. И. Бълхова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 2. – С. 191–204.

33. Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958: Дискуссионные аспекты // Редкол. Г. П. Мурашко, М. И. Одинцов; РАН,

Институт славяноведения. – М., 2003. – 380 с.

34. *Волокитина, Т. В.* Оппозиция или конформизм? Болгарская Православная Церковь и коммунистический режим (1940-е – 1980-е гг.) / Т. В. Волокитина // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / Отв. ред. Г. П. Мурашко, А. И. Филимонова. – М. : Институт славяноведения РАН, 2014. – 540 с.

35. *Говорухин, В. Л., Бойкикева, А.* Русский Свято-Николаевский храм в Софии / В. Л. Говорухин, А. Бойкикева. – София, 1995. – 80 с.

36. *Громыко, А. А.* История внешней политики СССР: в 2 т. / А. А. Громыко. – М. : Наука, 1981. – Т. 2: 1945–1980. – 754 с.

37. *Димов, И. Р.* Болгаро-русские церковные взаимоотношения в XX веке / И. Р. Димов. – Загорск : МДА, 1976. – 265 с.

38. *Дугин, А. Г.* Теория многополярного мира / А. Г. Дугин. – М. : Евразийское движение, 2012. – 532 с.

39. Историческая болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева): Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 392 с.

40. *Казем-Бек, А. Л.* Жизнеописание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I / А. Л. Казем-Бек. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 480 с.

41. *Косик, В. И.* Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.) / В. И. Косик. – М. : Институт славяноведения РАН, 2014. – 272 с.

1. *Косик, В. И.* Софии русский уголок / В. И. Косик. – М.: Пробел-2000, 2008. – 236 с.

42. *Кострюков, А. А.* Архиепископ Серафим (Соболев): Жизнь, служение, идеология / А. А. Кострюков. – М. : Российский институт стратегических исследований, 2011. – 264 с.

43. *Кострюков, А. А.* Пламень огненный. Жизнь и наследие архиепископа Серафима / А. А. Кострюков. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 336 с.

2. *Кузнецов, В. А.* Русское православное зарубежное монашество в XX веке: Биографический справочник / В. А. Кузнецов. – 2-е изд., испр. и доп. –

Екатеринбург, 2015. – 442 с.

44. *Курляндский, И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.) / И. А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 721 с.

45. *Николов, Т.* Болгария: Невидимая церковь / Т. Николов. – 2013. С. 40–51.

46. *Одинцов, М. И.* Русские Патриархи XX в. (Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов) / М. И. Одинцов. – М., 1999. – 334 с.

47. *Одинцов, М. И.* Русская Православная Церковь в XX веке: История, взаимоотношения с государством и общество / М. И. Одинцов. – М., 2002. – 312 с.

48. *Петров, Н. В.* По сценарию Сталина: Роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. / Н. В. Петров. – М. : РОССПЭН, 2011. – 351 с.

49. *Поспеловский, Д. В.* Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.

50. *Потрашков, С. В.* Антигитлеровская коалиция и Болгария 1941–1944 гг. / С. В. Потрашков. – Харьков, 2005. – 283 с.

51. Религия и церковь в капиталистических странах / Редкол. М. В. Андреев и др. – М. : Мысль, 1977. – 364 с.

52. Решетникова, О. Н. Русский храм в Софии / О. Н. Решетникова. – М. : ФИВ, 2012. – 96 с.

53. *Роккучи, А.* Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917-1958 / Пер. с итал. О. Р. Щелоковой / А. Роккучи. – М. : РОССПЭН, 2016. – 582 с.

54. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. – М. : Пропилеи, 1995. – 400 с.

55. *Сабеев, Т.* Болгарская Православная Церковь в XX столетии / Т. Сабеев // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. – Киев, 2010. – 441 с.

56. *Скурат, К. Е.* История Поместных Православных Церквей: в 2 т. / К. Е.

Скурат. – М. : Русские огни, 1994. Т. 1. – 484 с.

57. Церковь в социалистических странах: Реф. сб. / Редкол. Б. А. Филиппов (ред.-сост.) и др. – М. : ИНИОН, 1987. – 163 с.

58. *Цыпин, В., прот.* История Русской Церкви 1917–1997 / В. Цыпин, прот. – М., 1997. Т. 9. – 697 с.

59. *Чонков, Ц. И.* Русско-болгарские церковные взаимоотношения с 1872 по 1953 годы / Ц. И. Чонков. – Загорск : МДА, 1974. – 165 с.

60. *Шкаровский, М. В.* История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века / М. В. Шкаровский. – СПб. : Изд-во СПбПДА, 2014. – 248 с.

61. *Шкаровский, М. В.* История русской церковной эмиграции / М. В. Шкаровский. – СПб. : Алетейя, 2009. – 312 с.

62. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь в 1943–1957 гг. / М. В. Шкаровский // Вопросы истории. – 1995. – № 8. – С. 36–56.

63. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 гг.: От «перемирия» к новой войне / М. В. Шкаровский. – СПб., 1995. – 215 с.

64. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. / М. В. Шкаровский. – 3-е изд. – М., 2005. – 399 с.

б) на английском языке

65. Daskalov, R. Debating the Past. Modern Bulgarian History: From Stambolov to Zhivkov. Central European University Press, 2011.

66. Johansen, A. The Bulgarian Orthodox Church. Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. 1981.

67. Crampton, R.J. Bulgaria. Oxford, GBR: Oxford University Press, UK, 2007.

68. Crampton, R.J. A Short History of Modern Bulgaria. Cambridge University Press, 1989.

69. Zhelev-Dimitrov, I. The Orthodox Church In Bulgaria Today. 2000. (статья)

70. Serafimova, M. Religious and politics: the case of the Bulgarian orthodox

church. Blagoevgrad, Bulgaria. 2001.

71. Stefanov, P., archimandrite. The Bulgarian Orthodox Church and the Holocaust: Addressing Common Misconceptions. Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. Vol. 26: Iss. 2, Article 2.

в) на българском языке

72. Аврамова, А. Патриарх Кирил като изследовател на Българската екзархия // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина / А. Аврамова. – Пловдив, 2001. – С. 92–99.

73. Българска Академия на науките. Българска енциклопедия. Т. 3. И–Л. – София, 1982. – 412 с.

74. Българска Академия на науките. Кратка история на България. Институт за Българска история. – София, 1958.

75. Василев Й., *свещ.*, Стобийската епископия и нейните венценосци // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина / Й. Василев, *свещ.* – Пловдив, 2001.

76. Веков, А. Записки от секретните архиви. / А. Веков. – София, 1995. С. 110.

77. Гиргинов, А. Държавното устройство на България / А. Гиргинов. – София, 1921.

78. Гугов, Георги, *свещ.* Социално-Етическите възгледи на патриарх Кирил / Г. Гугов. – Пловдив, 2003.

79. Димов, Я., *свещ.* Кирил патриарх Български / Я. Димов, *свещ.* – София, 2005.

80. Динков, К. История на Българската Църква / К. Динков. – София, 1954.

81. Желев, И., Лачев, М. Ръкописи и старопечатни книги на български и други езици от сбирката на патриарх Кирил в библиотеката на богословския факултет при Софийски университет «св. Климент Охридски» и във фонда на църковноисторическия и архивен институт при Българска Патриаршия / И. Желев, М. Лачев // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. – Пловдив, 2001.

82. *Калканджиева, Д.* Българската православна църква и «народната демокрация» (1944—1953) // Д. Калканджиева. . – Силистра, 2002.

83. *Калканджиева, Д.* Българската православна църква и държавата. 1944—1953 / Д. Калканджиева. – София, 1997.

84. *Кирил, Патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев и българския църковен въпрос: Изследване и документи / Кирил, Патриарх Български. – София, 1956.

85. *Кирил, Патриарх Патриарх Български.* Екзарх Антим (1816—1888) / Кирил, Патриарх Български. – София, 1956.

86. *Кирилл (Марков), митр.* Гости на Руската Църква / Кирилл (Марков), митр. – Пловдив, 1949.

87. *Ковачев, М.* Негово Светейшество Българският патриарх Кирил и преглед на книжовното му дело / М. Ковачев. – София, 1964. – Т. 13. – 347 с.

88. *Костова, С., Паскова, И.* Преглед на личния архивен фонд Патриарх Кирил, съхраняван в Централен държавен архив под № 1318 К / С. Костова, И. Паскова // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. – Пловдив, 2001.

89. *Кръстев, А.* Патриарх Кирил и ролята му за спасението на българските евреи / А. Кръстев // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. – Пловдив, 2001.

90. *Куцаров, И.* Църквата и Българската държава в периода 1944—1953 / И. Куцаров. – София, 2015.

91. *Кьосева, Ц.* Руската емиграция в България / Ц. Кьосева. – София, 2002.

92. *Лео, М.* България и нейният народ под османска власт. През погледа на англосаксонските пътешественици (1586—1878) / М. Лео. – София, 2013.

93. *Огняков, Л.* Държавно-политическа система на България. 1944—1948. / Л. Огняков. – София, 1993.

94. *Огняков, Л.* Отношенията между Светия Синод на Българската православна църква и българското правителство (1949—1953) / Л. Огняков // Християнската традиция и царската институция в българската култура. – Шумен,

2003.

95. *Орманджиев, Иван*. Забележителен научен труд на Българския патриарх Кирил / И. Орманджиев. – София, 1959. – № 10.

96. *Павликянов, К.* В памет на академик Кирил, патриарх Български – неизвестни документални свидетелства за селищата Дряново, Габрово и Килифарево в архива на манастира Ватопед / К. Павликянов // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. – Пловдив, 2001.

97. *Панчовски И.* Пловдивски митрополит Кирил / И. Панчовски. – Пловдив, 1945. – Т. 2.

98. *Пашев, Г.* Отношението между Българска църква и държавна власт // Сборник в чест на Пловдивския митрополит Максим по случай 60 години от рождението му и 30 години от приемане духовно звание / Г. Пашев. – София, 1931.

99. *Петков, А.* Резюме на книгата на Даниела Калканджиева «Българската Православна Църква и държавата. 1944–1953»: Курсова работа / А. Петков. – София, 2013.

100. Руска емиграция в България 1878–2006. Библиографски указател // Руски академичен съюз в България. – София, 2006.

101. *Стефанов, П., архм.* Римокатолическата пропаганда в трудовете на патриарх Кирил / П. Стефанов, архм. // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. – Пловдив, 2001.

102. *Събев, Т.*, Самостояна народностна църква в средновековна България / Т. Събев. – София, 1987.

103. *Тодоров, Т.* Богословието на Негово Светейшество Българския Патриарх Кирил, отразено в проповедническите му трудове / Т. Тодоров. – София, 1971. № 1–2.

104. *Цанков, С.* Българската православна църква от Освобождението до настояще време / С. Цанков. – София, 1939.

105. *Цоневски, И.* Третият църковно-народен събор в 1953 г. / И. Цоневски. – София, 2003. – № 5.

106. *Чурешки, С.* Православието и комунизмът в България 1944–1960 г. / С. Чурешки. – София, 2004.

107. *Шивачев, С.* Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина / С. Шивачев. – Пловдив, 2001.

108. *Юлзари, Б. А.* Незабравимо приятелство между Кирил – патриарх Български и семейство – Фани и Йосиф Юлзари / Б. А. Юлзари. – Израиль, 2009.

IV. Диссертационные исследования

109. *Борис (Добрев), архм.* Вопросы христианской нравственности в гомилетическом наследии Святейшего патриарха Болгарского Кирилла : дисс. ... канд. богосл. / Борис (Добрев), архм. – Сергиев Посад, 2000. – 164 с.

110. *Васильева, О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. : дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Васильева Ольга Юрьевна. – М., 1998. – 294 с.

111. *Ершов, А.* Заграничные поездки Патриарха Алексия I (Симанского) в 1945–1947 гг.: Вопросы организации и протокола. Дипломная работа / А. Ершов. – М. : Сретенский ставропигиальный монастырь, 2016. – 65 с.

112. *Исаак (Бояджийский), архм.* Патриаршество Болгарской Православной Церкви: дисс. ... магистр богословия. – М. : ОЦАД, 2015.

113. *Краев, С. А.* Государственно-церковные отношения в современной Болгарии в контексте общечеловеческих ценностей: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / Краев Севдалин Атанасов. – М., 1991.

114. *Лепилин, А. В.* Взаимодействие Русской Православной Церкви с экуменическим движением в период его зарождения и развития: 1917–1961 гг. : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лепилин Алексей Владимирович. – Орел, 2004. – 197 с.

115. *Ливцов, В. А.* История взаимодействия Русской православной церкви с экуменическим движением (конец XIX – начало XXI в.) : дисс. ... д-ра ист. наук / Ливцов Виктор Анатольевич. – М., 2013. – 569 с.

116. *Суханов, Ф. В.* Церковь и государство в Болгарии: середина 1940-х – начало 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук / Суханов Федор Владимирович. – Краснодар, 2009. – 238 с

117. *Федотов, А., свящ.* Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России) : дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Федотов Алексей Александрович. – Иваново, 2009. – 465 с.

118. *Филонов, В. И.* История взаимодействия Русской православной церкви с Ватиканом в контексте развития католического экуменизма (середина XX – начало XXI в.) : дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Филонов Владимир Иванович. – М., 2014. – 461 с.

119. *Чумаченко, Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: 1943–1965 гг. : дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Чумаченко Татьяна Александровна. – М., 2011. – 535 с.

120. *Шкуратова, И. В.* Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской Православной Церкви (1945–1961 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шкуратова Ирина Викторовна. – М., 2005. – 188 с.

V. Электронные ресурсы.

121. *Августин (Никитин), архм.* К 65-летию ОВЦС: люди Отдела. Александр Казем-Бек [Электронный ресурс] / Августин (Никитин), архм. // Татьянин день. – 2011. 21 июля. – Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1156868.html>.

122. *Боровой, В., протопресв.* «И он был верен до смерти» (о богословских трудах митрополита Никодима) [Электронный ресурс] / В. Боровой, протопресв. – Режим доступа: <http://www.mepar.ru/library/books/4/3/14/>.

123. *Бълхова, М. И.* Митрополит Стефан и новая власть [Электронный ресурс] / М. И. Бълхова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-251144.html?page=2>.

124. *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания. Митрополит Никодим (Ротов) [Электронный ресурс] / Василий (Кривошеин), архиеп. – Режим доступа:

<http://www.wco.ru/biblio/books/krivosh2/H5-T.htm>.

125. *Васильева, О. Ю.* Ватикан и СССР. Тайная дипломатия [Электронный ресурс] / О. Ю. Васильева. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_8443.html#6.

126. *Васильева, О. Ю.* Государственно-церковные отношения Советского периода: периодизация и содержание [Электронный ресурс] / О. Ю. Васильева. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5206.htm>.

127. *Васильева, О. Ю.* Митрополит Николай (Ярушевич) в истории Русской Православной Церкви XX века. Часть 1: 1949–1955 годы. [Электронный ресурс] / О. Ю. Васильева. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/58034.htm>.

128. *Васильева, О. Ю.* Митрополит Николай (Ярушевич) в истории Русской Православной Церкви XX века. Часть 2: 1956–1958 годы. [Электронный ресурс] / О. Ю. Васильева. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/58067.htm>.

129. *Васильева, О. Ю.* Митрополит Николай (Ярушевич) в истории Русской Православной Церкви XX века. Часть 3. 1959–1961 годы. [Электронный ресурс] / О. Ю. Васильева. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/58101.htm>.

130. *Васильева, О. Ю.* «Я хочу сильного Православия» [Электронный ресурс] / О. Ю. Васильева. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5253.htm>.

131. *Дикарев, А., диак.* Наблюдатели Русской Православной Церкви на II Ватиканском соборе: предыстория [Электронный ресурс] / А. Дикарев, диак. // Церковь и время. – 2013. – № 1 (62). С. 107–137. – Режим доступа: <https://mospat.ru/church-and-time/1422#fnref-1422-3>.

132. Еврейская община в Болгарии. Кирилл, митрополит Пловдивский (патриарх Болгарский) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.archives.bg/jews/72>.

133. Искусство и архитектура Русского зарубежья. Ростовцев Николай Евгеньевич. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arttrz.ru/1804786194.html>.

134. *Кострюков, А. А.* Архиепископ Серафим (Соболев) и церковные проблемы современности [Электронный ресурс] / А. А. Кострюков. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3125679.html>.

135. *Кострюков, А. А.* Предпосылки участия архиепископа Серафима (Соболева) во Всеправославном Совещании 1948 года [Электронный ресурс] / А. А. Кострюков // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – Вып. II: 2 (35). – С. 52–60. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-uchastiya-arhiepiskopa-serafima-soboleva-vo-vsepravoslavnom-soveshchanii-1948-goda>.

136. *Кострюков, А. А.* Протоиерей Стефан Ляшевский как свидетель исповеднического служения Патриарха Сергия (Страгородского) [Электронный ресурс] / А. А. Кострюков. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/1223142.html>.

137. Памятник патриарху Болгарскому Кириллу в Пловдиве [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nauka.bg>.

138. Поход советских войск в Болгарию в 1944 г. Освобождение от немцев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.protown.ru/information/hide/5312.html>.

139. «Разорвать экуменическое вселенское кольцо». К 50-летию Московского Всеправославного Совещания 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://radonezh.ru/assets/storage/files/405/405/71.pdf>.

140. *Романовский, Д.* Праведники в Содоме: спасение евреев в Дании и Болгарии [Электронный ресурс] / Д. Романовский // Лехаим. – 2008. – Октябрь. № 10 (198). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/198/romanovskiyy.htm>.

141. *Тодоров, К.* Святитель Серафим и Московская патриархия [Электронный ресурс] / К. Тодоров. – Режим доступа: <http://www.bulgarian-orthodox-church.org/rr/lode/KT/SSIMP-ru.html>.

142. Холокост в Болгарии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dddeko.ru/?p=268>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП – Архив внешней политики

БПЦ – Болгарская Православная Церковь

ВСЦ – Всемирный совет Церквей

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ЖМП – Журнал Московской Патриархии

МДА – Московская духовная академия

ООН – Организация объединенных наций

ОЦАД – Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых Кирилла и Мефодия

ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

РПЦ – Русская Православная Церковь

ЦДА – Централен държавен архив

ЧГУ – Челябинский государственный университет

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЦДА. 165. Оп. 9. Д. 583. Л. 1–65

1. Телеграмма

**Председателя Синода Болгарской Православной Церкви
митрополита Врачанского Паисия
Председателю ООН
об отсутствии религиозных гонений в Болгарии**

ТЕЛЕГРАММА

Председателю ООН
Нью-Йорк

Удивлен и поражен поднятым вопросом перед ООН об отсутствии религиозной свободы в Народной республике Болгарии, Синод Болгарской Православной Церкви должен опровергнуть эти обвинения и заявить перед Вами и высоким собранием ООН:

Болгарской Православной Церкви и всем вероисповеданиям гарантирована, как по конституции, так и по Закону о вероисповеданиях, полная свобода вероисповедания, культа, самоуправления и самоорганизации.

Церковь полностью пользуется этими правами и свободой. Во всех храмах страны священнослужители беспрепятственно совершают богослужения и удовлетворяют религиозные нужды верующих.

Болгарская Православная Церковь получила от государства необходимые субсидии на свое содержание.

Наместник-Председатель Св. Синода
Болгарской Православной Церкви

митрополит Врачанский ПАИСИЙ

23 апреля 1949 г.

С о ф и я

**2. Телеграмма католических епископов
Председателю ООН
об отсутствии гонений в Болгарии**

ТЕЛЕГРАММА

Председателю ООН
Нью-Йорк

Мы, католические епископы Болгарии, заявляем, что наши церкви находятся открытыми и в свободном доступе для верующих и что богослужения совершаются беспрепятственно, и что религиозная свобода регулируется с помощью закона о вероисповеданиях.

/п/ епископ РОМАНОВ

/п/ епископ ГАРУФАЛОВ

/п/ епископ БОСИЛКОВ

25 апреля 1949 г.

С о ф и я

**3. Телеграмма Конгресса евангельской баптисткой церкви
главному секретарю ООН Трюгве Ли
об отсутствии гонений в Болгарии**

ТЕЛЕГРАММА

Главному секретарю ООН
ТРЮГВЕ ЛИ

Нью-Йорк

Конгресс евангельской баптисткой церкви в Болгарии, заседавший 27 и 28 апреля в Софии, единодушно протестовал против повестки дня ООН об отсутствии свободы в Болгарии. Заявляем, что пользуемся полной религиозной и личной свободой.

Председатель бюро конгресса КАЗАНДЖИЕВ

28 апреля 1949 г.

С о ф и я

**4. Телеграмма
Главного раввина в Болгарии Ашера Хананела
Председателю ООН
об отсутствии гонений в Болгарии**

ТЕЛЕГРАММА

Председателю ООН
Нью-Йорк

Главное раввинство в Болгарии с большим огорчением узнало, что в Организации объединенных наций поднимается вопрос о том, что в НР Болгарии ограничена религиозная свобода.

От имени верующих евреев и от своего имени должен заявить, что израильское вероисповедание пользуется большой религиозной свободой и что никогда в нашей стране свобода верующих не была так гарантирована как сегодня.

В 1914 году, когда уехал тогдашний Главный раввин Болгарии д-р Маркус Эренпрайс, никакое болгарское правительство не посчитала нужным, чтобы поставить кого-нибудь на пост Главного раввина. Правительство Отечественного фронта вскоре после 9 сентября 1944 года вернуло полные права и свободу болгарским евреям и назначило Главного раввина Болгарии, которому была определена специальная государственная субсидия. С этого времени и по сегодняшний день, в стране 40 наших синагог, в которых спокойно служатся службы, и сейчас не замечено, по крайней мере никакого смущения или какого-либо препятствия, чем когда бы то ни было.

Выше, как Вам было изложено, мы активно протестуем против клеветнических измышлений об ограничении религиозной свободы в Болгарии.

**ГЛАВНЫЙ РАВВИН ЕВРЕЕВ
В БОЛГАРИИ: /п/ д-р Ашер Хананел**

28 апреля 1949 г.
С о ф и я

**5. Телеграмма руководства мусульманского духовенства Болгарии
главному секретарю ООН Трюгве Ли
об отсутствии гонений в БНР**

ТЕЛЕГРАММА

Главному секретарю ООН
ТРЮГВЕ ЛИ

Нью-Йорк

Мусульманское население в НР Болгарии и его духовенство с возмущением узнало, что общее собрание ООН приняло предложение включить на повестку дня вопрос о религиозной свободе в Болгарии.

Мы, мусульманское духовенство, считаем своим долгом опровергнуть клевету относительно каких-либо ограничений религиозной свободы в Болгарии. Мы высоко заявляем, что исповедание религии и проведение связанных с ней обрядов находится в полной свободе. Тысяча молитвенных домов, которые возводятся по всей стране, и в которых совершаются регулярные службы, являются ярким доказательством свободы, которая радует мусульман и всех верующих других религий. Эта свобода утверждена конституцией народной демократической Болгарии и строго соблюдается органами государственной власти.

Вот за что мы активно протестуем, против попыток некоторых реакционных кругов, которые с помощью клеветы стараются представить в негативном виде перед всем миром НР Болгарию, которая, в отношении религиозной свободы, может сама служить примером.

Просим Ваше превосходительство донести общественности наш протест на общем съезде ООН, как мы считаем, это поспособствует установлению истины.

ГЛАВНЫЙ МУФТИЙ: /п/ А. Османов
ВЕРХОВНЫЕ ДУХОВНЫЕ СУДЬИ: /п/ /п/ М. Азизов и М. Мемишев
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ФОНДА «ДУХОВЕНСТВО И ВАКУФ»: /п/ Н. Гымзов

25 мая 1949 г.

С о ф и я

**6. Телеграмма архиерейского наместника
протоиерея Милчева
в национальный Комитет защиты мира
о праздновании духовенством 1 мая**

ТЕЛЕГРАММА

В НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

С О Ф И Я

Когда накануне великого Первомайского праздника, символа мирного труда и культурного творчества народа, в невиданных масштабах мировой акции, сотни миллионов людей сходят с ума, собирая подписи в защиту мира, мы, священники, настоятели храмов и православные христиане, от всего Коларовградского района, считаем своим первым долгом показать свою безграничную христианскую верность фронту мира во всем мире и готовности наших приверженцев, первых борцов Христовой веры, отстаивать эти свои позиции. Поэтому черпаем силу из глубокого убеждения, что только при праздновании сего праздника, великая социалистическая страна мира, могла бы превратить мир в настоящий рай на земле.

АРХИЕРЕЙСКИЙ НАМЕСТНИК: /п/ прот. МИЛЧЕВ

28 апреля 1950.

Коларовград

**7. Телеграмма председателя Синода БПЦ
митрополита Пловдивского Кирилла И.В. Сталину
о признательности болгарского духовенства Советскому Союзу**

ТЕЛЕГРАММА

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

МОСКВА

Священнослужители Пловдивской епархии, собрались сегодня в Пловдиве вместе со своим архиереем на областную конференцию для обсуждения угрозы новой войны, и обращаемся к Вам, первому, вождю всех прогрессивных народов и знамени мира. Священство желает заверить Вас, что в реализации своих религиозных традиций и заветов будет стоять твердо и безоговорочно за мировой фронт, фронт демократических и прогрессивных народов, во главе с великим и могучим Советским Союзом.

Внимая призыву Его Святейшества, патриарха Московского и Всероссийского Алексия, духовенство обещает положить много сил, чтобы объединить волю и усилие всех верующих в борьбе за мир, против англо-американских поджигателей новой, еще более жестокой и разрушительной, войны.

Да укрепится дело всех миролюбцев в мире!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СИНОДА: /п/ Пловдивский КИРИЛЛ

8 мая 1950 г.

П л о в д и в

**8. Телеграмма председателя Синода БПЦ
митрополита Пловдивского Кирилла
Патриарху Московскому и всея Руси Алексию
о поддержке духовенством идеи борьбы за мир**

ТЕЛЕГРАММА

**ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕРОССИЙСКОМУ
ПАТРИАРХУ АЛЕКСИЮ**

МОСКВА

Священнослужители Пловдивской епархии, собрались сегодня вместе со своим архиереем на конференцию в Пловдиве, для того чтобы дать ответ на призыв борьбы за мир. Мы приносим, Ваше Святейшество, свои глубокие сыновние и наилучшие пожелания. Вы убедитесь, что священство в нашей стране объединилось вокруг своих архипастырей и выполняет высшие повеления пастереначальника Иисуса Христа создавать и защищать мир на земле, твердо и неизменно стоять вместе с болгарским народом за мир, во главе с Вашей великой и могучей страной.

Внимая обращению Вашего Святейшества, духовенство обещает преумножить усилия, чтобы объединить и утвердить волю верующих в борьбе против новой войны и ее поджигателей.

Просим молитв Вашего Святейшества. Бог да благословит и утвердит дело борьбы за мир.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СИНОДА: /п/ Пловдивский КИРИЛЛ

8 мая 1950 г.

П л о в д и в

**9. Телеграмма Председателя Синода
Болгарской Православной Церкви
митрополита Врачанского Паисия**

И.В. Сталину о поддержке духовенством Болгарии идеи борьбы за мир

ТЕЛЕГРАММА

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ
ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ**

КРЕМЛЬ – МОСКВА

Болгарские православные священники из Врачанской, Тырновской, Ловчанской, Доростоло-Червенковской и Сталино-Преславской епархий, собрались, в присутствии митрополитов Тырновского Софрония и Ловчанского Филарета, на конференцию, в исторический для нашего братского народа г. Плевну, для поддержания дела в защиту мира. Считаем своим первым и необходимым долгом поздравить Вас, высокоуважаемый Иосиф Виссарионович Сталин. Вы вождь великого и непобедимого Советского Союза и всего прогрессивного человечества, верный и непоколебимый борец мира во всем мире.

Болгарские православные священники демонстрируют перед Вами свои твердые намерения работать в защиту мира во всем мире против поджигателей новой войны и кровопролития.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /n/ Врачанский ПАИСИЙ

30 мая 1950 г.

П л е в н а.

**10. Телеграмма Председателя Синода
Болгарской Православной Церкви
митрополита Врачанского Паисия
председателю Совета министров В. Червенкову
о поддержке духовенством Болгарии идеи борьбы за мир**

ТЕЛЕГРАММА

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ВЫЛКО ЧЕРВЕНКОВУ

С О Ф И Я

Приходские священники Врачанской, Тырновской, Ловчанской, Доростоло-Червенской и Сталино-Преславской епархий, собрались, в присутствии митрополитов Тырновского Софрония и Ловчанского Филарета, на районной конференции в городе Плевне в защиту идеи мира во всем мире, преподнося Вам наилучшие сердечные поздравления и благопожелания, доброго здоровья и крепкой десницы в успешном управлении дел народным правительством.

Болгарское национальное духовенство, пользуясь случаем, еще раз уверяет вас, господин Председатель совета министров, что слушая рекомендации Св. Синода Болгарской церкви, оно стоит на здоровых народных позициях и будет по-прежнему продолжать содействовать в создании благополучия для нашего народа и народной республики Болгарии.

Пусть да укрепится народный демократический фронт, борющийся за мир и социализм, во главе с непобедимым Советским Союзом, вдохновляясь и руководствуясь от вождя всего прогрессивного человечества – генералиссимуса Сталина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /n/ *Врачанский ПАИСИЙ*

30 мая 1950 г.

П л е в н а.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЦДА ФОНД 1318 к.

1. Письмо Болгарского Патриарха Кирилла митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю с просьбой о помощи в урегулировании конфликта с Константинопольским патриархатом в связи с непризнанием восстановления патриаршества в Болгарии

1 июля 1953 года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему НИКОЛАЮ,
Митрополиту Крутицкому и Коломенскому

Москва

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО,
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ВЛАДЫКО!

Слава Богу за все милости, которые Он обильно изливает на св. нашу Церковь для ее преуспевания и восхода в вере, благочестии и каноническом устройстве. Восстановление патриаршего достоинства нашей святой Церкви было встречено целокупным нашим народом с чрезвычайно большой радостью как знамение во благо. Мы чувствовали и еще продолжаем чувствовать великую радость по поводу приветственных посланий св. православных Церквей, которые высказывают нам теплые сочувствия и молитвенные благопожелания. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132: 1). Мы успели в достойной мере оценить благо единства веры и любви в связи с восстановлением древней Болгарской патриархии.

Вашему Высокопреосвященству уже известно послание Его Святейшества Константинопольского патриарха Афинагора от 25-го апреля с/г. Св. Синод Болгарской Православной Церкви рассматривает это послание и составит нужный ответ. Нам, однако, необходимо знать, как отнеслась св. Русская Православная Церковь к св. Константинопольской патриархии в 1918 году, когда она восстановила свое патриаршее достоинство. Просим дать нам необходимые сведения.

На днях в канцелярии Св. Синода пришло письмо № 1538/428 с.г., подписанное Генеральным секретарем св. Архиерейского Синода Сербской Православной Церкви епископом Германом. Русский перевод этого письма Вам высылаем для сведения. К большому сожалению, это письмо подтверждает, что Сербская св. Православная Церковь принимает пока не совсем определенное отношение к важному в нашей истории факту – восстановлению патриаршества. Не входя в разбор этого отношения, позволю себе подчеркнуть, что в первый раз своей новой истории (с середины прошлого столетия до сих пор) Сербская св.

Православная Церковь имеет неопределенное отношение к нам и отклоняется от общения с славянскими Православными Церквями.

Поздравляю всесердечно Ваше Высокопреосвященство и с братской о Христе
Господе любовью остаюсь

патриарх Кирилл

ЦДА. Ф. 1318 к. Д. 3291. Л. 4. Машинопись Подпись Патриарх Кирилл.

**2. Протокол заседания Св. Синода БПЦ от 25 ноября 1953 года,
составленный в связи с протестным письмом
Вселенского Патриарха Афинагора**

ПРОТОКОЛ № 24

Заседание от 25 ноября 1953 года.

Председатель: Его Святейшество.

Присутствовал полный состав архиереев.

§ 1. Прочитав письмо от 25 апреля 1953 года Его Святейшества Вселенского патриарха Афинагора, в котором был дан отрицательный ответ на приглашение отправить своих представителей в Софию по случаю интронизации нового Болгарского патриарха.

Письмо следующего содержания:

«Прот. № 965».

Высокопреосвященный Пловдивский митрополите, возлюбленный в Святом Духе брат и сослужитель нашего смирения господине Кирилле, наместник-председатель Св. Синода Болгарской Православной Церкви, благодать и мир от Бога Вашему Высокопреосвященству.

Получили письмо от Вашего Возлюбленного Высокопреосвященства от 30 марта за № 2381, которое прочитали на заседании Святейшего Синода. В нем сообщается нам, что 8–10-го мая предстоит собрание в Софии иерархов Поместной Церкви, чтобы, между прочими вопросами административного характера, главным образом провести выборы патриарха, интронизация которого будет 10 мая с.г. в храме-памятнике Св. Александра Невского. Вы просите нас присутствовать на церемонии интронизации или прислать делегацию нашего Святейшего Апостольского и Патриаршего Вселенского Престола.

Наша святая Великая Церковь Христова, питающая всегда надежду на возвращение в нашу св. церковь отколовшейся от нее в свое время Болгарской церкви, желает ей восстановления канонических связей с Святейшим Вселенским Престолом и остальными православными автокефальными церквями. Она с радостью и большим веселием прославила Бога, когда с Божьим благословением в 1945 году наш предшественник – Святейший Вселенский Патриарх Вениамин,

снял схизму, и Болгарская Церковь вступила снова в сонм братских Православных Церквей.

К этой большой радости по случаю этого счастливого события, приобщились и мы, когда с Божьей благодатью приняли правление Святейшим Апостольским и Патриаршим Вселенским Престолом, молясь непрестанно в своих молитвах о непоколебимой твердости, мире и единстве всех святых Божиих Церквей.

Поэтому и письмо Вашего возлюбленного Высокопреосвященства удивило святую Мать-Церковь, т. к. не ожидали, что недавно еще провозглашенная независимой и автокефальной Болгарская Православная Церковь попытается снова ввести в Церковь новаторство. Отклоняясь от существующего церковно-канонического порядка, Болгарская Церковь, самовольно приписала сама себе патриаршее достоинство, при этом, оставляя в полном неведении наш святейший Вселенский Престол и другие автокефальные Церкви. Болгарская Православная Церковь должна была, по установленному издревле церковному порядку, предварительно засвидетельствовать свою зрелость в церковной жизни и способность соблюдать своим неуклонным постоянством и преданностью канонических правил. Только тогда можно было бы просить через нас восстановления ее в патриаршем достоинстве от сонма почтенных предстоятелей святейших Православных Церквей.

Итак, мы не сомневаемся, что Ваше возлюбленное Высокопреосвященство и Ваши почтенные иерархи примут во внимание вышеизложенные замечания с большой любовью. Надеемся, что Болгарская Православная Церковь воздержится от всяких мыслей и действий, которые могли бы подать повод к смущению братских отношений между Поместными Православными Церквями.

Призываю на Церковь и на всех благодать и бесконечную Божию милость.

25 апреля 1953 года

/п/ Цариградский Афинагор

возлюбленный о Христе брат.

Св. Синод на заседании в полном составе от 2 июля 1953 года заслушал это письмо, и после его обсуждения решил запросить письменную рецензию на его содержание от протопресвитера проф. д-р Стефана Цанкова и от г. профессора Ивана Снегарова, профессоров Духовной академии «Св. Климента Охридского». Большая ответственность за подготовку документа возлагается на протопресвитера, он должен составить окончательный текст ответа, который будет направлен от Св. Синода Его Святейшеству Вселенскому патриарху.

После того, как были заслушаны научно-канонические и научно-исторические справки, Св. Синод решил:

На следующее заседание Синода подготовить окончательный вариант ответного письма.

Кроме того, Св. Синод постановил следующее:

1) Ответное письмо перевести на греческий, русский и французский языки и отправить всем Православным Церквам.

2) Текст должен быть подписан председателем и всеми членами Св. Синода.

3) Поручить протопресвитеру проф. д-р Стефану Цанкову написать статью на тему обсуждаемого вопроса в некоторые западноевропейские богословские журналы.

ЦДА. Ф. 1318 к. Д. 3291. Л. 13. Машинопись.

3. Письмо Болгарского Патриарха Кирилла митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю о дискредитации Болгарской Церкви со стороны Константинопольского патриархата

6 января 1954 года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Николаю,
Митрополиту Крутицкому и Коломенскому

Москва, СССР

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопочтимый и зело любимый Владыко!

К середине месяца ноября с. г. Св. Синод Болгарской Церкви в полном составе собрался к своей осенней сессии. Одним из первых вопросов, которым он занялся, был вопрос о письме святейшего Вселенского патриарха Афинагора в связи с восстановлением патриаршего достоинства Болгарской Православной Церкви. Мы замедлили этот ответ, во-первых, потому что все еще хотелось верить, что время является хорошим советником, и оно внушит благие мысли всем, чтобы не создавались настоящие аномалии в жизни святой Православной Церкви.

В скором времени официально вышлем Вам копию нашего ответа святейшему Афинагору. Такие же копии мы послали для сведения всем святым Православным Церквам, потому что так поступил и святой Вселенский престол в Константинополе, отправив копию своего письма к нашей святой Церкви всем Поместным Церквам, даже и некоторым инославным кругам.

Мы весьма опечалены несправедливым отношением святейшего Афинагора. В Константинопольской церкви, кажется, за целые века не наступило никакой перемены в отношении к благочестивому болгарскому народу и его справедливым желаниям о достойном церковном возглавлении.

Имеются сведения, что из Константинопольской патриархии выходят по этому поводу неправильные и односторонние осведомления в западноевропейской церковно-богословской печати, которые имеют целью

компрометировать св. Болгарскую Православную Церковь. Между прочим, Его Святейшество сделал заявление перед Нью-Йорк Таймс, в котором не скрывает своей неприязни к Болгарской Церкви, очень мелочно подбрасывая интригу, что мы будто бы намереваемся поднять запрос о церковном ведомстве в Македонии. Однако, наше упование на Господа истина, правда и мир, на Него надеемся и на любовь св. Божиих Церквей.

Примите, Высокопреосвященнейший и любимый Владыко, мои самые почтительные приветствия и благопожелания. Прошу Ваших святых архипастырских молитв и остаюсь

Ваш преданный о Христе брат
Кирилл

ЦДА. Ф. 1318 к. Д. 3291. Л. 16. Машинопись. Подпись Патриарха Кирилла.

**4. Письмо Болгарского Патриарха Кирилла
патриарху Московскому и всея Руси Алексию
с просьбой посодействовать разрешению конфликта между
Болгарской Церковью и Константинопольским патриархатом**

Българска патриархия
Св. Синод
06.01.1954 г

Его Святейшеству
Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси
6 января 1954 года
Москва

Ваше Святейшество,
зело любимый и высокочтимый о Господе Владыко!

Вместе с этим письмом направляю Вам содержание ответного письма Св. Синода Болгарской Православной Церкви, которое мы отправили Его Святейшеству, господину Афинагору Вселенскому патриарху, в Царьград.

Мы благодарны и признательны, что Ваше Святейшество и Св. Синод Русской Православной Церкви имеет справедливо правильное каноническое мнение о нашей Церкви в контексте восстановления ее древнего патриаршего достоинства.

Мы позволяем себе просить Вас направить Вселенскому патриарху в Царьград Ваше многоценное и многоуважаемое мнение с целью утвердить мир и доброе настроение в св. Вселенской Церкви, в основе которого лежит бесспорное каноническое повеление Господа – любить и почитать св. Церковь.

Приветствуем с глубоким уважением Ваше Святейшество, просим Ваших Архипастырских молитв, с любовью в Господе Иисусе Христе преданный брат и сослужитель

П[атриарх] Б[олгарский] Кирилл

**5. Письмо Болгарского Патриарха Кирилла
Патриарху Московскому и всея Руси Алексию с просьбой о посредничестве
в разрешении конфликта между Болгарской Церковью и
Константинопольским Патриархатом**

31.01.1954 г.

Его Святейшеству
Святейшему А л е к с и ю,
Патриарху Московскому и всея Руси

М о с к в а

В а ш е С в я т е й ш е с т в о,
возлюбленный и zelочтимый о Господе Владыко!

Как известно, 10 мая 1953 г. на основании Устава Болгарской Православной Церкви была восстановлена древняя Болгарская Патриархия. Это совершилось с единодушного и давно существующего согласия болгарского епископата, и по решению созванного Церковно-народного собора, которым и был избран новый Болгарский патриарх.

В радостном торжестве Святой Болгарской Православной Церкви по этому поводу приняли сердечное участие представители большинства Святых сестер Церквей, выразившие свое сорадование и благопожелания в Духе Святом.

На братолюбивое наше приглашение не отозвалась, однако, Святая Вселенская Патриархия. К нашему изумлению и искреннему сожалению Его Святейшество Афинагор, Архиепископ Царьграда и Вселенский Патриарх, в письме за № 965 от 25 апреля 1953 г., полученном нами 12 мая т.г., заявил о неодобрении этого акта. Священный Синод Болгарской Православной Церкви письмом за № 9905 от 31 декабря 1953 г. ответил на письмо Его Святейшества и обосновал канонически и исторически свое право на восстановление древнего Патриаршества, выражая сердечную горечь нашей Святой Церкви по поводу того, что «высокочтимая её Матерь-Церковь, Святая Вселенская Патриархия, не приняла участие в праздничных церковных торжествах в Софии в мае месяце, и отсутствовала в радостно собравшемся сонме представителей Святых Православных Церквей». Священный Синод выразил и свою надежду на то, что это последнее «недоразумение вскоре будет рассеяно обоюднoю любовью о Господе и Спасителе нашем Иисусе Христе, и тем почтением, которое святая наша Церковь питает к Святой Матери-Церкви».

С того времени Святейший Вселенский Престол прекратил со святой нашей Церковью обычные канонические отношения, существующие между Православными Церквями, вопреки непрестанно выражаемому нами знаком высокого уважения к Матери Церкви. Священный Синод Болгарской Православной Церкви глубоко скорбит об этом факте, столь нежеланном и вредном для Святого Вселенского Православия. Вследствие этого Священный Синод решил почтительно обратиться к Вашему Святейшеству с просьбой о посредничестве, имея в виду Ваше высокое влияние вседостойного патриарха Святой Русской Православной Церкви, дабы отстранить и малейшую тень в отношениях двух сестер церквей – Святой Вселенской Патриархии и Святой Болгарской Православной Церкви. Мы глубоко уверены в том, что Ваше Святейшество, как ревнитель и столп Святого Православия, примет близко к сердцу нашу просьбу, ибо и до этого времени Вы всегда с любовью относились к духовным нуждам нашей святой Церкви в общих интересах Святой Вселенской Православной Церкви.

Поручая себя святым Архипастырским молитвам
Вашего Святейшества,
остаюсь Ваш во Христе Господе смиренный брат
и сослужитель –
ЦДА. Ф. 1318 к. Л. 153. Машинопись. Подпись не стоит.

**6. Письмо митрополита Крутицкого и Коломенского Николая Патриарху
Болгарскому Кириллу**

Московская патриархия
Член Священного Синода
Николай,
митрополит Крутицкий и Коломенский
г. Москва

Его Святейшеству
святейшему Кириллу,
патриарху Болгарскому

21 января 1954 года

Ваше Святейшество,
Святейший Владыко!

Прежде всего, просим Ваше Святейшество принять нашу самую сердечную благодарность за столь отзывчивое отношение Ваше к нуждам инокинь б. Леснинского монастыря.

Господь да возблагодарит Вас за это!

Спешим подтвердить получение экземпляра богомудрого ответа Вашего и Св. Синода святейшему патриарху Афинагору по вопросу восстановления патриаршего достоинства Болгарской Православной Церкви.

Наш ответ на окружное послание святейшего патриарха Афинагора по этому вопросу мы не преминем также сообщить Вашему Святейшеству.

Горячо благодарю Ваше Святейшество и за Ваши благопожелания мне в письме от 6 января с. г.

Примите, святейший владыко, заверения моей всецелой преданности и истинной о Господе сыновней любви

Николай,
митрополит Крутицкий и Коломенский